
Д А Н И Л
С А Л И Х О В

ПЬЕСЫ

Данил Салихов

Пьесы

«Татарское книжное издательство»

2017

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Тат)-6

Салихов Д.

Пьесы / Д. Салихов — «Татарское книжное издательство», 2017

ISBN 978-5-298-03520-0

Пьесы известного драматурга Данила Салихова на протяжении многих лет живут на сцене яркой, современной жизнью, украшая репертуары многих театров по всей России. Писатель духовно близок своему народу, говорит с ним на одном языке, пишет о людях и для людей, заставляя читателя и зрителя неотрывно следить за развитием событий и сопереживать героям. В настоящий сборник вошли пьесы Данила Салихова, созданные им в разные годы.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Тат)-6

ISBN 978-5-298-03520-0

© Салихов Д., 2017
© Татарское книжное
издательство, 2017

Содержание

Пуля	6
Проклятый Богом дом	36
Каменный ларец	60
Акт первый	61
Акт второй	77
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Данил Салихов

Пьесы

© Татарское книжное издательство, 2017

© Салихов Д. Х., 2017

* * *

Пуля
(перевод И. Шприца)
Комедия в двух действиях

Действующие лица:

- Фикусов Флус Миннатович** – глава крупной организации.
Зарима – супруга Фикусова.
Зарима – в юности (16 лет).
Гульсум – служанка Фикусовых.
Марфуга – мать Заримы.
Ким Кимович – первый заместитель Фикусова.
Маликов Хамит Хамитович – второй заместитель Фикусова.
1-й белый халат – медицинский работник.
2-й белый халат – медицинский работник.

События происходят в наши дни в городе.

Действие первое

Большая гостиная шикарного коттеджа Флуса Миннатовича. В центре зала стоит богато сервированный, уставленный яствами стол. Вокруг него – диван и кресла. Огонь камина падает не только на убранство стола, но и на золотых рыбок в аквариуме, придавая комнате какой-то волшебный, сказочный вид. На заднем плане стоит ансамблем к дубовым дверям «бар» из красного дерева. На левом портале большое окно, на правом – телевизор с большим экраном.

Открываются дубовые двери, в комнату заходит Фикусов в дорогом халате, в домашних туфлях на босу ногу. Посвистывая, подходит к окну, настежь открывает шторы.

Фикусов (*заложив обе руки за голову*). Господи... какой свет! Какая красота! Благолепие... (*Гнусаво припевает.*) Хорошо-о-о... Хорошо-о-о-о... (*Рассматривая пейзаж за окном, язвительно смеётся.*) Бедный, бедный Гали Галиевич... Как заяц за паровозом гонится сосед... Тужится, строит коттедж, из последних сил надрывается... геморрой заработал, поди... (*Засовывает руки в карманы халата и подходит к аквариуму.*) Ну что, безгласные? Опять жрать хотите? (*Сыпет корм рыбкам.*) Передайте Гали Галиевичу, что строить коттедж надо как я. Не пошевелия и пальчиком. (*Подходит к камину погреть ноги, подбрасывает в камин поленья. Потом почти прыжком оказывается в кресле. Кладёт босые ноги на стол, берёт пульт телевизора, перебирает каналы. Смотрит на экран телевизора.*) Богатые тоже

плачут. Брехня! Богатые не плачут, богатые смеются! А вот бедные плачут. Выходят на площадь и толпами плачут. Туфта! *(Выключает телевизор.)* Эй вы там! Зарима! Гульсум!

В комнату заходит Зарима.

Зарима. Что за шум, папочка?

Фикусов *(раздражённо)*. Сходи на базар, купи себе новые уши! Кричишь тут как ишак в пустыне. Никто не слышит!

Зарима. Деньги дашь, куплю.

Фикусов. Тебе нравится этот дом?

Зарима. А тебе?

Фикусов. Нет.

Зарима. Почему нет?

Фикусов. Слишком большой. Вас не дозовёшься. Пока кричишь, горло надсадишь.

Зарима. А ты, отец, не кричи. По-хорошему зови.

Фикусов. Уговорила.

Зарима. И горло сбережешь.

Фикусов. У меня один выходной за четыре месяца! И в этот день я буду за вами бегать? Не дождётесь! Когда рак на горе свистнет! Где почта?

Зарима. Откуда я знаю?

Фикусов. Позови девчонку!

Зарима. Достал. *(Уходит.)*

Приходит Гульсум.

Гульсум. Слушаю вас, Флус Миннатович!

Фикусов. Где наша почта?

Гульсум. Почта? На улице имени БРАТСРОСТАТА!

Фикусов *(недоумённо)*. Какого ещё простата?

Гульсум. Братского союза России и Татарстана!

Фикусов *(язвительно)*. Тьфу! Пока выговоришь, язык сломаешь... Я тебя на чистом татарском спрашиваю – почта где? Газеты где?

Гульсум. В вашем кабинете.

Фикусов *(стуча пальцем по столу.)* Вот их место!

Гульсум. Сию минуту, Флус Миннатович. *(Поспешно уходит.)*

Фикусов. Безмозглая!

Прибегает Гульсум с кипой газет и журналов.

Гульсум. Вот. Совсем свежие! *(Хочет уйти.)*

Фикусов. Стой! Что-то плечи затекли, разомни малость.

Гульсум. Массаж? *(Заходит сзади, начинает делать массаж.)*

Фикусов. Выше! Выше, говорю! Чтобы кровь из спины в голову пошла! Да нет! Большим пальцем массируй! вверх от шеи. Вот так... Так... Хватит. Хватит меня мучить! Это уже не массаж, а мучение. Принеси коньяк!

Гульсум. Сию минуту! *(Идёт в сторону бара.)* Флус Миннатович, из холодильника, или...

Фикусов. Коньяк должен быть тёплым!

Гульсум *(приносит коньяк и ставит на стол, наливает коньяк в бокал)*. Вот.

Фикусов. Иди работай.

Гульсум. Как скажете! *(Уходит.)*

Фикусов *(пьёт коньяк, просматривает газеты, останавливается на какой-то странице и читает)*. Генерального директора московского ОАО «Спиртпром»... Акакия Иудовича

Пьяных застрелили в подъезде собственного дома. От ранения в голову он скончался... не приходя в сознание... в одной из городских клиник. *(Сам себе.)* Не поделился Акакий. Какие всё-таки у русских смешные имена. *(Просматривает другие газеты. Среди газет находит конверт. Читает.)* То ли дело у нас... Просто и красиво. Дорогому Флусу Миннатовичу Фикусову. *(Удовлетворённо.)* Мне. Дорогому. *(Открывает конверт и вытаскивает оттуда пулю. Вздрагивает. Лихорадочно роется в конверте.)* Пусто. Никакой записки. *(Осторожно кладёт на стол конверт, осматривает пулю, вертя её.)* Пуля! В конверте пуля! Не стрелянная. Подозрительно... *(Ставит пулю на стол, долго смотрит на неё, потом громко зовёт.)* Гульсум! Гульсум!

В комнату стремглав забегают Гульсум.

Гульсум. Слушаю вас, Флус Миннатович.

Фикусов. Воды!

Гульсум. Чего?

Фикусов. Воды, безмозглая!

Гульсум. А, воды... Сию минуту. *(Бегом приносит воды, подаёт хозяину.)* Возьмите.

Фикусов *(судорожно пьёт воду).* Ну?!

Гульсум. Ещё?

Фикусов. Что я тебе, корова? Сегодняшнюю почту ты получала?

Гульсум. Я.

Фикусов. А этот конверт?

Гульсум. Не видела! Взяла из почтового ящика и отнесла в кабинет. Может, он среди газет был?

Фикусов. Позови Зариму!

Гульсум. Хорошо! *(Уходит.)*

Фикусов *(вслед).* Да ничего хорошего! *(Осторожно берёт пулю двумя пальцами.)* Пуля! Предупреждение! А кто? Чьих рук дело?

Заходит Зарима.

Зарима. Что случилось, отец?

Фикусов *(бегая по зале).* Отец! Отец! Случилось самое страшное! *(Трясёт в руке злополучный конверт.)* Откуда этот конверт?

Зарима *(испуганно).* Не-е знаю!

Фикусов. Ничего не знаешь про конверты, присланные в мой дом?!

Зарима. Я же ни с кем не переписываюсь. За полгода одно письмо от брата.

Фикусов. Из тюрьмы?

Зарима. Сам знаешь откуда!

Фикусов. Читай! *(Протягивает ей письмо.)* Дорогому Флусу Миннатовичу.

Зарима. Отец, это же не мне!

Фикусов. Да кончай ты своё «Отец! Отец!». Чтобы я стал отцом, ты должна была родить хотя бы одного ребёнка. Отец! Отец! Этот конверт не только для меня, а для всей нашей семьи!

Зарима. Не понимаю.

Фикусов. Объяснят, душечка, придёт время, объяснят! Всё поймёшь!

Зарима *(ещё раз читает конверт).* Да тут ни адреса, ни печати!

Фикусов. Тогда как это попало в мой дом?! На мой стол?!

Зарима. С журналами, с газетами принесли.

Фикусов. Что?! А если в наш дом принесут бомбу, об этом тоже никто не узнает?!

Зарима. Так ведь почтовый ящик на воротах висит. Кто угодно мог положить.

Фикусов. Кто наш почтальон?

Зарима. Не знаю.

Фикусов. А что ты вообще знаешь? Ты видела Азраила, ангела смерти?

Зарима. Я ещё не умирала.

Фикусов. А я уже вижу! Скоро и ты увидишь! (*Тычет ей чуть ли не под нос пулю.*) Что это?

Зарима. Пуля. Откуда?

Фикусов. Из конверта.

Зарима. Из конверта?

Фикусов (*по слогам*). Да. Из кон-вер-та вы-ле-тел ан-гел смер-ти Аз-ра-ил!

Зарима. Может, пошутил кто?

Фикусов. Смешно. Первокласная шутка. Положили пулю. Так весело стало, хоть плачь.

Зарима. Может, Гульсум знает?

Фикусов. Задёрни оконные шторы! Живо!

Зарима. Посреди белого дня?

Фикусов. С сегодняшнего дня мы будем зашториваться и днём!

Зарима (*закрывает шторы*). Темно же...

Фикусов. В могиле темнее, чем в этой комнате.

Зарима. Типун тебе на язык!

Фикусов берёт пулю, выходит на передний план, на левый портал ставит пулю, на правый – встаёт сам.

Фикусов. Вот я и вот она! Видишь разницу?

Зарима. Она железная, а ты – дубовый.

Фикусов. Дура! Она – маленький кусочек свинца величиной с полмизинца. А я – живой мужик весом в центнер. Но она сильнее и быстрее меня! Она может уничтожить меня за секунду! А я беспомощен перед ней. И я, и ты! Все мы бессильны перед ней! Будь ты хоть ангел во плоти! Догонит! Эта пуля – неумолимый Азраил!

Зарима. Не каркай. Наверняка это шутка.

Фикусов. Шутка?! Может, и с директором московского «Спиртпрома» так мило пошутили? (*Потрясает газетой.*) Прямо в голову, сукины дети... Думаешь, у Флуса Миннатовича, руководителя с тридцатилетним стажем, нет врагов?

Зарима. Не сомневаюсь. А вот есть ли у тебя друзья?

Фикусов. Я сам различу друга от врага.

Зарима. Ой ли?

Фикусов (*берёт пулю в руки, сам себе*). Кому-то не нравится, как мы живём. Действительно! Кому понравится, что ты нежишься в бассейне десять на десять? Или что ежегодно отдыхаешь на Канарских островах? Думаешь, кто-то испытывает удовольствие от того, что ты живёшь во дворце и едешь в шикарных иномарках? Это даже брату родному не понравится. Особенно, если он сидит в тюрьме. (*Зариме.*) Поплотней занавесь!

Зарима. Закрыла все!

Фикусов. Врёшь! Вон щёлка! Ослепла?

Зарима. Вот сейчас тебя будут искать через эту щёлку!

Фикусов. Они искать не будут. Техника найдёт. Бинобль, оптический прицел... Какой только нынче техники нет... Они могут застрелить меня с крыши через камин! Скажи этой дуре, чтобы закрыла дымоход! Как бы гранату не кинули...

Зарима. Скажу, скажу... Может, сообщить в милицию?

Фикусов. Что сообщить? Ты в своём уме?

Зарима. Покажем пулю.

Фикусов (*обводит рукой залу*). А всё остальное спрячем?! Столько наворовано! Два коттеджа построили. На иномарках катаемся. Каждый год за границей! У тебя два кило золота

на ушах да на шее! Мебель по спецзаказу! В городе четырёхкомнатная, в Москве – трёхкомнатная. И теперь скажем, что мы такие хорошие, а кто-то хочет нас застрелить?

Зарима. А что делать?

Фикусов. Позови девчонку!

Зарима. А чем это поможет? (*Уходит.*)

Фикусов (*ходит по комнате. Подходит к столу, смотрит на конверт*). Кто это? Чьих рук дело? Нужно составить список недругов! Кому есть за что мстить! Это не шутка! Это написал солидный человек. Профессорский почерк!

Входят Зарима и Гульсум.

Зарима. Флус! Я поняла! Кто-то домогается твоего руководящего кресла!

Фикусов. Дошло... Ты видела хоть одного человека, который не метил бы на кресло начальника?

Зарима. Видела.

Фикусов. И кто же он?

Зарима. Я.

Фикусов. Тьфу! Ты, милая, выше всех взобралась на плечи того, кто сидит в этом кресле! Тридцать лет на моей шее, свесив ножки! Тридцать лет не могу скинуть тебя! (*Гульсум.*) Вокруг дома нет чужих людей?

Гульсум. Нет.

Фикусов. Все двери закрыла?

Гульсум. Флус Миннатович, так ведь днём мы никогда не запираемся.

Фикусов (*сердито*). Все! Все! Заруби на носу! С сегодняшнего дня закрывай и днём! Иди быстрее, закрывай все! На всех трёх этажах! Запри все замки, задвинь все задвижки. А ты (*Зариме*) проверь все шторы! Чтобы комар нос не просунул!

Гульсум и Зарима (*вместе*). Слушаемся! Всё будет так, как сказано. (*Обе поспешно выходят.*)

Фикусов (*ходит по комнате*). Кто же это? Кто? Погоди, что же это я мотаюсь по комнате живой мишенью? Они же и через стену смогут увидеть. (*На цыпочках подходит к креслу.*) А может, тот вонючий хорёк, мой кривоногий второй заместитель Маликов? Давно ведь подбегает к моему креслу, да не может, кишка тонка. А если это первый зам... Ким Кимович... непонятного роду-племени... Отец – чуваш, мать – марийка, а сам чудесным образом в татары пролез... А Зина, Замзамия, моя скромная секретарша?

Входят Гульсум и Зарима.

Зарима. Всё заперто!

Фикусов. Смотрите у меня! Лично проконтролирую! Это вам не хихоньки-хахоньки! Не в игрушки играть. Это – борьба жизни и смерти! Точно проверили?

Зарима. Да точно, точно! Успокойся ты!

Фикусов (*Гульсум*). Так. Сидеть! (*Гульсум садится на стул.*) Кто к тебе ходит?

Гульсум. Никто.

Фикусов. Говори правду! Одну только правду! Как на духу.

Гульсум. Никто ко мне не ходит.

Фикусов. Сколько ты у нас получаешь?

Гульсум. Девять тысяч рублей.

Фикусов. Кем работаешь?

Гульсум. Лаборантом.

Фикусов. Если сейчас скажешь всю правду, получишь ставку старшего лаборанта. Кто к тебе приходил?

Гульсум. Да никто! Никто!

Фигусов (*кричит*). Кто к тебе приходил?

Гульсум (*плачет*). Никто, вот убейте меня, никто!

Фигусов. Какую зарплату получаешь?

Гульсум. Девять тысяч рублей.

Зарима. Ты уже спрашивал!

Фигусов. Молчать! Преступники ловятся на мелочах! (*Гульсум.*) Где кормишься?

Гульсум. Здесь.

Фигусов. Пока работала у нас, хоть раз покупала мыло, зубную пасту, стиральный порошок?

Зарима. Хватит, Флус. Будь женщиной!

Гульсум. Флус Миннатович! Я даже туалетной бумаги не покупала.

Фигусов. Раз так, значит, зарплата у тебя большая?

Гульсум. Больше года работаю, и ни разу ни копейки не дали!

Фигусов. Значит, копится! Всё сразу получишь!

Гульсум. За всю свою жизнь получу я такую сумму, какую вы за один месяц получаете.

Фигусов. Ох, как заговорила! Фу-ты ну-ты! Вначале закончи вуз, посиди, как я, на стипендии пять лет полуголодной, а потом дерзи старшим!

Гульсум. Я закончила тот же вуз и тот же факультет! С одной лишь разницей: вы заочно, а я – очно. И у вас диплом синий, а у меня – красный!

Фигусов (*догадливо*). Ага... Красный... Точно. Этот конверт подписал человек с отличным высшим образованием... Возможно, это как раз и ты? Что молчим? Попалась, голубушка...

Гульсум. Я, Флус Миннатович, выше всей этой низости. Лучше вы сразу увольте. Удержите деньги за мыло, зубные пасты, стиральные порошки и прочую дребедень и рассчитайте.

Фигусов. А про туалетную бумагу забыла! Нет уж, милочка. Нехорошо бежать, когда дело запахло керосином. Надо разобраться с этим делом. Не будь крысой, удирающей с тонущего корабля. Может, у тебя есть парень? Я же не сержусь на тебя. У всякой девушки должен быть парень! Может, это он так пошутил?

Гульсум. Мой парень вот уже десять лет спит в земле.

Фигусов (*поражён известием*). Ему прислали такой же конверт?!

Гульсум. Нет. Он слишком дотошно проверял одного руководителя. А теперь у меня нет никого, кроме дочери. (*Встаёт со стула.*) Я выполняла все ваши капризы, с первого дня работы. И совесть моя чиста. Всё. Допрос окончен.

Фигусов. Но кому я должен верить, когда в мой дом, окружённый двухметровой каменной стеной, подбрасывают боевую пулю? С сегодняшнего дня без моего разрешения из дома не выходить! Слышали? Всё! Это – приказ для обеих. Мне тоже жить хочется. Понимаете, чертовски хочется жить! (*Выходит на середину сцены, поднимает руки.*) Всё это создал я! Вот этими руками, этой головой! Не-ет, я не хочу так быстро покидать мой мир! Не хочу менять всё богатство на одну пулю! Никто меня не достанет! Вон! Вон отсюда!

Гульсум уходит.

Зарима. Какой ты жестокий, Флус!

Фигусов. Я жестокий? А человек, пославший пулю, человечный и добрый? А женщина, не помогающая найти хозяина этой пули, тоже добрая? Чего молчишь?

Зарима. Ты обидел девушку, преданно и беззаветно служившую тебе.

Фигусов. Я не ангел и не святой.

Зарима. Знаю. Ангелам пули не посылают.

Фигусов. Да, я жесток. По-твоему, я просто Азраил! Но ангелы смерти бессмертны!

Зарима. Тогда чего боишься? (*Кивает на пулю.*) Борись с этим Азраилом!

Фикусов. Ой какие вы все философы! Всезнайки! Один я дремучий невежа! Один я ничего не знаю и не понимаю. Я тебе уже не нужен?

Зарима. Хватит! Сколько можно издеваться? Я не раба.

Фикусов (*обходит Зариму кругом*). Откормил... ишь как растолстела... заматерела. Разжиревший пёс на хозяина кидается.

Зарима. Ты не хозяин, я не собака. Мы равны перед Аллахом! Я твоя законная жена.

Фикусов. Жена? Ха! Не смехи. Знаешь, ты кто? Существо, не принёсшее никому пользы ни на грош! Бесплодная женщина, хлеб даром переводящая!

Зарима. Хлебом попрекаешь? А кто виноват в моём бесплодии? Разве не ты? Купил меня в шестнадцать лет себе на потеху!

Фикусов. А ты как думала? Одной задницей просидеть на двух стульях?! Жить богато, припеваючи и не платить?! Сама выбрала свою судьбу.

Зарима. Уйду я от тебя.

Фикусов. Вали-вали! Куда пойдёшь? На вокзал? К брату в Нижний Тагил? Так он в тюрьме. Или к матери – в дом престарелых? Выбор небогат! Или у тебя кто-то ещё в запасе есть?

Зарима. Никого. (*Плачет, склонившись.*)

Фикусов (*выйдя на передний план, зрителям*). Вы счастливы. У вас нет богатства. От вас ничего не останется. А после меня останутся несметные сокровища. Вы счастливы. Вы не боитесь смерти. А я... (*Зариме.*) Вон отсюда со своим нытьём! Ишь, читает мне отходную молитву! Думаешь, меня убьют, а ты останешься наследницей? Дудки! Всё отпишу сыну от первой жены.

Зарима быстро выходит. Фикусов вновь ходит по комнате.

Фикусов. Кому понадобилась моя жизнь? Кто хочет моей смерти? (*Подходит к аквариуму, опускается на колени и смотрит на рыбок.*) Вам хорошо. Вам не нужны богатства. А власть нужна. Нужна и волкам, и козам, и вам, безмозглым! Вон у той хвост откусан. Всё ради власти! Плохо мне! Жизнь перемутилась, перемешалась! (*Суёт руку в аквариум и перемешивает воду.*) Что? Не нравится?! Вот какой нынче у меня финал... А что я видел хорошего в жизни? (*Садится в кресло.*) Первая жена – первая любовь! Первый ребёнок – первый сын. Ему сейчас, поди, за тридцать. А может, конверт – его рук дело? Из-за мести? (*Долго смотрит в одну точку.*) Эй вы, принесите кофе!

Гульсум входит с кофе, ставит напиток на стол.

Фикусов (*долго смотрит на Гульсум*). Сахар положила?

Гульсум. Четыре куска.

Фикусов. Тогда чего ждёшь? Пробуй!

Гульсум (*отпивает кофе, ставит чашку на стол*). Можно идти?

Фикусов. Нельзя! Сядь сюда.

Гульсум садится на диван, Фикусов прихлёбывает кофе.

Фикусов. Не обижайся на меня, сестрёнка. Жить очень хочется. Достигнув всего, страшно уходить из жизни. Наверное, это отзываются слёзы моих детей, выросших без отца. Слёзы моих родителей, на могилах которых не был лет десять. Сядь рядом со мной.

Гульсум садится возле Фикусова. Фикусов обнимает её за плечи.

Твои родители умерли?

Гульсум. Отец – когда я училась в первом классе.

Фикусов. А мать?

Гульсум. Когда я родилась.

Фикусов. А с кем жила после смерти отца?

Гульсум. С его второй женой.

Фикусов. А с мужем что?

Гульсум. Когда дочери было три года, машина сбила.

Фикусов. Кто?

Гульсум. Не знаю. И не искали.

Фикусов. Почему?

Гульсум. Потому что много знал.

Фикусов. Да, нельзя в наше время слишком много знать и многое видеть. А дочь где?

Гульсум. В интернате.

Фикусов. В интернате... Когда всё образуется, привезёшь её сюда. Приму как родную. Мой отец в деревне был алкаш номер один. Где напьётся, там и лежит. Помню, в зимние бураны грузил его на санки и тащил домой. Аллах милостивый, как это меня унижало! Я стал упрямым и мстительным. Жил и думал: «Погодите, услышите ещё про сына алкаша Минната!» Никто мне не помогал! Сам давил слабых, договаривался с сильными. Так и поднялся. А вот теперь меня самого хотят затоптать. Этот «подарочек» – чёрная метка! Знак скорой расправы. А ты счастлива. Тебе никто не пошлёт пулю!

Гульсум. В этом мире счастлив тот, кто умер во сне.

Фикусов. А я вот завидую тому, кто засыпает, коснувшись подушки. Пойду прилягу.

Берёт пулю и выходит. Входит Зарима и садится рядом с Гульсум.

Зарима. Гульсум, сестричка, уходи ты от нас.

Гульсум. Куда? Куда податься? Даже комнату в общежитии не дадут.

Зарима. Никто ещё голодным на улице не умирал.

Гульсум. Слаба я, бессильна, тётя Зарима.

Зарима. Зато чиста душой. Незапятнанна. Трудно тебе жить.

Гульсум. Сколько лет вы с ним?

Зарима. Нынче осенью тридцать один. Не успев расстаться с детством, успела запачкаться.

Гульсум. А как вы познакомились?

Зарима. Умер отец, в деревне стало просто невыносимо... Мать привезла нас с братом в город. Мне тогда было тринадцать, брату – пятнадцать. Его отдали в профучилище, три раза в день кормили, одевали, меня – в интернат. А мама за комнату пошла в дворники. Комнату дали царскую – два на два метра. Там и ютились. Для брата даже на полу места не было. Праздник, когда брат не приходил домой. Иногда он возвращался ночью, будил меня и угощал пирожками из столовой. Пирожки он, конечно, воровал. «Ешь, сестричка, – говорил, – тебе есть нужно». Денег не хватало, и мама подрядилась ещё мыть полы в конторе. А там Фикусов был главным. Вечерами я ей помогала. Однажды мама пришла радостной: нам квартиру дали, айда собираться! Я запрыгала от радости. Стали собирать вещи...

Музыка. Гаснет свет.

Когда свет включается, на сцене обстановка однокомнатной квартиры.

Зариме шестнадцать лет. Она прибирается в доме. Звенит звонок. Из кухни выходит **Марфуга**.

Марфуга. Что стоишь как истукан? Открой дверь!

Зарима открывает дверь. Входит **Флус Миннатович**. Ему чуть больше тридцати лет.

В руке – портфель. Под мышкой – свёрток с подарками.

Фикусов. Здравствуйте!

Марфуга. О-о! Дорогой гость! Здравствуйте, Флус Миннатович! Добро пожаловать! Проходите!

Фикусов. Здравствуйте, Марфуга-ханум. *(Зариме.)* Здравствуй, сестричка. Растём?

Зарима. Растём.

Марфуга. Какое там растём, замуж пора выдавать.

Фикусов. Как учёба?

Зарима. Нормально.

Фикусов. Ну, что смотришь? Принимай подарки.

Марфуга. Дочка, не стой душой. К нам большой гость пришёл. Ты ведь не первый раз его видишь.

Фикусов. Наша Зарима – золото! Вон как полы надраила! *(Раздевается, присаживается к столу.)*

Марфуга. Сейчас накроем стол в честь большого гостя.

Фикусов. Не беспокойтесь.

Марфуга. Какое беспокойство? Разве это беспокойство – встречать такого человека? Спасибо, что не погнушались прийти в нашу квартирку! Тысячу раз спасибо, что помогли нам выбраться из деревенской нужды!

Фикусов. Всё ради Заримы.

Марфуга. Доченька, эту квартиру подарил нам Флус Миннатович. Будь ему благодарна по гроб жизни.

Фикусов. А где джигит?

Марфуга. А он... Это... Там, где раньше жили, он часто не приходил, потому что места спать не было. Всё ещё не бросил эту привычку.

Фикусов. Вот она, молодость! Пусть джигит гуляет. Когда охомутают, позабудет о гулянке.

Марфуга. До шестнадцати растила. Теперь сам о себе заботится. Мы-то в тринадцать вылетали из родительского гнездышка. В четырнадцать я уже лес валила! *(Зариме.)* Айда, дочка, приготовим стол в комнате.

Фикусов. Нет-нет, только в кухне.

Марфуга. Нехорошо так.

Фикусов. Нет, Марфуга-ханум, только в кухне, а то обижусь.

Марфуга. Ой, не говорите мне, пожалуйста, «ханум». В кабинете как вы меня зовёте?

Фикусов. Марфой – так это я шутя!

Марфуга. Мы теперь тоже городские люди, правда, доченька? Значит, в кухне?

Фикусов. Только в кухне.

Марфуга. Вы – начальник. Ваше слово – закон. Кухня так кухня.

Фикусов. Вот гостинцы.

Марфуга. Не надо было, Флус Миннатович. И так много помогли.

Фикусов. Помощь только начинается, Марфуга. Вот закончит Зарима школу, устроим в институт. А потом возьму к себе на работу.

Марфуга. Верю только вам и Аллаху!

Фикусов. Надо будет приодеть девушку. Уже взрослая, совсем красавица. *(Открывает портфель, вынимает коньяк.)* Трёхзвёздочный нам с Марфугой. *(Вынимает шампанское.)* А это – всем. Шампанское!

Марфуга. А ей можно?

Фикусов. А почему бы и нет? Жизнь начинается с шампанского! Вот у вас, Марфуга-ханум, жизнь с чего началась?

Марфуга. Куда уж мне до шампанского!

Фикусов. Вот поэтому и жизнь не сложилась! А мы жизнь Заримы начнём с праздника. Тогда и жизнь будет праздником!

Марфуга. Вы уж чересчур о ней заботитесь.

Фикусов. Ерунда.

Марфуга. Я вас оставлю минут на пять. *(Выходит.)*

Фикусов. Кем собираешься стать?

Зарима. Ещё не думала.

Фикусов. Я из тебя сделаю человека. От себя никуда не отпущу. Выучишься, кончишь институт, придёшь ко мне.

Марфуга *(из кухни)*. Стол готов!

Фикусов. Пошли, сестричка, мать зовёт.

Зарима. Совсем есть не хочу.

Фикусов. Нельзя отказываться от еды.

Зарима. Я потом.

Марфуга. Флус Миннатович!

Фикусов идёт в кухню, кричит оттуда.

Фикусов. Зарима, милая, тебя ждём!

Зарима. Спасибо.

Марфуга *(входит в комнату)*. Айда к столу. Нехорошо.

Зарима. Мама, посидите без меня?

Марфуга. Флус Миннатович, она у нас очень стеснительная.

На сцену с тремя фужерами шампанского выходит Фикусов.

Фикусов. Мне тоже есть не хочется. Марфуга-ханум, ваш фужер. А этот Зариме.

Зарима. Я не пью.

Фикусов. Чистый виноградный сок. В нём почти нет градусов.

Зарима. Я ещё молодая.

Фикусов. Марфуга, дочь не слушается.

Марфуга *(Зариме)*. Тебе взрослый человек говорит – можно! Флус Миннатович зря не скажет.

Фикусов *(Зариме)*. Сестричка, это ведь только для храбрости... Давайте, друзья... выпьем... Кто знает, может, ещё породнимся? *(Марфуге.)* Не так ли?

Марфуга *(смущённо смеясь, толкает локтем в бок Фикусова, шепчет ему)*. Разве мы не породнились?

Фикусов *(посмеиваясь)*. Когда?

Марфуга *(шёпотом)*. Тогда... В твоём кабинете!

Фикусов. Породниться – это когда тепло обеим сторонам... Давайте за эту квартиру! За светлое будущее Заримы!

Марфуга с Фикусовым выпивают шампанское, Зарима лишь пригубливает.

Марфуга. Флус Миннатович, вы уж меня извините, у меня ещё на улице не подметено. Поработаю часок. Жду проверяющих.

Фикусов. Конечно иди! Работу надо делать до конца.

Марфуга. А вы посидите. Через час вернусь.

Фикусов. А ты не спеши. Чтобы из-за меня нагоняй не получить.

Марфуга. Доченька, ублажай гостя. Он теперь самый близкий тебе человек. Из грязи нас вытащил.

Фикусов. Уж и не знаю, как она меня будет ублажать...

Марфуга. Счастливо отдохнуть! (*Уходит.*)

Фикусов. Мама велела потчевать. А ты и себя саму не можешь. (*Берёт фужер со стола и протягивает Зариме.*) Обиделась? Нельзя оставлять шампанское в фужере.

Зарима. Флус-абый, я ведь никогда не пила.

Фикусов. Когда-то нужно попробовать. Не понравится – не налью. Это всего лишь шампанское! У французов его дети пьют!

Зарима выпивает.

Вот и всё. Со мной можно, с другими нельзя. Много парней у вас в классе?

Зарима. Четырнадцать.

Фикусов. Мальчиков или мужчин?

Зарима (*смущённо*). Ой...

Фикусов. Правильно говоришь. Все они желторотые сосунки. Кто-нибудь нравится?

Зарима (*стеснительно*). Не скажу.

Фикусов. Или у тебя нет никого?

Зарима. Как нет? Мне скоро шестнадцать!

Фикусов. Вот это молодец! Целуешься с ним?

Зарима смущённо молчит.

Что это за девушка, которая не умеет целоваться? Таких парни любить не будут. Знаешь, каких девушек любят парни?

Зарима. Знаю. Красиво одетых.

Фикусов. А ещё?

Зарима. Ещё?

Фикусов. Иди ко мне. (*Вынимает из кармана духи и чуть проводит ими за ушами девушки.*) Ещё любят вкусно пахнущих. (*Берёт в руки волосы Заримы и нюхает их.*) Как вкусно пахнут твои волосы... Тебе нужны новые наряды.

Зарима. У нас денег нет.

Фикусов. Да ну? Это не беда... В молодости хочется модно одеваться... сходить в кафе с подругами... (*Вытаскивает бумажник.*) Вот тебе на карманные расходы.

Зарима. Вы что? Я дотронуться до них боюсь. Нет, нет! Не надо, не возьму! Вы что?

Фикусов. Не вы, а ты! С сегодняшнего дня я для тебя – ты. То есть Флус-абый. Договорились? (*Суёт ей деньги в руку.*) Бери. Только матери не говори. Купи что нужно. Ты же взрослая девушка. Не деревенская, а городская. Современная. Есть настоящие мужчины, которые любят современных девушек. У твоих подруг есть такие приятели?

Зарима. Не знаю.

Фикусов. Не говорят. Скрывают. Тайну кому угодно не раскроешь. А ты боишься таких приятелей?

Зарима. Нет.

Фикусов. Молодец... А твои одноклассники – это молокососы. У них ещё молоко на губах не высохло. Им только с детсадовскими девочками гулять. А взрослые мужчины готовят девушек к будущей жизни. Учат жить. А когда научат, выдают замуж за скромных юношей. Погоди-ка, у меня для тебя подарок припасён. (*Вынимает из портфеля пакет с платьем.*) Ну-ка, примерь.

Зарима. Не возьму. Мама рассердится.

Фикусов. Мои подарки маму не рассердят. Я ведь и квартиру не твоей матери, а тебе подарил.

Зарима. Спасибо. У меня есть платье.

Фикусов. У девушки должно быть много платьев. Не возьмишь – обижусь.

Зарима (*смущённо*). Неудобно.

Фикусов. Удобно. Иди на кухню, примерь и покажись.

Зарима в стеснении берёт платье и идёт на кухню. Вскоре появляется в обновке.

Зарима (*смущаясь, поворачивается кругом*). Ну как?

Фикусов. Боже мой... Да тебя в нём и не узнать!

Зарима (*радостно*). Красиво?

Фикусов. Очень. А самой нравится?

Зарима. Нравится. Спасибо.

Фикусов. К платью нужны туфли. И ещё много чего... Всё хорошо, вот только...

Зарима. Что?

Фикусов. Грудь.

Зарима (*прикрываясь руками*). Грудь?

Фикусов. Твои груди как у зрелой женщины.

Зарима (*в смущении поворачивается к нему спиной*). Нет!

Фикусов. Им нужна красивая оправа.

Зарима (*растерянно*). У меня ничего нет.

Фикусов. Не беда. У меня есть. (*Вынимает из портфеля бюстгальтер, берёт его за две ляжки.*) Смотри.

Зарима (*поворачивается, смотрит, снова отворачивается*). Нет!

Фикусов (*подходит к ней*). Какие узоры...

Зарима. Я стесняюсь!

Фикусов. Меня? Да я тебе в отцы гожусь. Мужчин не стесняются. Мужчины никому ничего говорить не будут. Они – не желторотые птенцы, умеют хранить тайну. Надень это, а потом платье. Помочь?

Зарима. Нет-нет! Я стесняюсь! Сама одену.

Фикусов. А ты думай, что я врач. Врачей не стесняются...

Зарима (*растерянно*). Разве вы врач...

Музыка. Гаснет свет.

Когда свет включается, **Зарима** и **Гульсум** стоят на прежнем месте.

Зарима. В ту ночь Флус Миннатович надел на меня бюстгальтер. И в ту ночь мама обменяла меня на однокомнатную квартиру.

Гульсум. Где она?

Зарима. Жива. Десять лет в доме престарелых. Последний раз виделись лет шесть назад. Или пять...

Музыка. Гаснет свет.

Свет включается. На скамейке у ограды дома престарелых сидят **Зарима** и **Марфуга**. Марфуга уже старушка.

Марфуга. Долго тебя не было, доченька. И день и ночь всё о тебе думала, смотрела туда, где вы живёте.

Зарима. Зачем же думать обо мне?

Марфуга. Ты ведь моя кровинушка.

Зарима. Раньше надо было об этом думать.

Марфуга. Разве я не заботилась о вас? Разве вас не вырастила?

Зарима. Вырастила. Один в тюрьме, вторая... уж и не знаю, где...

Марфуга. Есть вести от брата?

Зарима. Есть.

Марфуга. А мне не пишет. Хоть бы два словечка.

Зарима. Он не может тебя простить.

Марфуга. Не может простить... Почему?

Зарима. За то, что меня продала.

Марфуга. Я тебя не продавала. Я вам обоим желала счастливой жизни. А что бы вы сделали на моём месте?

Зарима. Не знаю.

Марфуга. Неужели было бы лучше отдать в детдом?

Зарима. Наверно. Брат не провёл бы полжизни в тюрьме. И я стала бы не проданной вещью, а человеком.

Марфуга. Бессердечные вы...

Зарима. А ты сердечная!.. Амурничала с ним в кабинете, а как понадобилась квартира, продала меня.

Марфуга. Я не продавала! Не продавала! Я думала, ты будешь жить счастливо. Не повторишь моей жизни! Не выйдешь замуж за бедняка! Не проживёшь всю жизнь в голоде. Что я видела с вашим отцом? Двадцать лет нищеты?

Зарима. Ты отца не трогай. Он тебе нас оставил.

Марфуга. Оставил?

Зарима. А ты не смогла сберечь.

Марфуга. Оставил. Сарай без крыши и дверей и двух детей без штанов.

Зарима. А что оставит мне человек, который меня купил?

Марфуга. Жизнь в достатке да в богатстве.

Зарима. К чёрту богатство! Мне ребёнок нужен был, ребёнок!

Марфуга. Чего ж не родила, раз такая умная?

Зарима. Родить?! Как родить, если с шестнадцати лет каждые три месяца ложилась под скальпель? Если нужно было богатство, почему сама не пошла за него?

Марфуга. Я думала о тебе.

Зарима. Да брось ты! Тебе хотелось жить в достатке. Вот и живи теперь богатой... в доме престарелых.

Марфуга (*просительно*). Доченька, увези меня из этого проклятого дома. Бога ради! Не хочу жить здесь ни одной минуты! Увези меня!

Зарима. Куда?

Марфуга. К себе. У вас же трёхэтажный дом. Железная крыша.

Зарима. Я там не живу, я там служу.

Марфуга. Ты жена ему!

Зарима. Нет. Я не жена, я – купленное для постели существо. Рабыня! Понимаешь? Рабыня, купленная дёшево. Ладно, прощай... (*После длинной паузы, всхлинув.*) Мама, хоть ты и испортила всю мою жизнь... (*длинная, тягостная пауза*) прости меня, и да благословит тебя Аллах!

Музыка. Гаснет свет.

Свет включается. **Гульсум** и **Зарима** продолжают беседу.

Гульсум. А брат?

Зарима. Брата жалко. Очень скучаю. Он ведь тоже прямо из детства вышел в этот жестокий мир. Снится мне, и в снах говорит: «Сестричка! Ты на меня не обижайся! Я ничего плохого не делал. Я желал только хорошего. Когда дома не хватало еды, я не приходил, чтобы тебе больше досталось. Я не приходил ночевать, чтобы ты могла укрыться одеялом».

В комнату заходит **Флус**.

Фикусов. А насчёт брата не беспокойся. Скоро вернётся. Ко Дню Победы обещают амнистию. А может, уже и вышел. Может, и пулю он послал. С такого братца станется!

Зарима. Он выше этого.

Фикусов (*продолжая рассуждать*). Выйти-то он вышел... а где жить будет, пока снова не попадётся?

Зарима (*презрительно*). К тебе не придёт. Предпочтёт тюремную баланду твоему куску хлеба. Не беспокойся, Флус. Ради меня он тебя и пальцем не тронет. Мы с ним примирились со своей судьбой. Что будет, то и будет.

Музыка.

Занавес.

Действие второе

Открывается занавес. Та же комната. В исподнем белье в комнату вбегает **Фикусов**.

Фикусов (*хватая для защиты стул*). Врёшь! Живьём не возьмёте! Спасите! Убивают! На помощь! Зарима! Зарима! Гульсум! Ломятся! В дом ломятся!

В комнату вбегают **Зарима**, следом **Гульсум**.

Зарима. Что стряслось?

Фикусов. Ломятся!

Зарима. Кто?

Фикусов. Киллеры!

Зарима. Не носи чепуху!

Фикусов. Клянусь Аллахом! Идите посмотрите! Ну, что уставились?! Вперёд!

Зарима и **Гульсум** в испуге выходят. Флус прячется под стол, закрывает обеими руками уши, замуривает глаза. В комнату возвращаются **Зарима** и **Гульсум**.

Гульсум (*шёпотом*). Где он?

Зарима (*шёпотом*). Под столом, в бомбоубежище. (*Тихонько подходит к столу и приставляет палец ко лбу Флуса.*) Пух!

Фикусов (*в испуге выскакивает из-под стола*). Мама!

Зарима (*Фикусову*). Что, сыночек?

Фикусов. Дура! Сердце чуть не лопнуло!

Зарима. С ума начал сходить? Или померещилось?

Фикусов. А что там за шум?

Зарима. Кошка вазу опрокинула.

Фикусов. Убью котяру!

Зарима. В этом доме и у кошки спокойная жизнь закончилась.

Фикусов. Нормальные люди не держат кошек! Они держат злых собак!

Зарима. Так ты её сам принёс.

Фикусов. Потому что в этом дворце с ума сойдёшь от гробовой тишины! Разве это жизнь, если в доме не слышно детского смеха?

Зарима. Спихватился. Да твои дети заполонили всю Россию.

Фикусов. В эти трудные минуты вы должны быть рядом со мной.

Зарима. Не спать же возле дверей.

Фикусов. А почему бы и нет? Моя кровать размером с гектар.

Зарима. Отлично, Гульсум. С завтрашней ночи ты будешь спать слева от дяди Флуса, а я справа.

Фикусов. А что такого? Мою еду жрать умеете.

Зарима. Жалко мне тебя.

Фикусов. Бессовестная! Муж не знает, как в живых остаться, а она издевается... У-у-у!

Зарима. Спи! Через полтора часа на работу.

Фикусов. Не-ет! Никуда я не поеду! Они этого и ждут! Выйду, а мне влепят в лоб куском свинца, и поминай как звали! (*Зариме.*) Иди, соня, спи, пока твоего родного мужа убивают! Во сне и умрёшь!

Зарима. Здоровый человек должен спать минимум восемь часов.

Зарима и Гульсум собираются уходить.

Фикусов (*Зариме*). Тебе бы пожарником работать! Да в две смены! Гульсум, милая, останься!

Зарима выходит.

Гульсум. Слушаю вас, Флус Миннатович.

Фикусов. Знаешь, почему Зарима день и ночь спит?

Гульсум. Нет.

Фикусов. Да она просто объедается! Разжирела! Потому и бесплодная. Говорят, у кого живот залит жиром, тот становится бесплодным. К тому же все внутренности у неё большие!

Гульсум (*стараясь быть деликатной*). Ну что вы такое говорите?!

Фикусов. Да-да! Она уже не может родить... но я всё обдумал! Я сделаю тебя счастливой.

Гульсум. Мне чужого счастья не надо.

Фикусов. Не отказывайся! Сделаю тебе чудесного сыночка и всё богатство отпишу тебе.

Гульсум. А Зариму куда денете?

Фикусов. К матери в дом престарелых! Знаю я их породу. (*Показывает вслед Зариме кукиш.*) Вот вам! Поэтому ты должна напрячь все свои силы для моей жизни. Это всё для твоего же счастья!

Гульсум. Так и сделаем, Флус Миннатович.

Фикусов. Недолго ты будешь звать меня Флусом Миннатовичем. Скоро ты будешь звать меня просто Флус.

Гульсум. Я буду звать вас «Флусчик». (*Зрителям.*) С утра пораньше: Флус! Флусетдин!

Фикусов. Чего?

Гульсум. Баю-бай, говорю.

Фикусов. А-а-а...

Гульсум (*смотря в зал, передразнивает Флуса, издавая бляние барана*). Ба-а-а!..

Фикусов (*испуганно*). Где баран блеет?

Гульсум. По улице, наверное, шастает.

Фикусов. Разве на городских улицах бродят бараны? Выгляни в окно!

Гульсум идёт к окну, хочет открыть штору. Фикусов кричит.

Много не открывай! В щёлку смотри!

Гульсум (*смотрит в щёлку*). Действительно, никаких баранов не видно.

Фикусов. Ты сама овца! Не дай бог киллеры! У них между собой условные сигналы! Кто бараном блеет, кто волком воет.

Гульсум. Я тоже в кино видела. Некоторые соловьём заливаются.

Фикусов. Вот видишь! Иди, душечка... Хотя нет! постой! С сегодняшнего дня мою еду и питьё будешь готовить только ты. А та негодяйка может отраву подсыпать. Доверия ей мало. Я ей теперь не нужен. Знаю я их планы. Скоро брат-тюремщик освободится, если уже не освободился. Хотят всем скопом собраться в моём доме и жить на моих харчах!

Гульсум. Флус Миннатович, всё будет по вашему. Спокойной ночи. (*Хочет уйти.*)

Фикусов. Погоди-ка! Ты поняла, что я тебе сказал?

Гульсум. Поняла. Спокойной ночи.

Фикусов. Какая тут спокойная ночь? Я и раньше спал чутко, одним глазом, а теперь и оба закрыть не могу.

Гульсум. Мне можно идти?

Фикусов. Успеешь! Приведи сюда ту старую каргу!

Гульсум. Хорошо. (*Уходит.*)

Фикусов. Нужно, чтобы обе спали возле меня. Кто знает, что у них на уме? А так будут сомневаться друг в друге. (*Видит зашедшую в комнату Зариму, сам себе.*) Вот сволочь!

Зарима. Кто сволочь?

Фикусов. Кто-кто? Твоя любимая служанка – Гульсум. (*Ходит по комнате.*) Что говорит, что говорит!

Зарима. А что?

Фикусов. Что твоя любимая жена с братом-тюремщиком собираются тебя убить, говорит. Вот стерва! Чистая фашистка!

Зарима (*зрителю*). Беденький! Крыша совсем поехала! (*Флусу.*) Верю! С неё станет. И мне разное говорит. Зачем, говорит, живёшь с тенью.

Фикусов. С тенью? Кто тень? Это я – тень?!

Зарима. Да. К «тени» я привыкла. А сейчас она мне другое сказала: «шизик», говорит.

Фикусов. Шизик? Я покажу ей шизика.

Зарима. Говорит, что недостойн ты меня, что не стоишь и моего мизинца.

Фикусов (*зрителям*). Уже ревнует. Это хорошо. (*Зариме.*) Змею пригрели! И мне разное говорит! Спи с сегодняшнего дня только со мной, говорит. Как же! Размечталась! Ночью лезвием горло и перережет.

Зарима. Что ты сказал?

Фикусов. Да нет, это я так... Я ей говорю, спите обе возле меня. Ты будешь за Заримой смотреть, а Зарима – за тобой, говорю.

Зарима. Увы! Как мне уследить?! Сам знаешь, что люблю спать. Засну, а она тебя – чик!

Фикусов. Захочешь жить – не заснёшь! Говорит, уйду от вас. Вдруг жена отравит тебя, а всю вину на меня спихнут.

Зарима. А ты что?

Фикусов. Сказал, что я свою жену, с которой в любви прожил тридцать лет, знаю как свои пять пальцев! Зарима меня не предаст! Сказал ей, что взял в услужение, кормлю-пою за это. Сказал, что будет варить, стирать, убираться по дому, что некуда ей идти. Шлагбаум перед ней закрыт! Никуда не денется. Сказал, будешь работать, а Зарима проверять твою работу будет! Ты, Зарима, смотри за ней в оба! Когда она будет варить, ни на секунду не оставляй без надзора! Она завидует нам, не дай бог, яд в еду подложит!

Зарима. Вот оно что! Клянусь небесами, ни на секунду не оставлю одну! И ты меня всё время к себе не зови, не отвлекай от порученной работы! Яд подсыпать – дело недолгое.

Фикусов. Редкая сволочь эта Гульсум! Почему она у тебя бесплодная, говорит. И бесплодную корову через год на мясо режут. А вот если на мне женишься, говорит, я тебе вторую молодость верну.

Зарима. Как это?

Фикусов. А вот так это! Зачем богатые на молоденьких женятся, спрашивает?

Зарима. Действительно, зачем? Одна морока!

Фикусов. Чтобы молодость вернуть! Всё можно купить, говорит, даже здоровье. Каких только чудо-лекарств нет. И мёртвого воскресят!

Зарима (*в сторону*). Ну, твоего мёртвого, пожалуй, не воскресить ни за какие деньги! (*Флусу*.) Действительно! Надо было тебе сказать, найди, мол, мне такое дефицитное лекарство...

Фикусов. Не понял.

Зарима. Пусть найдёт тебе лекарство для «шизиков».

Фикусов (*сердито*). Чего?

Зарима. Так ведь она тебя «шизиком» зовёт.

Фикусов. Что, и ты меня шизиком считаешь?

Зарима. Боже упаси! Бояться собственной тени – это ещё не болезнь.

Фикусов. Кто боится собственной тени? Я? Врёшь!

Зарима (*делает испуганное лицо и смотрит на окно*). Тихо! Кто это там в окне?

Фикусов (*тут же прячется под стол, шепчет*). Где?

Зарима. Да нет, ничего. Это твоя тень.

Фикусов (*шепчет из-под стола*). Там кто-то был. Я тоже видел. Это не моя тень! Свою тень я и ночью узнаю.

Снаружи слышится какой-то стук.

Ломятся... Клянусь Аллахом, уже лезут. Посмотри в окно. Сколько их?

Зарима (*подходит к окну, приоткрывает штору и смотрит*). Это крышу шифером кроют на доме Гали Галиевича.

Фикусов (*выползает из-под стола, на четвереньках подползает к окну, смотрит*). Где? (*Испуганно закрывает штору*.) Какую крышу! Киллеры ходят!

Зарима. Киллеры?

Фикусов (*шёпотом*). Вон же, у них маски на глазах!

Зарима (*открывает штору*). Это шапки, высотники надевают под каски.

Фикусов. Иди ты! (*Приоткрывает штору, смотрит и кричит*.) Ложись!

Зарима ничком ложится на пол, Фикусов падает на неё, закрывает её рот рукой и шепчет.

Сейчас будут стрелять. (*Крепко зажмуривает глаза. Лежат так долго. Потом Фикусов, смотря в зрительный зал, шепчет*.) Есть всё-таки Аллах. И на этот раз жив остался. (*Слезает с Заримы*.) Взгляни, что там?

Зарима (*встаёт*). Дурак, раздавил меня. Тебе надо – ты и смотри. Чуть до инфаркта не довёл! Всю грудь помял!

Фикусов (*подползает к окну*). Трусиха! (*Приоткрывает штору, осторожно смотрит*.) Иди сюда.

Зарима подходит.

Видишь?

Зарима. Что «видишь»?

Фикусов. Чердачное окно на крыше Галиевича видишь?

Зарима. Ну?

Фикусов. Баранки гну! Из него пулемётный ствол торчит.

Зарима. Где?

Фикусов. Да вон же!

Зарима (*масляным голосом*). Ой, сирота казанская, напугал меня! Какой же это ствол?

Фикусов. А что это?

Зарима. Черенок от лопаты.

Фикусов (*смотрит сквозь щель шторы*). Точно, черенок.

Зарима. Умойся, побрейся, скоро на работу. Не ночь, а кошмар.

Фикусов. Не-ет, я на работу не пойду.

Зарима. Понедельник, у вас же планёрка.

Фикусов. К чёрту все эти планёрки! Жизнь дороже любого заседания! Мой лысый зам планёрку сам проведёт.

Зарима. Ну смотри. Мне в больницу. Я пошла.

Фикусов. Куда?! Муж в беде! А она по больницам! Никуда не пойдёшь! Не пуцу!

Зарима. Как это непустишь! Специально профессор придёт. Сам же договаривался.

Фикусов. Ну и что? Придёт в другой день! Невелика шишка!

Зарима. Не будь ребёнком. Это профессор! Серьёзный человек!

В комнату входит **Гульсум**.

Гульсум. Флус Миннатович, приехала машина.

Фикусов. Пусть ждёт указаний.

Гульсум выходит.

Зарима. Умойся, оденься, позавтракай и меня до поликлиники довезёшь.

Фикусов. Никуда я не поеду! Позвони шофёру!

Зарима набирает номер и протягивает трубку Флусу.

Зарима. На!

Фикусов (*закрывает трубку ладонью. Шепчет Зариме*). Кто там?

Зарима. Кто-кто? Мерин в пальто! Шофёр твой!

Фикусов. Не кричи, дура! (*Берёт трубку у неё из рук, шепчет.*) Приехал? Я говорю, приехал? (*Сердито кричит в трубку.*) С чего это у меня голос кончился? Ты сам больной! (*Шепчет.*) Нет хвоста? Я говорю, хвоста нет? (*Кричит.*) За тобой чужая машина не едет, идиот? (*Шепчет.*) На какой машине приехал? (*Кричит.*) Я говорю, на какой машине ты приехал, зануда? (*Шепчет.*) На «Волге»? (*Возвращаясь к прежнему тону.*) Ну ты, вонючий хорёк! Если я с тобой говорю шёпотом, значит, и ты со мной так можешь? Не слышно! (*Снова шёпотом.*) Езжай, поменяй машину. Машину поменяй! (*Отодвигает от уха трубку.*) Убьёт он меня, ей-богу. Вот дурак! Когда я шепчу, он шепчет, когда кричу – он кричит. Вот ишак! До того бестолковый, до того трусливый. (*Шепчет.*) Приезжай на машине с затемнёнными окнами. Да-да, на «Ниссане». Что? Что? (*Кричит.*) Какое тебе дело, если у меня голос кончается! (*Озлобленно кидает трубку. Сам себе.*) погоди, почему он заставил меня так кричать? Зарима, ты поняла, почему он заставил меня кричать?

Зарима. Ты слишком тихо шептал.

Фикусов. Не могу же я орать, высунувшись из окна.

Зарима. Думаю, он тебя и через стену слышал.

Фикусов. Вот-вот... и сам, наверное, с киллерами снюхался... Постой! Десять лет тому назад обещал ему квартиру! Не забыл, подлец! (*Встаёт, барабанит по столу пальцем.*) Так, так! Что делать? Что делать? Понял. Надо маскироваться! (*Выбегает из комнаты.*)

Зарима. Вот придурок!

Через некоторое время со своей одеждой в комнату заходит **Фикусов**.

Фикусов (*Зариме*). Скидывай халат!

Зарима. Зачем?

Фикусов. Разденешься – поймёшь.

Зарима. Уже рассвело. Неудобно.

Фикусов. Снимай, говорю!

Зарима. Пошли в спальню.

Фикусов. Кто о чём, а вшивый о бане... У тебя одно на уме. Снимай свой халат! Надевай мой костюм!

Зарима. Зачем?

Фикусов. Зачем, зачем... На живца их поймаем! Наденешь мою одежду и с важным видом сядешь в машину. Пусть киллеры думают, что я уехал на работу.

Зарима. А я-то раскатала губу, дескать, в кои веки попросил меня раздеться.

Фикусов. У-у-у, развратная! А ну быстро влезай в костюм!

Зарима. А если они убьют меня, подумав, что я – это ты?

Фикусов. Не велика потеря! Ни чина, ни детей!

Зарима (*показывает Флусу кукиши*). А это видел? Каждому своя пилюля! Написано на конверте: «Дорогому Флусу Миннатовичу!» Вот и глотай!

Фикусов. Убери этот конверт! (*В бешенстве рвёт часть конверта, бросает обрывки бумаги вверх. Другую часть жуёт, пинает упавшие на пол обрывки конверта.*) Вот так вам, так! (*Внезапно застывает. Долго смотрит на зрителей, потом выплёвывает изо рта остатки конверта на левый портал. Глядя, как падает изжжёванный клочок бумаги, тыкает туда пальцем.*) Вот вам! (*Потом закладывает обе руки за спину и с видом победителя ходит от одного портала к другому. Говорит Зариме.*) Ну, чего стоишь истуканом, одевайся!

Зарима. Не выйдет. Я не такая смелая.

Фикусов. Дорогуша, тебя ведь не убьют, такая у вас порода. Уж больно вы, бабы, живучи! В войну, в голодные годы ничего с вами не делалось! А здесь – всего девять граммов! Да тебя она даже не проткнёт! В жире застрянет!

Зарима. Что ж, по-твоему, я должна ехать к профессору в мужском костюме пятьдесят шестого размера? Что он подумает?

Фикусов. Что подумает, что подумает! Да он на твою одежду и смотреть не будет! Он на тебя голую смотреть будет! Раздевайтесь, скажет! Знаю я этих профессоров. Они не только одежду больного, свою собственную в упор не видят!

Зарима. Хорошо. Назвалась груздем – полезай в кузов. Спросят, чья жена, скажу – твоя. Где подтяжки?

Фикусов. погоди! Меняем концепцию! Зови ту дуру!

Зарима. Которую?

Фикусов. Гульсум. Вместо тебя её мной оденем!

Зарима. Задурил ты мне голову! Тебя, её, мной! С тобой за всю жизнь под ручку погулять не удалось, так хоть с Гульсум нагуляюсь. (*Подходит к порогу, открывает дверь и зовёт.*) Гульсум! Иди сюда!

Входит Гульсум.

Гульсум. Слушаю.

Фикусов. Раздевайся!

Гульсум (*растерянно*). Что?

Фикусов. Раздевайся!

Зарима. Сегодня мы с тобой будем играть в большого начальника.

Гульсум. Как это?

Фикусов. Брюки надевай!

Гульсум. Не понимаю.

Фикусов. Надевай, потом поймёшь.

Гульсум. Ваше слово – закон. (*Одевает брюки, поднимает их до груди.*) А платье вам, Флус Миннатович?

Фикусов. Засовывай в брюки! Рубашку давай!

Гульсум засовывает в брюки подол своего платья, надевает рубашку Флуса.

Зарима. А тебе свободное идёт.

Фикусов. Галстук.

Зарима. Сейчас. *(Начинает завязывать галстук.)*

Фикусов. И галстук завязывать не умеет! *(Помогает Гульсум завязать галстук.)*

Зарима. Ты её так задушишь.

Гульсум *(со стянутой галстуком шеей, натужно).* Ничего, я потерплю.

Фикусов. А сейчас пиджак.

Гульсум. Погодите... А если меня застрелят, приняв за Флуса Миннатовича?

Зарима *(тихо, чтобы слышала только Гульсум).* Не волнуйся. Не пристрелят. Кому он нужен, этот дундук!

Фикусов. Сестричка, ты меня уважаешь?

Гульсум. Уважаю.

Фикусов. Хочешь, чтобы я остался живой?

Гульсум. Хочу.

Фикусов. Тогда пиджак.

Гульсум. Тётя Зарима, если со мной что-нибудь случится, позаботьтесь о моей дочери.

Зарима. Не волнуйся. Всё будет хорошо. *(Надевает одежду Гульсум.)*

Фикусов. Чего ещё не хватает?

Зарима *(Гульсум).* Ну-ка, повернись, сынку!

Гульсум поворачивается.

Фикусов. Готово.

Зарима. Мне нравится. Копия Флуса Миннатовича.

Фикусов. Плохая копия.

Зарима. Откуда она возьмёт лысину, живот и кривые ноги?

Фикусов. Всё язвись?! погоди! Я сейчас. *(Выходит из комнаты.)*

Гульсум. Тётя Зарима, что он задумал?

Зарима. Цепляется за соломинку, бедный идиот.

В комнату заходит Фикусов, неся в руках портфель и ботинки 45 размера.

Фикусов. Надевай!

Гульсум. Разве что поверх туфель.

Фикусов. Это твоё дело.

Гульсум надевает ботинки Флуса.

Портфель!

Зарима. Он по земле волочиться будет.

Фикусов. И отлично! Если бы портфель был маленький, я бы сейчас не сидел тут при закрытых шторах. *(Гульсум.)* Походи туда-сюда!

Гульсум начинает ходить от одного портала к другому.

Зарима. Хоть сейчас в Париж! Выше бедро, выше!

Фикусов. Зачем портфель поднимаешь? Там же не двухпудовая гиря.

Гульсум. Волочится.

Фикусов. И пусть волочится! Они стреляют не в портфель, а в лоб. Подними лоб выше. Ещё выше! Ну и ну! Разве я так хожу?

Зарима. Сестричка, ходи вот так. Как дядя Флус. *(Выгибает ноги наподобие хомута и изображает походку мужа.)*

Фикусов *(Зариме).* Ты над кем смеёшься, женщина?

Зарима. Она ведь не виновата, что у неё ноги прямые.

Фикусов *(Гульсум).* Гульсум-ханум, душечка, почему ты ходишь, как двухлетний ребёнок, который наложил в штанишки всё, что съел за неделю?

Зарима *(сердито).* Брось ты портфель! К чему он? *(Хватает из рук Гульсум портфель и отшвыривает его.)* Захотят – убьют и без него!

Фикусов *(быстро поднимает портфель, обнимает его, выходит на передний план).* Не бросай, душечка, не бросай! Это портфель. Ради него я десять лет учился. Ради него к кому только не подлизывался! Этот портфель особый, милая! На него охотников много. Вон, за окном, целая толпа. *(Гульсум.)* Ладно, иди! Всё равно из тебя начальника не сделаешь. Как родилась душой, так и помрёшь. *(Слышится сигнал автомобиля. От испуга Флус даже подпрыгивает.)* Ох! Стреляют. *(Сигнал повторяется.)* Не гуди, дурак! *(Сигнал звучит ещё раз. Фикусов закрывает руками уши и умоляет.)* Не сигнал! *(С испугом отнимает руки от ушей.)* Вот идиот! Средь бела дня привлекает внимание киллеров. Весь мир против меня!

Музыка. Гаснет свет.

Когда свет включается, **Фикусов** сидит в кресле, повязав на голову платок Заримы. Возле кресла навалены матрацы, подушки. Он что-то вяжет. На нём платье Заримы, но платье зрителям ещё не видно.

Фикусов *(трогает голову).* Вот это кочан. Кто бы мог подумать, что Флус Миннатович оденет платок и будет вязать в кресле? Смотрите, наблюдайте. Стреляйте крупнокалиберными, картечью, всё равно не достанете! *(Хлопает по наваленным матрацам и подушкам.)* Броня как в танке! Сорок матрацев и сорок подушек! *(Звонит телефон. Фикусов, набывчившись, словно готовясь бодаться, смотрит на телефон. Телефон звонит ещё раз. Обращается просительно к телефону.)* Ну не звони, милый! Помолчи хоть разок! Меня нет дома. Понимаешь, я уехал. *(Телефон звонит ещё.)* Проверяют, есть ли кто... Киллеры, паразиты! *(Телефон звонит.)* Подожди. Подслушаем. *(Боязливо нажимает автоответчик. Там слышен голос Хамита Хамитовича.)*

Хамит. Здравствуйте, Флус Миннатович. Я вам звонил, вас не было дома. Мы стали беспокоиться за вас. Не случилось ли чего нехорошего?

Фикусов *(сам себе).* Понятно... «Не случилось ли чего...» Ишь, забеспокоились, сволочи. Не спеши, дурак. Послав пулю, быстро в моё кресло не влезешь.

Из телефона продолжает говорить Хамит.

Хамит. Позвоните, пожалуйста, как вернётесь домой. А то мы волнуемся.

Фикусов *(поспешно нажимает на кнопку. Плаксиво).* Не бросай трубку. Дома я, дружок, дома.

Хамит. Флус Миннатович, что случилось? Почему плачете?

Фикусов. Кто плачет? Я? Я пою. Песню мести врагам. Это у меня голос такой всегда, когда пою.

Хамит. Уж очень высокий, не болеете ли, боже упаси?

Фикусов. Когда я с тобой разговаривал высоким голосом? Я всю жизнь говорил с тобой ласково.

Хамит. Вас не было на работе, вот мы и подумали, не случилось ли что.

Фикусов. Это не телефонный разговор. Приезжай немедленно! И смотри, чтобы «хвоста» не было!

Хамит. Хвоста?

Фикусов. Быстро гони машину!

Хамит. А мне послышалось: «хвост».

Фикусов. Правильно послышалось. Смотри, чтобы первый зам «хвостом» за тобой не увязался.

Хамит. Понял. Буду через пять минут.

Фикусов. Как приедешь, подойди к окну и три раза похрюкай по-пороссячи.

Хамит. По-пороссячи? Не унижайте меня, Флус Миннатович.

Фикусов. Это пароль! Так надо! А потом трижды проржешь жеребцом! И я открою тебе дверь.

Хамит. Флус Миннатович, что плохого я вам сделал? Зачем так издеваетесь надо мной?

Фикусов. Выполняй, что приказано!

Хамит. Слушаюсь.

Фикусов. Жду. (*Нажимает на кнопку телефона.*) Действительно ли это был Маликов? Или это киллеры говорили его голосом?! Может, жучок в телефон вставили? Три раза повтори: «Не случилось ли что?»

За домом слышится пороссячье хрюканье.

Ага! Вот и свинья приехала! Давай, дружок, жеребцом поголоси!

Слышится ржание.

Ну вот. Прибыло стадо свиней верхом на конях. (*Берёт со стола пульт, нажимает на кнопку.*) Дверь открыта, заходи! (*Ещё раз нажимает кнопку.*) Дверь получше закрывай. Закрыл?

Из селектора слышен голос Хамита.

Хамит. Закрыл.

Фикусов. Хорошенько проверь! Заперто?

Хамит. Заперто, заперто.

Фикусов. Пинком проверь.

Хамит. Ой-ой! (*Жалобно.*) П-п-проверил...

Фикусов. Входи, старая лисица. (*Берёт со стола вязание, вяжет.*)

В комнату, прихрамывая, заходит **Хамит**.

Хамит. Что случилось? Заболели?

Фикусов (*шёпотом*). Почему заболел? Просто горло прихватило.

Хамит. И в лице изменились.

Фикусов. Не говори громко. Говори тихо, лучше шёпотом. Жену разбудишь.

Хамит (*удивлённым шёпотом*). Никак вяжете?

Фикусов (*стыдясь своего занятия, прячет вязание*). Очень волнуюсь за производство. А вязание успокаивает.

Хамит. Не беда. Говорят, раньше вязали только мужчины. (*Трогает гору подушек.*) У вас тут настоящая крепость.

Фикусов. Сквозняка боюсь. Слабый стал, как ребёнок. Вот и жена с температурой сорок четыре лежит, на ноги встать не может.

Хамит. С какой?

Фикусов. Сорок четыре.

Хамит. Говорят, после сорока одного человек уже умирать начинает.

Фикусов. Женщина не человек. И не то стерпит.

Хамит (*показывает на платок на голове Фикусова*). А это зачем повязали?

Фикусов. Что?

Хамит. Платок.

Фикусов. Где платок?

Хамит. На голове.

Фикусов. А-а, это... (*Трогает руками концы завязанного платка.*) Действительно, платок. (*Подзывает к себе Хамита и шепчет ему в ухо.*) Слишком громко говоришь! (*Кричит.*) Следователем стал? На мелочах ловишь? Думаешь, у меня голос пропал и уши не слышат? Мне сквозняк противопоказан! Ветер вреден.

Хамит. Понимаю, Флус Миннатович, вы у нас нежный. Как ребёнок.

Фикусов. Скажи, сколько мне лет до пенсии осталось?

Хамит. Один год, три месяца и семнадцать дней.

Фикусов. А тебе?

Хамит. До чёртиков. Пять лет.

Фикусов. А дней?

Хамит. Не считал.

Фикусов. А мои сосчитал!

Хамит. Когда до пенсии мало, и дни начинаешь считать.

Фикусов. Верно. Считают... но свои. А ты чужие! Предусмотрительный. Вот уйду на пенсию, кто сядет на моё место?

Хамит. Из молодых кто-нибудь.

Фикусов. Ким Кимович?

Хамит. Может, он, может, другой.

Фикусов (*показывает кукиши*). Вот ему! Моё место достойно лишь тебя!

Хамит. Вы что, Флус Миннатович... Вы ещё живы-здоровы! Энергичны как... как ребёнок! (*Зрителям.*) Ты, прежде чем скопытишься, всех нас в гроб загонишь! (*Флусу.*) А я до пенсии буду вашим замом...

Фикусов. Этот сукин сын...

Хамит. Кто?

Фикусов. Этот молокосос, Ким Кимович, просит у начальства моё место.

Хамит. Не может быть!

Фикусов. Открой глаза! Это жизнь. Ты даже не подозреваешь, кто он на самом деле!

Хамит. Вот дерьмо ослиное! Вас подсиживает!

Фикусов. Я бы на твоём месте поостерёгся так говорить! Его дядя большой начальник. Нами командует!

Хамит. Не могу сказать, что Ким Кимович плохой человек. Хоть и молодой, но способный, с организаторским талантом.

Фикусов. Его дядя хочет племянника на моё место протолкнуть. Как ты на это смотришь?

Хамит. Если его дядя... Не знаю... И всё же Ким Кимовичу не помешало бы под вашим руководством поднабраться опыта.

Фикусов. А мой дядя командует его дядей.

Хамит (*облегчённо*). В таком случае этому ослёнку не только у вас, но и у меня кое-чему поучиться не мешало бы.

Фикусов. Мой дядя звонил мне.

Хамит (*шёпотом*). И что сказал?

Фикусов (*зрителям*). Простофиля, сказал. (*Хамиту.*) Сказал, как ты смотришь, если на твоё место подготовить Хамита Хамитовича? Как ты на это сам смотришь?

Хамит. Как смотрю... Широко открытыми глазами смотрю! Не сомневаюсь, что в вашем роду одни только умные люди!

Фикусов. Но его нужно испытать, сказал. Потянет ли он такую должность или нет, сказал.

Хамит. Какой умный у вас дядя! И что?

Фикусов. Он приказал мне несколько дней не выходить на работу. Дескать, посмотрим сверху, сможешь ли ты без меня вести производство. Возложил твоё испытание на мои плечи.

Хамит. А Ким Кимович? Что с ним делать?

Фикусов. Раздавим как муху!

Хамит. Раздавим! Как вредителя! Отлично! Я поехал давить!

Фикусов. Не торопись! *(Встаёт, начинает ходить от портала к portalу.)*

Хамит *(удивлённо)*. О-о!.. Флус Миннатович! Вы, кажется, ненароком женское платье надели.

Фикусов. Я? *(Смотрит на женское платье, в которое облачился.)* Я ненароком надел платье? Какое платье надел я, Хамит Хамитович?

Хамит. Вы надели собственную одежду.

Фикусов. Вот, Хамит, какой ты мудрый человек. Повтори урок. Какое я платье надел?

Хамит. Собственную одежду надели.

Фикусов. Из тебя, пожалуй, выйдет начальник. А вот что бы ответил в этом случае Ким Кимович?

Хамит. Что надели женское платье.

Фикусов. Нет. Преувеличиваешь. Если бы он так сказал, то не сидел бы двадцати восьми лет от роду первым замом гендиректора крупного завода. Испытание ты прошёл удачно. А теперь ответь: кто ходит к этому Кимовичу?

Хамит. Я ведь всё в подробностях вам рассказывал.

Фикусов. Ой, всё ли?

Хамит. Обижаете.

Фикусов. Но не говорил, что он метит на моё кресло.

Хамит. Я этого не знал, Флус Миннатович.

Фикусов. А вот Кимович всё знает. Знает даже, что в мой дом послали конверт.

Хамит. Какой конверт?

Фикусов. Вот видишь, ты даже про конверт не знаешь.

Хамит. Это моё крупное упущение. Виноват, исправлюсь.

Фикусов. Исправляйся! Быстро исправляйся! Не то твой поезд без тебя уйдёт! Молодёжь нынче борзая. Вот ты во сколько мне позвонил? А он за два часа до этого пришёл и сказал, что хотел сказать. А ты не знаешь даже, что было написано на конверте!

Хамит. Врать не буду, не знаю. Но исправлюсь.

Фикусов. Исправляйся! Кто он таков, Кимович, с кем общается, кто к нему ходит, какие планы у него? Всё нужно знать во всех подробностях.

Хамит. До седьмого колена узнаю и вам сообщу!

Фикусов. Вот так, милый. Мне неинтересно всё знать только про тебя. Хочется знать, что там варит мой первый зам.

Хамит *(зрителям)*. Продаёт, оказывается, молокосос. *(Флусу.)* Ничего, Флус Миннатович, старый конь борозды не испортит! Я этого молодца выведу на чистую воду.

Фикусов. Рад слышать! Действуй.

Хамит. Всё будет, как пожелаете. До свидания. Поправляйтесь быстрее!

Фикусов. Подожди! Никому ни слова, что был у меня. Понял?! Ни-ни!

Хамит. Даже если позвонят... *(показывает наверх)* оттуда?

Фикусов. Даже если сам Аллах позвонит!

Хамит. А Ким Кимыч? Вы же сказали, что он у вас был!

Фикусов. Я ему соврал, что уезжаю в командировку в Москву. Пусть моя секретарша выйдет на улицу и позвонит мне из автомата.

Хамит. Зачем?

Фикусов. Идиот! Чтобы Кимыч не подслушал.

Хамит. Вот оно что... Какая сволочь!

Фикусов. Пусть звонит три раза. После гудка положит трубку. На четвёртый раз я трубку возьму.

Хамит. К чему такие сложности?

Фикусов. Пусть поработает!

Хамит. Правильно, пусть поработает.

Фикусов. Пусть помается!

Хамит. Пусть помучается! (*Зрителям.*) Кажется, с ума сходит...

Фикусов. Ну, иди!

Хамит. Прощайте, Флус Миннатович!

Фикусов. Что?

Хамит. Прощайте, говорю.

Фикусов. Болван! Что я тебе – покойник? Надо говорить: будьте здоровы!

Хамит. Будьте здоровы! (*Уходит.*)

Фикусов. С кем работаю? Как сказал: «Останешься вместо меня», так и засуетился, так и залебезил. Ничего не знает! Спит на ходу! По дням, по часам, по минутам считает моё время до пенсии! Первая кандидатура на авторство пули... Ну, зайцы, погодите! Будете шутковать со мной – покажу я вам кузькину мать в натуральную величину! Вы ещё не знаете, кто я такой и на что способен! Флус не из пугливых! (*Звонит звонок. Фикусов стремглав бросается под стол, дрожащим голосом зрителям.*) М-м-меня нет дома! (*Плачет.*) Прощайте... Будьте счастливы. (*Зажмуривает глаза.*) Деньги в столе.

Из селектора слышен голос Заримы.

Зарима. Открывай, урод! Это мы. Зарима и Гульсум.

Фикусов (*вылезает из-под стола*). Ходят туда-сюда, людей пугают. Чуть до инфаркта не довели. (*Берёт пульт и шепчет.*) Вы одни?

Зарима. Да!

Фикусов (*шепчет*). За собой никого не привели?

Зарима. Двух бугаев. На племя.

Фикусов. У-у! Бесстыжая! Одно на уме! (*Нажимает кнопку селектора.*) Заходите.

В комнату заходит **Зарима** с перевязанной головой, израненными руками, хромает на обе ноги. За ней идёт **Гульсум** в разорванном костюме, вся расхристанная, в руке – ручка от портфеля.

Фикусов (*испуганно*). Что случилось?

Зарима. Сам видишь.

Фикусов. Н-нападение?

Зарима. Аллах его знает.

Гульсум (*показывает ручку от портфеля*). Сплыл портфель.

Фикусов (*берёт ручку от портфеля*). Как сплыл?

Зарима. Легко! На все четыре стороны.

Фикусов. Что случилось?

Зарима. На нас КАМАЗ наехал.

Фикусов. А моя иномарка?

Зарима. Вдрызг.

Фикусов. А шофёр?

Зарима. В реанимации.

Фикусов. В КАМАЗе были люди?

Зарима. Были. Или нет?

Гульсум. Шофёр был.

Фикусов. Дура! Разве бывает машина без шофёра?! Ещё кто был?

Зарима. Рядом сидел здоровенный парень. Во такие плечи!

Фикусов. С ними что?

Гульсум. Шофёр цел.

Зарима. А тому парню голову пробило. Жалко.

Фикусов (*радостно*). Умер?

Зарима. Убьёшь такого... Здоровенный бугай.

Фикусов. Стреляли?

Зарима и Гульсум (*разом*). Нет, просто врезались!

Фикусов (*сам себе*). Думали, я еду! Объясните всё ещё раз!

Зарима. Милиция объяснит.

Фикусов. И в милиции побывали?

Зарима. А как же!

Гульсум. Милиция в ту же секунду подъехала.

Зарима. Нас троих на скорую – и фьють! Прямо в больницу.

Фикусов. Кого – троих?

Зарима. Нас и водителя.

Фикусов. А раненый бугай?

Зарима. Бугай исчез.

Фикусов. А потом?

Зарима. Говорю же, увезли в больницу.

Гульсум. Тёте Зариме перебинтовали голову. А водителя в тяжёлом состоянии в реанимацию.

Фикусов. Мамочка родная! Дальше!

Гульсум. Дальше пришли милиционеры.

Зарима. Заставили написать объяснительную.

Гульсум. Спросили: «Это же машина Фикусова. А сам он где?»

Фикусов. А вы что?

Зарима. Дома сидит, сказали.

Фикусов. Повезли в отделение?!

Зарима. Нет, спрашивали в больнице.

Фикусов. А сами они были в милицейской одежде?

Зарима. Только один.

Гульсум. Двое в гражданском. Симпатичные.

Фикусов. Вооружены?

Зарима. У того, кто в форме, был пулемёт.

Фикусов. Пулемёт?!

Зарима. Ну да! Ружьё, за которое двумя руками держатся.

Фикусов. Автомат это, дура.

Гульсум. А у двоих пистолеты.

Зарима. Гульсум, не ври! Я пистолетов не видела.

Гульсум. А я видела. За штанами спрятаны!

Фикусов. Документы не спросили?

Гульсум. Они сами у нас документы спросили.

Фикусов. Ну и тупицы! Ещё что делали?

Зарима. Сказали адрес, они нас и привезли.

Фикусов. На милицейской машине?

Зарима. Нет, на «жигулях».

Фикусов. Дуры!

Зарима. Тот, который впереди сидел, в гражданском, передал тебе привет, сказал, во всём быстро разберутся, пусть Флус Миннатович не волнуется.

Гульсум. По плечу погладил.

Фикусов. Да... съездили две дуры! Теперь все знают, что я дома. Быстро разберутся, сказали...

Гульсум. И разберутся! Такие дела в долгий ящик не откладывают.

Зарима. Деловые!

Гульсум. Особенно тот, что впереди.

Звенит звонок. Зарима хочет идти открыть дверь.

Фикусов. Не открывать! Я тебе открою!

Звонок повторяется.

Гульсум! Посмотри с верхнего этажа, кто там?

Гульсум уходит.

Эх вы, предательницы... погубили меня...

Входит **Гульсум**.

Гульсум. У двери молодой мужчина с перебинтованной головой.

Фикусов. Киллер. Тот, который на КАМАЗе. А ну быстро стол к двери!

Из селектора слышен голос Кима Кимовича.

Ким. Флус Миннатович, это я, Ким Кимович! Откройте!

Фикусов (*не замечая, что кричит в пульт*). Меня нет дома!.. Я в Москве в командировке!

Ким. Не шутите так, Флус Миннатович! У меня важное дело.

Фикусов (*поспешно даёт селектор Зариме, шепчет*). Скажи, что меня нет! Быстро!

Зарима (*в селектор*). Его нет дома. (*Флусу.*) Доволен?

Фикусов. Молодец! (*Сам себе.*) Так вот кто киллер! Вот кто хозяин пули. Зарима, набирай 02. И в КАМАЗе он был.

Зарима тянется к трубке, но тут звонит телефон.

Не вздумай брать! Пожалуйста, не бери трубку.

Зарима. Да брось ты! Сколько можно бояться? (*Нажимает на кнопку телефона, там слышен голос секретарши.*)

Голос Замзамии. Флус Миннатович, это я, Замзамия! Быстрее приезжайте, у нас тут чепэ.

Фикусов. Что за чепэ?

Голос Замзамии. Замы дерутся.

Фикусов. Что делают?!

Голос Замзамии. Дерутся! Хамит Хамитович стулом разбил голову Киму Кимовичу! А Ким Кимович выкинул Хамита Хамитовича из окна второго этажа. А вас милиция ждёт.

Фикусов. Ну и дела! Замзамия!

Голос Замзамии. Я!

Фикусов. Скажи, меня дома нет. Я в Москве в командировке! В Совете Министров, скажи! (*Нажимает на кнопку телефона.*) Впустите этого молокососа Кима Кимовича!

Гульсум уходит.

Фикусов. Надо же, а?! Надо же! На пять минут нельзя одних оставить. Дерутся, власть делают! Что за люди?!

Зарима. Сам виноват. Если бы из Гульсум не сделал чучела, никакой аварии не было бы.

Фикусов. Какое чучело? Кто? Объясни толком.

Зарима. Водитель твой увидел Гульсум в костюме с портфелем, стал ржать как лошадь! Ну и попал под КАМАЗ.

Фикусов. Что?!

В комнату входят **Гульсум**, за ней два медицинских работника в белых халатах с чемоданчиками.

Фикусов (*вздрагивает*). Где К-Ким Кимович?

Гульсум. Ушёл.

Фикусов (*испуганно пятится*). Ушёл. А э-эти кто?

1-й белый халат. Больная Фикусова, вы почему убежали из больницы?

Фикусов (*женским голосом*). Мы из больницы не убегали.

2-й белый халат. А вас, бабушка, не спрашивают.

Фикусов. А где третий?

1-й белый халат. Мы всё время вдвоём ездим.

Фикусов. А сейчас халат надели? А где тот, что в милицейской форме?

2-й белый халат. Мы не стражи порядка, мы стражи здоровья.

Фикусов. Знаю я вас, ангелов смерти! Азраилы!

Зарима. Вы, пожалуйста, извините, мы никак не могли оставаться в больнице. Видите ли, мой муж тяжело болен.

2-й белый халат. Если с вами что случится, обвинят нас.

Зарима. Понимаю, доктор. Мы обе в порядке. У нас ничего не болит. Так ведь, Гульсум?

Гульсум. Мы здоровы.

1-й белый халат. Возможно, у вас шокковое состояние.

2-й белый халат. А если ремиссия?

1-й белый халат. Нас с работы выгонят.

Зарима. Мы расписку дадим.

2-й белый халат. Ваше право. Распишитесь здесь. (*Идёт к столу с бланком.*)

Фикусов (*прыгает в сторону*). Не подходите ко мне!

1-й белый халат. Что с ней? Вот здесь и здесь.

Зарима (*ставит подпись*). Боится каких-то киллеров. Ночами спать не может.

2-й белый халат (*Гульсум*). И вы распишитесь.

1-й белый халат (*Флусу*). Бабушка, стойте ровно. Не тряситесь. В детстве болели? Менингит, корь, свинка?

Фикусов. Свинкой?! (*Хрюкает.*) Не-е-ет...

1-й белый халат. Месячные давно кончились?

Фикусов. Не-недавно... к-к-квартальные отчёты сдал. Чист.

2-й белый халат (*щёлкает пальцами перед лицом Фикусова*). Часто носите женское бельё?

Фикусов. Да. (*Мужским голосом.*) То есть нет!

1-й белый халат (*2-му белому халату*). Быстрая смена сексуальной ориентации. Интересный случай. (*Фикусову.*) Смотрите сюда! Собственной тени боитесь?

Фикусов. Своей тени не боюсь, а вас боюсь.

2-й белый халат. Нас бояться не стоит. Садитесь, проверим рефлексы.

Фикусов. Сейчас! Так вам и поверил!

1-й белый халат. Мы только померяем давление.

Фикусов. Давление у меня – хоть в космос!

2-й белый халат. И всё же...

Гульсум. Флус Миннатович, проверьтесь, вам же лучше будет.

Зарима. Ну кого ты боишься? Мы же здесь!

Фикусов (*смирываясь с происходящим*). Сдаюсь. Пусть будет по-вашему. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

1-й белый халат (*измеряет Флусу давление, говорит 2-му белому халату*). Верхнее под двести... Давай укол.

2-й белый халат (*подходит со шприцем к Флусу*). Больной... Не нервничайте. Один укольчик – и всё!

Фикусов (*вскакивает и хватается полено из камина*). Не подходите! Башку разобью! Убью! Застрелить не смогли! КАМАЗом не задавили! А теперь ядом взять хотите?! Помогите! Убивают! Киллеры! Кровопийцы! (*Хочет выпрыгнуть из окна, белые халаты успевают схватить его.*)

1-й белый халат (*Гульсум*). Сестричка, быстро к шофёру, пусть несёт смирительную рубашку.

Гульсум убегает.

Фикусов. Гульсум! Не ходи! Они и тебя! и меня! всех троих убьют!

2-й белый халат. Успокойтесь, больной. Сейчас мы сделаем вам укол, и вы просто заснёте.

Фикусов. Ма-ма!

2-й белый халат. Высокое давление. Возможно кровоизлияние... Нужна госпитализация. Вы согласны?

Фикусов. Зарима, Зарима! Не верь им! Вызови милицию! (*Кидает пулю Зариме.*) Отдай пулю на экспертизу! На отпечатки пальцев!

1-й белый халат (*Зариме*). Мания преследования на фоне острого мужского климакса. Увы. Типичная картина.

Зарима (*спокойно*). Я давно заметила неладное.

Фикусов от этого теряет дар речи. Ему быстро делают укол, от которого Флус несколько стихает. В комнату входит шофёр со смирительной рубашкой, за ним **Гульсум**. Два белых халата и шофёр одевают на Флуса смирительную рубашку.

Зарима. Проводить вас?

Фикусов. Проводи! Езжай следом! Узнаешь, где они труп выкинут!

1-й белый халат (*Зариме*). Не надо. Он явно перевозбуждён. Реактивное состояние.

Фикусов. Отпустите меня! Отпустите! Я вам дам столько денег, сколько пожелаете! Хотите, дворец отдам?! Только не убивайте!

2-й белый халат. Мы отвезём его в психбольницу на Арском поле. В буйное отделение. Это их профиль. (*Флусу.*) А вы, больной, не волнуйтесь. Медицина нынче сильная. Быстро поставим на ноги. Пару лет отдохнёте – вернётесь в свой дворец как огурчик!

Фикусов. Огурчики не возвращаются с того света! Пейте мою кровь! Прощайте! Прощайте, мои богатства! Я заработал вас, чтобы бросить шакалам!

Флуса уводят.

Гульсум. Боже мой, какая жалость.

Зарима. Кого жалеешь, дурочка?

Гульсум. Дядю Флуса.

Зарима. А меня не жалко? Он на меня, шестнадцатилетнюю, лифчики-трусики одевал. А я на него, старого дурака, в пятьдесят семь лет смирительную рубашку одела. Один – один. *(Достаёт из кармана пулю.)* Выкинь подальше.

Гульсум *(берёт пулю, догадываясь).* Так это...

Зарима. Я. *(Изображает выстрел.)* Пух! *(Открывает шторы.)* Господи, какой прекрасный день... Гульсум, сестричка, завари свежий чай. Да покрепче. Почаёвничаем в своё удовольствие.

Музыка.

Занавес.

Проклятый Богом дом
(перевод Р. Кожевниковой)
Пьеса в двух действиях, семи картинах

Действующие лица:

Риваль Якубович – главный врач.
Айрат Харисович Галин – генеральный директор.
Зиля Саматовна – молодая жена Айрата Харисовича.
Лейсан Гумеровна – медсестра.
Кадыр – палач времён культа личности.
Исмай – дед, впавший в детство.
Садрый – инвалид войны.
Нагима – бабушка.
Адам с дубинкой – охранник.

Действие первое

Картина первая

Кабинет главного врача психиатрической лечебницы Риваля Якубовича.
В центре – стол буквой «Т». На столе несколько телефонов, селектор, журналы.
Слева – книжный шкаф, справа – роскошный диван. За спиной у хозяина кабинета – портрет Бехтерева.

Риваль (*говорит по телефону*). Спасибо, спасибо... Спасибо потом скажете, Назип Айтуганович! Сами знаете, сейчас в аптеках и анальгин можно достать только через друзей. А вы у меня просите дефицитный препарат, производимый в Америке! Что? А, да, да. Нет ведь. Этот препарат можно достать только через обком. Не надо, говорю. Не беспокойте их. Что вы, Назип Айтуганович, я не считаю вас человеком из низших слоёв. Сами знаете, хоть мы с вами в обкоме вместе и не сидели, не из последних парней. Такие уколы, я думаю, и для нас ещё вернутся. Не обижайтесь уж. Не переживайте. Я говорю, не пе-ре-жи-вай-те! Сказал, сделаю, значит, сделаю. Разве можно обижать таких друзей, как вы? Что, что вы сказали? Доски?! Ну конечно, Назип Айтуганович, как же не нужны? Ведь у моего младшего сына дачи нет. Конечно, нужны, слов нет. Вот что, Назип Айтуганович, не пожалейте пяти минут, загляните ко мне. Здесь обо всём поговорим. Ладно, пока. Желаю здоровья! (*Стучат в дверь.*) Да, да, войдите!

Появляется **Айрат**.

О-о-о, Айрат Харисович, пожалуйста, присаживайтесь на диван.

Айрат подаёт ему руку через стол, берёт стул и садится справа.

Как дела?

Айрат. Дела как сажа бела. Что спрашивать, сами ведь знаете.

Риваль. Не приbedняйтесь уж так, всё утрясётся.

Айрат. Знаю уж, знаю... А вот и те (*показывает пальцем вверх*), кто наверху, когда у меня в руках всё было и я всё имел, не давали мне по ночам спать – то одно просят, то другое. А сейчас, когда настали такие времена, их и след простыл – ни слуху ни духу.

Риваль. Вы сами или с женой?

Айрат. Риваль Якубович, если не ошибаюсь, кажется, мы с тобой были друзьями...

Риваль. Да, конечно...

Айрат. Раз мы друзья, то сойдём с этих кресел и перейдём с «вы» на «ты». Мы ведь, оставаясь вдвоём дома, переходим на особый сленг.

Риваль. Да, правильно говоришь. Что поделать, в крови уже. (*Телефон звонит. Риваль берёт трубку.*) Да, да, слушаю! Кто? А, Софья Тимергалиевна. Салям, салям! Дела... Дела ничего. Вот, боремся с болезнями, точнее, изгоняем бесов. Сами знаете, у меня ведь психические больные. Что? В спецклинику положить? Кого? Вы что, Софья Тимергалиевна, отстали от перестройки, отстали от мира? Нет сейчас такого слова. Какого? Я имею в виду слово «спецклиника». Его уже давно поменяли. Что, что говорите? Ха-ха-ха!.. Сами-то что думаете? Вы думаете, что в одной палате будут лежать «белые люди» и пастух Гимади и дышать общей вонью? Раз так, проблем нет. Изменилось название, а больные те же. Да, да, изменилась только позолоченная вывеска на двери. Кто ваш клиент, я спрашиваю?.. Работает завпроизводством в ресторане? Нужный, оказывается, человек... Я говорю, нужный человек! Ладно, будет всё так, как вы сказали. Софья Тимергалиевна, положим его в ту палату, где лежит наш Первый. Когда я вас увижу? Кажется, у вас связь с «погонниками» была сильна. Сами знаете, они меня однажды обидели. Я думаю, вы знаете, о чём я говорю. А сейчас сын, маленький сын, опять попался. Куда? У него одно место – милиция. Что ему делать? Решил кое-кому силу свою показать. Так, ах, спасибо! Извините, пожалуйста... (*Листает блокнот на столе.*) Вот, вот, его дело передали следователю Петру Николаевичу Суслову. Ах, спасибо, мне не придётся ходить. Пока, до свидания! (*Кладёт трубку.*) Вот ведь, попробуй без таких людей прожить сегодня на этом свете!..

Айрат. Риваль, что будем делать?

Риваль. Как договорились, так и будем делать.

Айрат. Скольких ты собираешься сюда положить от меня?

Риваль. Сколько хочешь. По обстановке.

Айрат. Я бы не хотел провести здесь не то чтобы один час, но даже минуту.

Риваль. Это уж на твоё усмотрение. Как тебе душа подскажет. Я тебя не напрягаю. За то, что я тебя положил в больницу, меня по головке не погладят.

Айрат. Ладно уж, поставь себя на моё место. Что бы ты делал...

Риваль. Что? А вот вся моя жизнь здесь проходит. И всё-таки не жалею. Семь лет ради этого кресла учился полусытым-полуголодным. И достиг своей цели.

Айрат. Да, все мы любим кресло. Только не дают в него свободно сесть... Кто же придумал, что есть некто выше меня? Взглянуть – смех на палочке!

Риваль. Не переживай, друг, мы тебя втроём укроем. Ты да я и вон тот человек. (*Указывает на портрет Бехтерева.*)

Айрат. Ладно ещё был такой человек. Куда бы мы попрятались, умные дураки?

Риваль. Каждый под себя гребёт. Даже дурдом иногда помогает умным. Ладно, перейдём к делу. С чего начнём?

Айрат (*вытаскивает из-за пазухи три пачки денег и выкладывает их на стол*). Как договаривались.

Риваль (*кивая на дверь*). Закрой.

Айрат закрывает дверь. Риваль недоумённо смотрит на деньги.

Понять не могу.

Айрат. Здесь – половина. А остальное будет у тебя в руках, когда я выйду отсюда живым. Как договаривались, шесть месяцев – шесть пачек.

Риваль. Боишься? Выйдешь! Отсюда не может выйти только тот, кто много знает и много говорит. Вы не из таких. Вы наш человек, нашей кости. Да... Шесть месяцев... Маловато, конечно.

Айрат. Я бы тут же сбежал из этого дома, проклятого Богом. Пожалуйста, не держите меня здесь больше шести месяцев.

Риваль. Как это «не держите»? Не держите, говорит. Культурным прикидываешься. Сомневаюсь, что тех, «проверяльщиков», можно будет убедить. Ладно, постараюсь. Но только тебе самому тоже надо будет постараться. Стоит мне сказать, по коридору нагишом будешь бегать.

Айрат. Да уж, мне предстоит...

Риваль. Так уж, что поделаешь? Если голова не работает, пусть ноги поработают. А сейчас вот эти деньги (*выдвигает ящик стола*) своими руками выброси. Сам знаешь, мне к этим деньгам прикасаться нельзя.

Айрат кладёт деньги в ящик. Риваль ящик закрывает.

На твою голову этих сволочей достаточно. Ты не переживай, они сейчас в плену (*смеётся*). Были, а сейчас нет. Интересен этот мир. Вчера они были у тебя, а сегодня у меня. А завтра у кого, один чёрт знает. Иди открывай дверь!

Айрат открывает дверь.

Сейчас я позову медсестру. Входи в образ. Красивая девушка, разрешаю притронуться к её груди и так далее. Хотя тебя этому учить не надо. Твоя нынешняя не двадцатипятилетняя ли?

Айрат. Нужен ли дураку ум? Женился на свою голову. Вот сейчас её и усладдай. Я у неё под каблуком.

Риваль. Ничего, не переживай. Она тебя вскоре отправит в мир иной. Зачем ты ей нужен, старикан?

Айрат. Ты что, решил меня на самом деле убить?

Риваль. Ладно уж, пойми, что я шучу. Она осталась дома? Она ведь тебя любит...

Айрат. Ждёт в коридоре.

Риваль (*нажимает кнопку селектора*). Сестра Лейсан, зайдите сюда. (*Айрату.*) Ладно, не переживай, всё будет в порядке.

В комнату входит медсестра **Лейсан**.

Сестричка, проводи этого больного в палату. Потом зайдёшь ко мне.

Айрат и Лейсан уходят. Риваль набирает номер телефона.

Алло, алло! Это вы, Равиль Садриевич? Это я, Якубович. Всё нормально. У тебя как дела? Молодая жена не напрягает? Развёлся? Когда? (*Смеётся.*) Или состарилась? Я говорю, состарилась, что ли? Когда развёлся? Месяц назад? Ну ты и шустрый. Не собираешься опять жениться? Я спрашиваю, когда ещё раз женишься? Заочно?.. Годится. (*Говорит громче.*) Годится, говорю! Дело есть. Одной красотке нужна шуба из соболя. Да, да, той самой. Которую возили на твою дачу. Ладно, шофёр твой завезёт. Она ведь как птенчик, примерно сорок шестого размера. Да, сам прикинь. Чтобы могла сидеть рядом со мной! Выходной... В выходной меня пригласили на кабана. Те уж, наши. Будет время, приезжай. Вместе отправимся. Да нет, вертолётom. Ладно, ждём. Пока!

В комнату входит **Лейсан**.

Лейсан. Слушаю вас, Риваль Якубович.

Риваль. Устроили?

Лейсан. Устроила.

Риваль. Хорошо. Вот его амбулаторная карточка. Его лечением буду заниматься я лично. Персоналу надо будет об этом сказать. Этот больной трижды накладывал на себя руки. Не подавая виду, он может сотворить с собой что угодно. Держите подальше от него лезвия, электробритву, железки, ремни и всё такое. Передачи принимайте только с моего разрешения. А, забыл, та, которая его проводила сюда, ушла?

Лейсан. Нет, попросила встречи с вами.

Риваль. Пусть войдёт!

Лейсан выходит, в комнату входит **Зиля**.

Добро пожаловать, единственная куклолка нашего города. Я очень рад видеть вас, Зиля Саматовна.

Зиля. Спасибо, Риваль-абый.

Риваль. Кто, вы говорите? Вы меня не унижайте. Риваль-абый якобы. Я, пожалуй, помоложе вашего Айрата Харисовича.

Зиля. Простите, Риваль Якубович.

Риваль. Риваль Якубович! Вы что... Риваль. Вот это мне нравится. *(Идёт и запирает дверь.)* Зиля... Какое красивое имя. В эти минуты моё сердце не находит себе места. *(Берёт Зилю за руку.)* Какие нежные, мягкие руки!

Зиля *(пытается вырвать руку)*. Вы что, Риваль, не шутите!

Риваль. Какие это шутки? Это великое чувство. Послушайте моё сердце! *(Прикладывает руку Зиля к своей груди.)* Слышите? В эти минуты оно бьётся только для вас.

Зиля. Отпустите, Риваль! Вы ставите меня в неловкое положение. Отпустите! Закричу!

Риваль *(открывает дверь)*. Ладно, я не могу противиться вашим словам. Я – ваш пленник. *(Смеётся.)* А вот ваш муж – мой пленник. *(Смеётся.)*

Зиля. Риваль, он долго здесь будет лежать?

Риваль. Всё зависит от вас.

Зиля. Риваль, я стала его бояться. У него сильная апатия. Говорит, покончу с собой. По ночам просыпается в бреду. Вы уж не выписывайте его, не вылечив окончательно. Его здоровье очень важно и для семьи, и для него самого!..

Риваль. Я от вас таких слов и ожидал. Такое могут сказать только такие великолепные женщины, живущие ради своих мужей. Я не возражаю.

Зиля. Спасибо вам!

Риваль. Я никогда не сомневался в вашем мужестве. Такой красивой и молодой женщине взять под своё крыло пожилого мужчину – само по себе мужество.

Зиля. Риваль, как это понимать? Это шутка или оскорбление?

Риваль. Что вы... Я искренне. Вот только я одинок.

Зиля. Почему вы так говорите? Ведь у вас есть супруга?..

Риваль. Супруга лишь. А мне нужна женщина. Такая красивая женщина, как вы, которая согревала бы моё тело, как вы!..

Зиля. Не поняла. Разве супруга не может быть женщиной?

Риваль. Нет, умница моя, это две разные вещи. Вот ваш муж для меня – друг по жизни, сотрудники мои – тоже друзья по жизни, а жена *(женщина)* – это совсем другое. Жена – она согревает душу и тело!..

Зиля. Вот как...

Риваль. Так уж. Откуда у шестидесятилетней жены может быть тепло телесное... Вот поэтому я и не считаю её своей женой. Эх, Зиля, всё ещё у меня перед глазами ваша выпечка, до сих пор слюнки текут. Доведётся ли ещё когда-нибудь подобное попробовать, не знаю...

Зия. Почему же...

Риваль. Да? Получится? Но когда?

Зия. Вот только Айрат Харисович поправится и выйдет.

Риваль. Извините, Зия Саматовна, дорогая, ему ещё лежать и лежать... А у меня уже терпения нет.

Зия. Ладно, я вас приглашу.

Риваль. Вот так, не обижай старого человека!

Зия. Риваль, мне разрешено передачи приносить? Надеюсь, будут принимать.

Риваль. Здесь кормят хорошо, не беспокойтесь. И потом Айрат Харисович стал немного полнеть. Я думаю, ему не помешала бы диета. Походим в кино, в театры, в рестораны и другие места... Я имею в виду – культурно отдохнём. Не беспокойтесь, я вам скучать не дам. Только мы вдвоём, наедине, с глазу на глаз будем сидеть. Всё образуется.

Зия. Ладно, до свидания. Я уйду.

Риваль. Постойте, я сейчас вызову машину.

Зия. Нет, спасибо. Я на «жигулях».

Риваль. Вы – за рулём?!

Зия. Да.

Риваль. Хорошо, хорошо. Может быть, и меня прокатите. С такой женщиной, как вы, выехать на природу стоило бы дорогого!

Зия. Обязательно! Прощайте!

Риваль. Я вас жду, очень жду. Вот вам моя визитка. Если позвоните, я буду очень рад. По поводу Айрата Харисовича не переживайте. Отдыхайте.

Зия. Прощайте! (*Уходит.*)

Риваль. Красавица, спелая вишня, что ли?! Сама готова угодить мне в рот. Не подкачай, Риваль, не подкачай! Ты ведь не из тех парней, которые теряются!

Гаснет свет.

Картина вторая

Палата. Напротив двери – два зарешеченных окна. Вдоль стен – две кровати. Возле кроватей – тумбочки. На трёх кроватях в глубине палаты – трое больных в полосатых халатах: **Садрый**, **Исмай**, **Кадыр**. Они напоминают эзков. В комнату в такой же одежде входит Айрат и здоровенный, в белом халате, лет 30–35 **Адам**. В руке у него дубинка.

Адам (*указывает дубинкой на свободную кровать*). Устраивайся! (*Уходит.*)

Айрат (*оглядывая комнату*). Куда я попал... Тюрьма и есть тюрьма.

Кадыр (*смотрит с места как бык*). Враг народа! (*Кричит Садрию, сидящему на соседней кровати.*) Немедленно арестовать! Допрос!

Садрый (*вскакивает с места, набрасывается на Айрата*). За Сталина! Уничтожить врага! Ур-ра!!!

Тем временем **Кадыр** связывает упавшему Айрату руки полотенцем.

Потом он и **Садрый** поднимают его и усаживают на тумбочку.

Работаешь? Молчишь? Ничего, я заставлю тебя говорить. Таких, как ты, через мои руки прошли тысячи. Помалкиваешь? Страну собрался продать? Падла! Народ собрался продать, паразит?! Враг народа! На, получай! (*Бьёт Айрата в челюсть.*) Молчишь? Ладно, ждешь, когда тебя отправят на тот свет прикусившим язык? Ждешь пулю в лоб? (*Опять бьёт Айрата.*)

Айрат (*вскакивает с места*). Что ты делаешь, уволю! Тьфу, зарежу!

Кадыр. Ах, ты так?! Ты поднимаешь голос против нас, тех, кто за советский порядок?! Против нас, верных сыновей партии. На, падла! (*Бьёт Айрата.*)

Айрат. Убивают! Убивают! Спасите!..

В комнату входит **Адам** и бьёт дубинкой **Садрыя** и **Кадыра**. Те разбегаются в разные стороны.

Кадыр. Виноват, товарищ начальник! Действовал не по уставу, виноват! Больше не буду!
(*Садится на кровать, скрестив ноги.*)

Адам (*развязывая руки Айрату*). А ты о чём думаешь? Дашь сдачу покруче, к тебе никто и приставать не будет.

Айрат. Пожалуйста, переведите меня в другую палату.

Адам. Говорят, лично для вас подготовили «люкс». Сиди и не вякай! Тресну тебе по лбу, мозги вылетят! Не похож ты на человека, который делает добро другому, – слишком великоват твой живот. (*Уходит.*)

Исмай (*становится перед Айратом на колени*). Абый?! (*Айрат молчит.*) Абый!

Айрат (*наотрез*). Что? А ты что за райская птица?

Исмай. Абый...

Айрат (*разгневанный*). Что?!

Исмай. Абый, ты моего отца не видел?

Айрат. Видел.

Исмай. Где?

Айрат (*подносит к носу Исмая кукиши*). Вот здесь.

Исмай. А-а-а, не ври, там людей не бывает, я знаю. Абый, где видел, говори быстрее!

Айрат. Нет, не видел!

Исмай. Не возвращается и не возвращается. Ночью постучали, он пошёл открывать дверь, с тех пор его нет и нет. Мать сварила пшённую кашу, остыла уже, всё не возвращается.

Айрат. Вернётся, жди!

Исмай. Вернётся ведь, абый, да? Вернётся и заберёт меня. Я ведь домой хочу, абый. Я здесь долго нахожусь. У тёти врача попросил, а она говорит, когда отец придёт, отпустим. Сейчас и мать не приходит, раньше часто приходила, теперь пропала. Наверно, отца ищет, да ведь, абый?

Айрат. Да, да, наверное, ищет.

Кадыр подаёт знаки Садрыю. С двух сторон они оба опять направляются к Айрату.

Чувствуя это, он прислоняется к стене.

Садрый. Задушу, гитлеровский отброс, задушу! За Сталина!

Айрат. Спасите, на помощь, убивают! (*Выбегает. Через некоторое время приводит с собой Адама с дубинкой.*)

Адам (*швыряет на пол старика Садрыя*). Не мозоль глаза. А то убью! Эй, вы, дармоеды, паразиты! Слышат ваши уши? Ещё раз нарушите дисциплину, обоих к кроватям привяжу, слышите – «За Сталина!».

Садрый (*вскакивает и отдаёт честь*). Служу Сталину!

Кадыр (*равняясь на него*). Виноват, товарищ начальник. Действовал не по уставу. (*Отдаёт честь.*)

Адам. Вольно! Сейчас же проветрите комнату!

Кадыр и **Садрый** (*одновременно вскакивая*). Есть! (*Толкая друг друга, поднимаясь на кровать, открывают форточку.*)

Адам уходит. В дверях появляется **Нагима**: в одной руке у неё швабра, в другой – ведро.

Нагима. Здравствуйте, детки!

Кадыр (*встаёт перед ней*). Ты что, с чего это я твоё дитя? Ты – уборщица моего кабинета!

Нагима (*смеётся*). Да уж, твоя, твоя. (*Гладит Кадыра по спине*.) Поэтому под твоей кроватью мою в первую очередь.

Кадыр. Действуй так, как положено по уставу. Чтоб на полу не осталось ни капли крови! Поняла?

Садрый (*кричит на Кадыра*). Ты чего, с какой стати она твоя? Она – медсестра нашей части! (*Подходит к Нагиме и целует её в щёку*.) Вот только закончится война, я увезу тебя в Россию. Нарожаете мне много детей.

Нагима (*смеётся*). Нарожаете, Садрый, нарожают.

Кадыр. Эй, я тебе говорю, старая карга. Хорошо моешь или нет? Кровью пахнет.

Нагима. Ждал ты всю жизнь, ещё немного потерпи! Наверно, недолго осталось ждать. Может быть, если есть тот свет, встретитесь в раю. Говорят ведь, у таких больных людей, как мы, грехов не бывает. И отец твой, наверно, был светлой души человек, иншалла. Дай бог в раю встретиться с ним живым и здоровым. Нам только на том свете будет спокойно и хорошо. Дай бог!

Айрат. Бабуль, состарилась ведь, почему работаешь? Детей, что ли, нет?

Нагима. И дом мой здесь, и дети мои здесь. Вся жизнь моя здесь прошла.

В палату входят с лекарствами медсестра Лейсан и Адам с дубинкой.

Лейсан. Нагима-эби, здравствуй! Исмай-бабай, как дела?

Исмай. Хорошо, апа, твоими молитвами.

Нагима. Здравствуй, доченька! Раз ты сегодня дежуришь, то и дом наш лучится. Дежурила бы ты всегда.

Лейсан. Спасибо, эби.

Адам. Боже упаси каждый день у вас появляться! Того и гляди, сам в дурака превратишься.

Лейсан. Нагима-эби, выйди пока, потом домоешь.

Нагима. Ладно, дочка, ладно. Времени у меня много.

Адам (*Кадыру*). А ты, палач, иди сюда!

Кадыр (*строевым шагом подходит к охраннику*). По вашему приказанию военный исполнитель Кадыр Нигматуллин прибыл. (*Широко раскрывает рот*.)

Лейсан кладёт ему в рот таблетки. Адам протягивает ему с подноса стакан с водой.

Кадыр запивает, открывает рот и показывает Адаму.

Адам. Вольно!

Кадыр. Можно удалиться? (*Сам себе разрешает*.) Направо! (*Поворачивается направо*.) Шагом марш! Раз-два, раз-два. (*Уходит*.)

Адам. Сталин, иди сюда!

Садрый (*таким же образом подходит к охраннику*). По вашему приказанию рядовой, сапёр Гильфанов Садрый прибыл. (*Выпивает таблетку*.) За Родину, за Сталина! (*Уходит*.)

Адам (*зовёт пальцем Исмая*). Эй, ты, мальчик, иди-ка сюда, конфетой угощу! (*Хохочет*.)

Исмай (*подходит к Лейсан*). Апа, когда ты меня домой отпустишь, дашь мне одну-две таблетки? Такие же вкусные, как те конфеты. А то мне отцу нечего подарить.

Лейсан. Дам, Исмай-бабай, дам. А вот эти выпей сейчас.

Исмай. Сберегу для отца, а, апа?

Лейсан. Нет, эти выпей сам. Когда отец вернётся, я ему намного вкуснее дам.

Исмай (*выпивает таблетки*). Апа, почему ты меня называешь бабаем? Я ведь ещё мальчик.

Адам (*хохочет*). Да, почему бабаем называешь?.. Как бы на тебе ещё не женился. Ха-ха-ха... (*Вдруг, став серьёзнее, кричит на Исмая.*) Исчезни с моих глаз! Иначе ногтем придавлю! Вошь, холера! Убить бы уколом!..

Лейсан. Вы поосторожнее выражайтесь. Они ведь больные.

Адам. Паразиты, дармоеды! (*Исмаю.*) Тебе сказал, исчезни. Сыт я вами. По ночам мне снится.

Исмай. Ухожу, абый. Я скоро навсегда от вас уйду. Будешь по мне, апа, скучать?

Лейсан. Да, да.

Адам (*выходя из себя*). Эх, была б моя воля, выстроил бы вас всех в коридоре и вколол бы вам яду. Вы у меня перед глазами как призраки.

Айрат. Поменьше спирту пей, на человека станешь похож.

Адам. Ах ты, какой умник! Ладно... Я тебя укрошу. Иди сюда, райская птица! (*Уни- зительно.*) Цып-цып-цып. Ти-ти-ти. Чё как идиот застыл? Иди сюда! (*Айрат молчит.*) Тебе говорят! А то ведь сам сейчас к тебе подойду. (*Поднимает дубинку.*)

Лейсан (*тянется к дубинке*). Не вздумай ударить. Сейчас же позову Риваля Якубовича. Сколько можно издеваться над больными? Ты опять выпил!

Адам. Кто выпил! Я? Вот! (*Дышит в лицо Лейсан.*) Есть запах?!

Лейсан. Нет, но ты ненормальный человек, глаза у тебя навькате.

Адам. С этими зрочки вылетят. Так вот, дорогая. Если ты лечишь таблетками и уко- лами, то мой укол – дубинка. Иди, чего не зовёшь Риваля Якубовича? Иди, иди! Боишься, да? Боишься... если захочу, завтра же тебя отсюда попрут. Здесь я главный! (*Айрату.*) Тебе говорю!

Айрат. Я лекарства пить не буду.

Исмай. Иди, абый, выпей. А то он изобьёт. Вкусные ведь таблетки.

Адам. Может, тебе спирт нужен?

Айрат. Я не больной.

Адам. Тебя никто не спрашивает. Ты не больной, но, вернее, настоящий дурак, чокну- тый.

Исмай (*умоляя*). Иди уж, абый, иди. Из-за тебя нам спать не дадут. В коридоре будут держать.

Кадыр. Уставу не подчиняешься... Разрешите, товарищ начальник.

Садрый. Знаю я таких, как ты. С поднятыми руками выходили из окопов, прикинув- шись ранеными, чтобы вернуться домой. В окоп не хочешь идти, сволочь, предатель... Задушу, продажная тварь. Задушу, за Сталина!

Лейсан. Иди, абый, дорогой, иди. Ты сам не знаешь о том, что ты болен. Небольные люди здесь не лежат. Мы ведь вам желаем добра.

Айрат. Позовите главврача!

Адам. Может, вам вызвать министра здравоохранения?!

Айрат. Я эти лекарства пить не буду.

Адам. Куда ты денешься, тварь?

Кадыр. Заставим, товарищ начальник.

Садрый. Трибунал тебе, гад! Полевой суд и пулю в лоб!

Исмай. Всё равно заставят выпить, абый, выпей!

Кадыр. Говорю ведь, враг народа. Чурается советского лекарства.

Айрат. Я объявляю голодовку.

Адам. Правильно делаешь, сейчас не только дуракам, но и умным есть нечего. Талон! «Гестапо», «За Сталина!». А ну-ка, заломите ему руки!

Те с двух сторон скручивают Айрата.

Кадыр. Последний час, последние минуты врага народа!

Садрый. Уничтожить предателя, уничтожить продажную душу!

Адам силой открывает ему рот, Лейсан кладёт туда таблетки. Айрат, всхлипывая, падает на подушку.

Исмай (*плача, встаёт возле него на колени*). Абый, абый, не плачь, пожалуйста, не плачь!..

Картина третья

Кабинет главного врача.

Риваль (*набирает номер телефона*). Алло, алло, аптечное управление? Кто это? Кто? Валентина Сергеевна... Я такой не знаю. Так и скажите, «Валюта». Алло, алло, Валентина Сергеевна, здравствуйте. Это я, ваш дядя «Доллар». Перейдём к делу. Я-то спровадил. Как договаривались, ампулу – по прежней цене. Есть ещё заказы. Пока! (*Стучат в дверь.*) Занято! (*Платком вытирает лицо и шею.*)

Приоткрыв дверь, в кабинет заглядывает **Зиля**.

Зиля. Риваль, может быть, уделите мне минутку...

Риваль. Пожалуйста вот сюда. (*Показывает на диван.*) Добро пожаловать, Зиля Саматовна! Наконец-то я вас вижу. И не звоните, и дома вас нет. Сами позвали в гости, а сами меня избегаете.

Зиля. Пожалуйста, извините, Риваль. Я съездила к маме в родные края. Это впервые с тех пор, как я соединилась с Айратом Харисовичем. Сами знаете, Айрат Харисович не молод. Неловко оставлять его одного. Он требует к себе большого внимания.

Риваль. Зиля Саматовна, я готов вам поверить, потому что вы самая красивая на свете, хотя в словах ваших правды нет.

Зиля. У вас не может быть никаких сомнений в моих словах... Я...

Риваль. Это так. Но однако один из моих людей охранял ваш подъезд полмесяца. Вас, вдвоём с ухажёром...

Зиля. Вы что, Риваль Якубович! О каком ухажёре вы говорите?

Риваль. О том, который у вас ночует!..

Зиля. Вы ошибаетесь, у меня никто не ночевал. Возможно, вы перепутали подъезды.

Риваль. Не знаю уж. До сих пор память у меня была в порядке. Не забывал то место, где хоть однажды побывал. Если в одном доме две семьдесят восьмых квартиры, пожалуйста, извините меня. Ладно тогда, Зиля, сестричка, что поделаться, того молодого, симпатичного друга придётся положить к нам в больницу.

Зиля. Ничего не понимаю...

Риваль. Получается, у этого товарища крыша поехала уже смолоду. Что ожидать от человека, если тот вечером «Волгу» ставит не у своего дома, не в государственном гараже, а под вашими окнами...

Зиля. А! Он... он... Личный шофёр Айрата Харисовича был... Вспомнила.

Риваль. Вот так-то. На пару, глядишь, и вспомнили. Нет... я вас не виню. У меня нет права. Вы молодая, красивая, цветущая. И невозможно прятать чувства и страсти, данные природой.

Зиля. Риваль, пожалуйста, пусть Айрат Харисович не знает об этом.

Риваль. От вас зависит, от вас. Если вы меня однажды пригласите на выпечку...

Зиля. Ладно... Если так, поговорим напрямую. Я ваше предложение принимаю. Только ставлю одно условие.

Риваль. Выслушаем.

Зиля. Я на один месяц уезжаю в Сочи на отдых. Со мной едет ещё один человек.

Риваль. И что?

Зиля. Я думаю, вы поняли, кто это.

Риваль. Продолжайте.

Зиля. Тому человеку на три недели сделайте больничный и тут же при мне скажите Айрату Харисовичу, что у меня около месяца не будет возможности появляться у него.

Риваль. Не дорого ли вы мне обходитесь? А где гарантия?

Зиля. Гарантия такая: если я не оправдаю ваши надежды, вы раскрываете перед Айратом Харисовичем карты. Козыри в ваших руках.

Риваль. Вы хоть и молодая, но искушённая.

Зиля. Школа Айрата Харисовича. Договоримся так, Риваль. Я возвращаюсь из Сочи и приглашаю вас на выпечку, расстелив постель.

Риваль. Хорошо. Я ваши просьбы выполню. Только предупреждаю. Вы меня хорошо знаете. Со мной шутить опасно.

Зиля. Риваль, ублажать вас несколько вечеров мне ничего не стоит. Я думаю, у вас нет сомнения в том, как я могу ублажить старого человека. От этого одно место не износится.

Риваль (*смеётся*). Классно сказано. Теперь, если вы не обидетесь, задам вам последний вопрос.

Зиля. Попробую выслушать, Риваль.

Риваль. Вот вы, ещё молодая женщина, но уже успели вкусить и страсть, и богатство. А теперь ближе к делу... Что такого вы нашли в этом простом парне? Во-первых, положение, во-вторых...

Зиля. Риваль, у вас ведь есть жена, а вы тянетесь к молодой. Я думаю, мне тоже нужен человек, который мог бы согреть и душу, и тело.

Риваль. Понятно. Я молчу. Сдаюсь. Вы лучше знаете, по сравнению с нами, как жить на этом свете. Не спорю, Зиля Саматовна, кажется, с тех пор, как Айрат Харисович здесь, вы с ним не встречались.

Зиля. Нет. Времени нет. Сплошные проблемы и заботы. Не знаю, как ему об этом сказать...

Риваль. Не волнуйтесь. В этом случае и я вам на помощь приду. Но за это мне...

Зиля. За это вам... Не знаю уж...

Риваль. Один поцелуй! (*Обнимает.*)

Зиля кладёт ему руки на плечи, они целуются. Слышится чувственный голос Зили.

Зиля. Вызови его. Вызови, дорогой! Вызови Айрата Харисовича...

Занавес.

Действие второе

Картина четвёртая

Риваль и **Зиля** целуются. Раздаётся стук в дверь. Они отрываются друг от друга. Зиля приводит в порядок волосы. В кабинет входят **Айрат**, обросший бородой, и **Адам** с дубинкой. Зиля обнимает мужа.

Риваль. Эй вы, немного погодите.

Адам. Мне выйти?

Риваль (*Адаму*). На послезавтра придут заказы. Зайдёшь ко мне через некоторое время. Вызову!

Адам уходит.

Риваль. Вот вы и встретились. Видите, Айрат Харисович, думая о вас, Зиля Саматовна превратилась в тростинку. Умоляя о встрече с вами, она мне все уши прожужжала. Вот и настал момент, встретились. Всему своё время. Я вас оставлю наедине, только ненадолго. На десять минут.

Айрат (*Ривалю*). Я хочу вам что-то сказать.

Риваль. Потом. Предупреждаю, Зиля Саматовна, всего десять минут! (*Уходит.*)

Зиля (*целует Айрата в щёку, гладит по голове*). Что с тобой сделали?

Айрат. Куда ты исчезла?

Зиля. Любимый мой, сам ведь слышал. Передачи не берут, свидания не разрешают. С ума ведь сойду. Целыми днями я здесь, на ступенях больницы. Простудилась уже!

Айрат. Да... Спасибо ему. В хорошее место ты меня устроила, прямо рай. Только пальм нет. А обезьян хватает. Спасибо этому стервятнику Якубовичу. Сколько лежу здесь, а его вижу впервые.

Зиля. Не говори так, умница мой. Если бы не он, сидел бы ты в другом месте, погорел ведь. Ладно ещё он помог.

Айрат. И в тюрьме разрешают свидания.

Зиля. Потерпи, потерпи, дорогой, скоро выйдешь.

Айрат. Что там говорят?

Зиля. Приходили домой, устроили обыск.

Айрат. Ничего не нашли?

Зиля. Нет.

Айрат. Шиш им! О чём спрашивают?

Зиля. Болел ли ты раньше.

Айрат. Тебе осталось сказать, дураком, мол, был, не прирезал бы вас, вернувшись.

Зиля. Я сказала, раза два ты сотворял нечто странное. Спрашивают, что.

Айрат. Что ты ответила?

Зиля. Я, я...

Айрат. Да, ты...

Зиля. Однажды утром остановила Айрата Харисовича, когда он собрался на работу, надев бюстгальтер, накрасив губы и взяв дамскую сумочку. В тот день на работу он пойти не смог. Обхватив голову руками, повалился на пол. Целый день так и лежал. Во второй раз, когда я вернулась с работы, вся стена была изрезана изображениями кукишей.

Айрат. Преувеличила ты. Почему именно кукишей? А если они этому придадут какой-то смысл?

Зиля. Что пришло в голову, то и сказала.

Айрат. Они к тебе ещё придут или к себе вызовут. Замучают. Придерживайся того, что ты им рассказала. Это такой народ... И говори всё обдуманно. Ничего, выйду отсюда живым-здоровым, я эти кукиши развешаю на их стенах. Никто не звонил?

Зиля. Нет.

Айрат. Ничего, если выйдут на мой след, я их сам подпалю. Не смогут сидеть спокойно в креслах. Вместе так вместе... Соскучился я по тебе, моя пташка. Иди ко мне, поцелую.

Зиля. Ты что, погляди на себя, – как ты говоришь, стал похож на обезьяну.

Айрат. Обезьяну, говоришь... Брезгуешь целоваться с дураком.

Зиля. Не брезгую. Я по тебе ужасно соскучилась. Только здесь не место. Вот выйдешь отсюда и тогда свободно, в тёплой постели...

Айрат. Не знаю, настанут ли эти дни.

Зиля. Настанут ли... Надо было ценить меня, будучи на свободе. Не раз в месяц обнимать и ласкать, а каждый день...

Айрат. Что поделать. Один раз живём на свете. Хочется насладиться всем. Пойми меня, Зиля! Мне не нужна жена, измученная рождением детей, с обвисшей грудью. Мне не так долго осталось. А тебе ещё жить и жить. И после моей смерти найдутся ласкающие тебя. Богатство, оно любого молодого парня к тебе притянет. Если ты меня нежишь в своей молодости, то оставшееся от меня богатство будет нежить тебя в старости. Жди меня! Выйду отсюда живым и здоровым, всё состояние перепишу на тебя. Я сам чувствую, что угасаю.

Зиля. Зачем мне твоё состояние? Почему ты всех меришь по своим меркам? Богатство, мол. Ты сам для меня богатство. Люблю я тебя! *(Обнимает Айрата и плачет.)*

Айрат *(утешая)*. Ладно тебе, успокойся, умница. Спасибо, спасибо тебе! Если бы тебя не было на этом свете, я бы давно руки на себя наложил.

Зиля *(вынимает платочек и вытирает слёзы)*. Как здесь?

Айрат. И не спрашивай. Заплачу. Это проклятый Богом дом. Здесь не люди, а звери.

Зиля. Терпи, дорогой мой.

Айрат. Куда деваться. Здесь даже верёвки не найти, чтобы повеситься. Повсюду глаза.

Зиля. Айрат, я хочу тебе что-то сказать. Не знаю, как ты это воспримешь... Твоё дело. Но...

Айрат. Если только что-то приятное. Если нет, сними ремешок с пояса и оставь мне.

Зиля. Годы идут, не хочется оставаться одинокой... Я – беременна. Остальное решать тебе.

Айрат. Ты – беременна?

Зиля. Мне нужен ребёнок! Я для тебя долго жила. Хватит. Надоело мне жить, сохраняя фигуру и грудь. Пора подумать о будущем.

Айрат. Ну я ведь тебя просил предохраняться. Я ведь тебя сам водил к гинекологу...

Зиля. Водил, но ты ведь не сидел рядом со мной и врачом.

Айрат. Значит...

Зиля. Я не поставила ту штуку, о которой ты просил. Я не пошла на это, потому что очень тебя люблю. Я знаю, ты любишь перелетать с цветка на цветок. Ты ведь свою жену, цветущую, с двумя детьми, на меня променял. Я основательно подумала. И всё взвесила. Ты используешь меня, пока я молода, а не нужна буду, бросишь и уйдёшь...

Айрат *(радостно)*. Ты – беременна?! Спасибо тебе, спасибо, умница моя! Ты правильно сделала...

Зиля. А я боялась сказать тебе об этом.

Айрат. Верно, Зиля, мы, мужчины, больше любим тех, кто на жизнь смотрит проще и больше уделяет нам внимания. Мой ребёнок – это моё продолжение! А если так, то как я на тебя могу сердиться? Всё, за что я боюсь, – это ты. Только ты! Да, да, я и смерти не боюсь, а вот тебя потерять... Мне казалось, что ты гуляла. Пожалуйста, береги себя и нашего будущего ребёнка! Что тебя на это подвигло? В самом деле, от любви ко мне? Правда, Зиля?!

Зиля. Хорошо бы, когда родится ребёнок, ты меня не бросил, как тех женщин.

Айрат. Не оскорбляй меня, Зиля. Зачем ты так надо мной насмехаешься... Потому что старый? Я ведь тебя, что называется, на руках ношу. Посмотри, как ты выглядишь. Я ведь тебя в золоте купаю. А он – наш будущий ребёнок – будет счастливым. Да, обязательно будет счастливым!..

Зиля. Не знаю, теперь его отец вряд ли будет генеральным директором. Не знаю, как ты собираешься сделать его счастливым.

Айрат. Думаешь, не найдётся другого тёплого местечка, если не буду директором?

Зиля. Не знаю, со справкой из этой больницы человека на завод и простым рабочим могут не взять. Вспомни. Ты многим таким отказал. Помнишь, когда я у тебя работала секре-

таршей, к тебе пришёл на приём один толстопузый, отлежавшийся здесь. Ты ведь ему тут же дал от ворот поворот. И посмеялся вдогонку: «Я сам такой же шулер, как и ты!»

Айрат. Времена были другие. Но сейчас он сидит на таком месте, где его не достать. Ничего, друзей хватает, вот только выйду...

Зиля. Друзья – они тогда друзья, пока сидишь наверху. А стоит скатиться... Вон, ни один не здоровается и не звонит никто.

Айрат. Я эту справку быстро потеряю.

Зиля. Ты ведь сейчас как в гостях в загробном мире, хорошо, что ли?

Айрат. Хватит! Хватит! Надоело! Слушать не хочу. Выброси эти дурацкие мысли из головы. Ты думай о нашем будущем – о ребёнке, который должен родиться. Он должен стать счастливым.

Зиля. Не знаю.

Айрат. Чего не знаешь? От кого родится, знаешь ведь? Раз так, то мой ребёнок имеет право быть счастливым. Таков закон жизни. Сын генерала становится генералом, а сын пастуха пастухом должен умереть. Только в таком случае жизнь пойдёт по тому пути, которого мы хотим. Вот так. Я даю тебе гарантию. У нашего ещё не родившегося ребёнка уже сейчас есть богатство, на которое он может прожить до глубокой старости. Только роди! Я о его жизни, его будущем позаботился заранее. От тебя требуется только одно – родить его.

Зиля. Не горячись, будущий отец. Разве ребёнок, который нужен тебе, не нужен мне? Постараюсь. Сделаю всё, что в моих силах. Только...

Айрат. Что только?..

Зиля. Анализы у меня плохие...

Айрат. Как плохие?..

Зиля. Говорят, кровь неважная.

Айрат. А я как могу тебе помочь?

Зиля. Советуют съездить к морю. Поесть фрукты, подышать свежим воздухом, покупаться в море...

Айрат. А я что должен сделать? Путёвку найти?

Зиля. Ты чего? Кто тебе её даст?

Айрат. Да уж, никто и не интересуется моим здоровьем.

Зиля. Мне пообещали путёвку.

Айрат. Так в чём тогда дело?

Зиля. Ты будешь лежать здесь, а я там одна буду отдыхать. За кого ты меня принимаешь?

Айрат. Ты обо мне не думай, главное, думай о нашем совместном счастье – о будущем ребёнке. Я не желаю оставлять кому попало своё состояние, добытое кровью и потом. Оно должно принадлежать ребёнку, который придёт в этот мир как наше с тобой продолжение. Деньги у тебя есть?

Зиля. Нет, кончились.

Айрат. Как кончились, так быстро? Я ведь тебе два куска оставил.

Зиля. Так вот. Пока тебя нет, я каждый день устраиваю банкеты с родными и друзьями. Я даже маму свою не видела с тех пор, как живу с тобой!..

Айрат. Ладно, ладно. Я виноват! Во всём я виноват. Да, понятно. Я, разменявший шестой десяток, женившийся на молодой, которая мне в дочери годится, конечно, виноват. Поэтому твоя мама и стыдится. Пусть приезжает в гости, живёт у нас. Сколько раз приглашал, сколько можно упрашивать. Сама ведь, сама не едет, упрямая. Сама знаешь, я помогаю, каждый месяц посылаю ей.

Зиля (*плачет*). Я не говорю тебе, что не помогаешь. Деньги начал считать. Не люблю, когда мужчины суют нос в женские дела. Порой в тряпку превращаетесь. Я за тебя замуж вышла, потому что ты деловой. Не скрою, я с каждым днём люблю тебя всё сильнее.

Айрат (*вытирает ей слёзы*). Ладно, хватит, всё уладим.

Зиля. Даже с подругами не могу встретиться. Повстречаются на улице, делаю вид, что не заметила. Дескать, я дура, вышла замуж за старика.

Айрат. Выйдут и пусть попробуют пожить, как ты, поймут. Они ведь и живут с мужьями так «долго», потому что вышли бы за таких, как мы, да в городе генеральных мало. По пальцам перечесть. Да и тех уже перехватили умницы, умеющие жить.

Зиля. И что мне теперь делать?

Айрат. Придётся снять в кассе.

Зиля. А как? Кто мне выдаст деньги с твоей книжки?

Айрат. Старее, видать, забыл. Откуда у меня деньги на книжке?

Зиля. Не лги! Не идёт тебе! Глаза выдают! Что, перевёл на имя первой жены или детей?

Айрат. Ты что выдумываешь, Зиля?! Я их не видел и не знаю.

Зиля. У тебя и права нет видеть. Тебя с ними закон развёл. Не я, а сам решил написать заявление... (*Указывая на живот*.) Вот твой ребёнок, вот где твоё будущее! Вот здесь. А в том, что он придёт в этот мир, я играю главную роль. Если ты думаешь о нашем будущем, о старости, то не хитри!

Айрат. Ладно, Зиля, правду скажу. Одно только я сделал в своей жизни, утаив от тебя. Я те деньги перевёл на имя одного пьяницы. Не бойся, выйду отсюда, успокоится всё, и я их переведу на твоё имя.

Зиля. А почему сразу на моё имя не перевёл?

Айрат. Ты в своём уме? Мир перевернулся. Откуда тебе свалились такие деньги? Если ОБХСС начнёт проверять, твои деньги – мои деньги, мои деньги – твои деньги! А того пьяницу не проверят... Он об этом даже сам не знает. Если бы знал, с этой минуты не было бы человека счастливее его.

Зиля. Кто он, и сколько денег положено на его имя?

Айрат. А вот этого ты знать не будешь до тех пор, пока я не выйду отсюда. Зачем тебе? Ты сыта? Одета? Продолжай жить спокойно. Смотрю, смотрю я на тебя, ты...

Зиля. Я поняла, что я для тебя ниже достоинством, чем тот пьяница. Спасибо.

Айрат. Ты, Зиля, не долдонь своё. Так надо.

Зиля. Значит, мне в санаторий не ехать?

Айрат. Поезжай, конечно, поезжай! Перед тем как лечь сюда, я тебе сколько раз объяснял: продай свои «жигули»! Что, ждёшь, когда появятся те и заберут? Продай машину и поезжай! Выйду отсюда, куплю тебе новую.

В дверь стучат. В комнату входит **Риваль**.

Риваль. Ладно, друзья, свидание окончено. Вам, Зиля Саматовна, можно идти.

Зиля (*плачет, целует мужа*). Береги себя. О нас не беспокойся, Айрат, мы только для тебя живём.

Айрат. Возвращайся живой и здоровой. Береги себя, слышишь! Плохих вестей мне не привози!

Зиля уходит.

Риваль. Говорит, мы для тебя живём? (*Громко смеётся*.) Да, молодец ты, Айрат Харисович!

Айрат. Ну и что... Интересно показалось?

Риваль. Да нет, раз такая молодая жена льнёт к тебе, значит, не поизносился.

Айрат. Риваль, ты меня должен выпустить на этой неделе!

Риваль. Что ты говоришь? На этой неделе? Ты что, все таблетки, которые тебе даёт медсестра, глотаешь? Эти лекарства для тебя анти. Меняться стал?

Айрат. Риваль, я хоть и лежу здесь, не дурак, в своём уме. Я боюсь этой ветреной девушки. Боюсь, не оставит ли она меня с носом. Ведь ей не я нужен, а моё богатство.

Риваль. Да, друг ты мой любезный, жизнь тебя напугала. Если ты такой малышки боишься, то дальше тебе тяжело будет жить.

Айрат. Правда, боюсь я! Все мы боимся жить. Скажи, ты часто видишь сны?

Риваль. И что? Естественно...

Айрат. Наручники во сне не гремят?

Риваль вытаскивает из кармана платок, вытирает шею, лицо.

Почему в пот бросило? Гремят, наверно... Вот поэтому войди в моё положение. Скорее выпусти меня. Терпение моё на исходе.

Риваль. Тебе надо было попасть туда не во сне, а наяву – слушал бы, как они гремят.

Айрат. Нет разницы. Там хотя бы правят те, кто в уме, а здесь придурки. Так что разница большая.

Риваль. Говори с оглядкой. Не забывай, где сидишь. Пусть не слышат длинные уши.

Айрат. Это ведь смех, позор! Если бы над тобой издевались те, кто твоего ногтя не стоят, придурки. Якобы враг народа.

Риваль. Ничего, что у дурака на языке, то у умного на уме. Радуйся этому.

Айрат. Кто бы из этих дураков надо мной смеялся. Над Айратом Харисовичем, который руководил крупным заводом, где работало несколько тысяч людей... Это ведь смех, позор!

Риваль. Если бы ты попался к «тем», со страху, то они бы тебя давно в зоне «опустили». А сейчас ты мне угрожаешь Сибирью. Ладно ещё ты благодаря мне со своими денежками нашёл себе убежище. А мне что делать? Я не собираюсь стать дураком. Мне никто не поверит.

Айрат. Мне, может быть, надо было разобраться в своей вине. Отсидел бы и избавился.

Риваль. Если б целым вышел... Кажется, нет желающих и здесь тебя оставить в покое.

Айрат. Кто?

Риваль. С кем дело имел? Планы их не сбудутся. Собираются прирезать. Тебе надо подумать.

Айрат. Риваль. Вся надежда на тебя! Спаси! Добавлю! Сколько пожелаешь, столько и добавлю!

Риваль. Ты знаешь цену нынешним деньгам, дорогой. Деньги сегодня – это бумага! Ты думаешь, раз дал три пачки, а мне из них много досталось?..

Айрат. Добавлю, сколько хочешь, выпусти только.

Риваль. Те три я ещё в руках не держал. Что такое деньги... Дело не в деньгах! Не сомневаюсь, добавишь. Только...

Айрат. Проси, что надо?

Риваль. Вместо денег, я думаю, придётся тебе подарить мне на одну неделю свою малышку.

Айрат. Ты что, в своём уме? О чём ты говоришь? Сейчас же в этой комнате я тебя придушу, для дураков законов нет!

Риваль. Давай, иди, Айрат Харисович. Один только маленький укол, и ты на всю жизнь останешься здесь.

Айрат. Я не думал, что ты такой. Оказывается, ты страшный человек!

Риваль. Мы оба страшные люди. В этом мире, особенно в наше время, могут выжить только такие, как мы. А те (*указывает в пол*), двуногие, они не живут, они существуют по нашему повелению.

Айрат. Не смей её касаться!

Риваль. Она тоже – двуногое существо в движении. Как называется рабыня, купленная на деньги? А, наложница! Вот, Айрат Харисович, рабыни, наложницы издавна продавались.

Айрат. Эта наложница – моя жена. Понимаешь, жена, она беременна.

Риваль. Вот, оказывается, почему ты хочешь отсюда выйти! Говоришь, жена в положении, а? А ты всё-таки подумай, подумай, Айрат Харисович. Мои пороги ведь почти каждый день обивают товарищи в погонах. Допустим, я тебя выпущу. Ты ведь дома ни одной ночи не проведёшь. Тебя усадят в «воронок» и до дому не довезут, а напрямую – туда. Или – твои друзья... Остальное тебе известно. Думай, думай, Айрат-эфенди!

Айрат. Пожалуйста, не касайся её. У нас ребёнок должен родиться. Чёрт с тобой, родится он, подумаем. Как это вынести, как?

Риваль. Молча.

Айрат. Я боюсь глаз того, так называемого «палача». Кажется, по ночам он подходит ко мне и пытается задушить. Просыпаюсь весь в поту от ужаса.

Риваль. И задушит! Я этому верю. Он бывший, сталинских времён исполнитель НКВД, то есть был палачом, отправившим на тот свет много людей. А на сегодня он достойный человек, имеющий три советских ордена. Ты для него ноль. Ладно, не кисни. Я предупрежу тех, кто отвечает здесь за дисциплину. Они тебя будут охранять.

Айрат. Пожалуйста, Риваль.

Риваль (*по селектору*). Дежурный, зайдите!

В комнату входит Адам с дубинкой.

Проводите больного и потом зайдите ко мне!

Адам. Хорошо. (*Уходит.*)

Риваль (*ходит по комнате*). Ничего, часть спрятанных тобою блёсток должна достаться мне. От малышки твоей тоже. Ребёнка на старости лет ждёт. Не понимает, что доведёт себя до седины, возясь с сыном или дочерью личного шофёра. Ради тебя живём, говорит, или поспим вместе, говорит?! (*Хохочет.*)

Входит Адам с дубинкой.

Адам. Я проводил его, Риваль Якубович.

Риваль (*со смехом стирает с глаз слёзы*). Хорошо получилось. Как он там себя чувствует?

Адам. Как сказать, палач и Сталин дают ему прикурить.

Риваль. Чувствуешь, Сталина пытаются опозорить. А он по сегодняшний день воспитывает людей без устали. (*Опять хохочет.*) Ты против него там палача покруче настраивай. Так надо, хочется проверить его нервы. Надо таких доводить до изнеможения. А потом он начнёт говорить всё, что от него требуется. Закон жизни! Ха-ха-ха... (*Успокоившись, серьёзно.*) Там тебе ещё один товар привезли. Забери его, только осторожно. И потом вот что, в последнее время я тебя вижу не совсем в форме. Ты меня знаешь, прекращай эти дела. Я для тебя приготовил двухкомнатную квартиру, готовься к переезду.

Адам. Спасибо, Риваль Якубович, спасибо. А какие у вас новости? Как идёт ваша научная работа?

Риваль. Обезьян не дают, чтобы ставить и проводить опыты.

Адам. Зачем вам обезьяны? Они ведь в ваших руках, полная больница.

Риваль (*улыбаясь*). Ты так считаешь? Пожалуй, одного из них пустим в дело. (*Звонит телефон, берёт трубку. Адаму.*) Иди работай!

Адам уходит.

Да, да, это я, Риваль. Кто? Кто звонит, говорите?! Не слышу. Перезвоните. (*Кладёт трубку и ходит по кабинету. Его взгляд останавливается на портрете Бехтерева.*) Хороший ты человек, старик. Верный путь нам указал. Спасибо, живи спокойно, Риваль! Катайся как сыр в масле. Всё, что нужно, плывёт прямо в руки. Если даже ни одного из тысячи дураков

не можем вылечить, всё равно выход найдём. Запустим умных и их надоумим. (*Звонит телефон.*) Да, да, я, Риваль. Кто, Иосиф Исакович? Исчезли вы, исчезли, Иосиф Исакович. Да уж, понятно, мелкие мы люди. Зависимые от кого-то. Да нет, шучу, понимаю, понимаю, что вы человек деловой. Здоровье? Здоровье классное. Как вы сами? Не болеете? Ладно, не поддавайтесь! Слушаю вас, Иосиф Исакович. Какая справка? Что ребёнок состоит на учёте? Чей? Вашего сына? А, понятно. Нужна справка о том, что ребёнок вашего сына состоит у нас на учёте, чтобы сын мог получить квартиру, не так ли? Ну уж, Иосиф Исакович, ваше дело приказать, а моё – выполнить приказ. Давайте сделаем так, я сейчас на машине отправлю одного моего человека к вам. Вы ему дадите все данные. Не надо, не беспокойтесь. К вечеру будет готово, доставлено домой. Двадцать три года уже. Я, Иосиф Исакович, отсюда и на пенсию уйду. Из этого кабинета, из этого кресла. Что поделать – наши татарские парни пели примерно так. А у вас в народе:

Далека луна от нас, далека,
Забирается туда пастух.
Мы бы тоже на луну взобрались,
Был бы только лишь толкач!¹ —

так поют. Надеемся, в вас сила, Иосиф Исакович! Пока. Желаю здоровья!

Картина пятая

Палата. **Кадыр** и **Садрый** хватают друг друга за грудки. Вокруг них мечется со слезами **Исмай**.

Кадыр. Ты, падла (*прячась за спину Сталина*), дал скрыться врагу народа. Я тебя убью.

Садрый. Кто падла? Я, что ли? Я – сталинский солдат. Я сражался за тебя и за твоих детей. Для меня нет врагов народа. Он – татарин, не немец. Если так, он – наш, сталинский солдат.

Кадыр. Нет, он – враг!

Садрый. Нет, он не враг. Врагом может быть только немец. Татары, русские, марийцы – они наши!

Кадыр. Ага, вы сотрудничаете. Ты им продался?! Ты тоже – враг страны, продажная тварь!

Садрый. Покажу я тебе продажную тварь! Я – рядовой, сапёр Гильфанов Садрый – никогда не предавал Родину. Я старый солдат, давший клятву самому Сталину. Сам ты продажная тварь! Дезертировал с фронта и лежишь здесь.

Кадыр. И ты здесь лежишь.

Садрый. Я раненый. Я сегодня ночью трёх немецких «тигров» подбил. Там меня и ранили. (*Распахивает рубаику и показывает рану на груди.*) Вот моя рана! А где твоя?

Кадыр (*встаёт на тумбочку и стягивает с себя полосатые больничные штаны. Остаётся в трусах и показывает себя сзади и спереди*). Вот мои раны! Видел? Я дурак, что ли, воевать? Видел? Вот так-то...

В этот момент **Адам** вводит в комнату **Айрата**.

Адам. Надень, быстро! Сейчас вколю тебе сульфазин.

Кадыр (*вперев в Айрата налитые кровью глаза, неохотно натягивает штаны*). Есть, оказывается, Аллах. Если бы я дал тебе возможность спрятаться, завтра меня бы расстреляли.

¹ Подстрочный перевод

Адам. В лесу поймал. По рации вёл переговоры.

Кадыр. Да что ты говоришь? По рации?.. Говорил ведь я, что он агент. *(Адаму.)* Вы его допросили? Если да, вы свободны, предоставьте его мне. Я его сейчас...

Адам. Начальник, ты с ним поаккуратней. Он нам ещё нужен.

Кадыр. Хорошо.

Адам уходит. Кадыр пальцем подзывает к себе Айрата.

Пойди-ка сюда.

Айрат медленно садится на кровать.

Садрый. Кому говорят, быстро!

Кадыр. Ждёт, пока на задницу его посадят.

Исмай. Не ходи, абый, беги! Они избьют тебя...

Садрый. Ах ты, Исмай, тоже продался, так?

Исмай. Нет, абый, я не люблю военные игры, я вообще войны боюсь.

Кадыр *(подходит к Айрату, Садрию указывает на дверь).* На место!

Садрый. Есть. *(Идёт к двери и становится по стойке смирно.)*

Айрат *(медленно встаёт).* Ты, товарищ, знаешь, с кем разговариваешь?

Кадыр. Что?

Айрат. Ты соображаешь, кто перед тобой стоит?

Кадыр. Враг народа!

Садрый. Немец!

Айрат. Я полковник НКВД Айрат Харисович Галин. Смирно!

Кадыр встаёт смирно. Через некоторое время Айрат давится от смеха.

Смирно!

Кадыр. Да, тебя в разведуправлении здорово научили врать, подонок. Убью! *(Хватает Айрата за шею.)*

Исмай. Дяди, дяди, не деритесь! *(Плачет.)*

Входят **Нагима** и **Адам** с дубинкой.

Дядя, чего ты смотришь, убивают ведь!

Адам *(стоит у дверей улыбаясь, руки в боки).* Ничего, ничего не будет. Дурак – он дурак, живучий народ!

Нагима. Бессовестный ты! Не приведи тебе бог нашей болезни, нашей судьбы! *(Шваброй ударяет Кадыра.)* Иди отсюда, говорю тебе.

Что ты делаешь, гад! Он ведь тоже такой же, как ты, человек!

Кадыр отступает к кровати.

Кадыр *(смотрит на свои руки, которые готовы были задушить в исступлении).* Кровь мне нужна, кровь людская! Я без этого жить не могу. Слышите, кровь нужна! *(Всхлипывает.)* Подайте мне одного человека! Я душу его успокою! Подайте! Приведите! *(Трясёт свою кровать с плачем, потом, устав, припадает к подушке.)*

Адам. Человек... Ты ошибаешься, бабушка. *(Показывая на Кадыра.)* Вот один из ваших людей, который живёт, пользуясь нынешними льготами! Да, он человек, ему хорошие лекарства, ему хорошие условия, хорошая еда, всё вне очереди! А вы, вы-то что за люди будете? Говорят, вас не впускают в сословие людей. Вы счастливы: вам хорошо, спокойно жить. А вот нам, нам тяжело жить. Эх, тяжело нам жить, вам – хорошо. Вам ни о чём не приходится думать. А вот нам Бог дал разум, как ты говоришь... Как жить с утра до вечера, кто тебя унизит... Где раздобыть еду, как одеться?

Нагима. Не сравнивай всех людей с ним.

Адам. Здесь – он один, а на самом деле их тысячи. Что, миллионы людей один Кадыр душил? Они среди нас, с нами живут, дышат одним с нами воздухом. Без очереди получают еду, одежду. А ты себя за человека считаешь...

Нагима. Нам самим надо оставаться людьми!

Адам. Невозможно. Мир похож на дурдом. Нас обманывают, обводят вокруг пальца, а мы только повинемся.

Нагима. Аллах есть, Аллах всё видит.

Адам. Да, Аллах есть. Если раньше нам говорили, что мы будем жить в раю, то сейчас говорят, что наши дети будут жить там. Обманывали тогда, обманывают и сейчас. И слова-то нашли какие: ради будущего поколения... А когда мы для себя будем жить? Человек приходит в мир лишь однажды... И у него есть право пожить для себя. А те и сами в раю живут, и их дети, и их отпрыски тоже будут жить в раю.

Нагима. От судьбы не убежишь. Кривое дерево растёт в сук.

Адам. Глупая ты, бабуля. Я работаю здесь около двадцати лет. Не помню, чтобы здесь лежал кто-нибудь из детей больших начальников. От них придурки не рождаются, а если и рождаются, то быстро умирают. Вот так-то. Всё во мне застыло, бабуля. Всё собирается вот здесь, в сердце. И это невозможно пробить. Работаешь, работаешь и не можешь достичь желаемого. А кто-то не работает, но живёт лучше тебя, ещё командует тобой. С куриными-то мозгами! И тобой командует. И топчет в тебе всё человеческое. Смеются над нами – и мы должны кому-нибудь отомстить. *(Уходит.)*

Нагима. Мне от жизни многого не надо. Лишь бы уголок, где можно, расстелив намазлык, помолиться. Всю жизнь проработав, не добиться даже этого... Даже слепой крот может себе гнездо сделать. А у меня и этого нет. И савана для похорон тоже... В чём предстать перед Аллахом?

Айрат. Не переживай, бабуля, когда умрёшь, найдётся и саван, и те, кто тебя похоронят. Ещё никто не остался не погребённым.

Нагима *(подходит к Кадыру и гладит его по голове).* Что ты делаешь, Кадыр? Зачем ты к нему пристаёшь? Он ведь тоже, как ты и я, невольник судьбы.

Кадыр. Что поделать? Я бы и не трогал. Они ведь, они приказывают.

На заднем плане медленно возникают портреты Сталина, Берии, Жданова, ещё какие-то портреты, но их не распознать, они словно в тумане.

Вон, вон, видите, грозят пальцем. Вы ещё не знаете, это не только те, кто здесь, – их много. Я боюсь. Эби, я боюсь. Через мои руки прошли сотни судеб. Они, да, они мне приказывали. Я остался виноватым. Видите, вон, вон, бегут, прикрыв лица чёрным! Вы не можете их узнать. Они убегают. А вот души тех, кто прошёл через мои руки, меня со всех сторон сжимают, давят, пугают... Вот опять идут. Эби, эби, милая, спаси меня! *(Прижимается к Нагиме.)* Они идут убивать меня. Вон входят в окна, в двери. Спасите! Спасите! *(Запрыгивает на подоконник, хватается за решётки. Глядя на зрителей.)* Я не виноват, не виноват я! Я всего лишь исполнитель. Спасите, спасите, мне хочется жить.

Айрат *(кричит Садрыю.)* По какому поводу ты застыл? Позови палача с дубинкой. Пусть тебя свяжут!

Нагима. Не надо, Садрый, не зови! Он сейчас успокоится.

Исмай. Эби, позовём того человека. Когда он укутывает во влажные простыни, Кадыр-абый успокаивается. Неделями лежал на кровати. Позовём. И нам будет спокойнее.

Нагима. Не надо, Исмагил! Похоже, та влажная простыня унесёт его на тот свет. Спустишь, Кадыр. *(Берёт его за руки, и тот спускается.)* Отдохни, отдохни. Поживёшь ещё, поживёшь.

Исмай. Все мы ещё поживём.

Садрый. А я никогда не умру! Я живучий! Поэтому я врагов не боюсь. Выживаю, и опять на фронт. Я не успокоюсь до тех пор, пока Гитлера не сдам Сталину. А уж что ему делать с Гитлером, Сталин сам знает. А потом, Нагима-апа, я увезу тебя в Россию как жену.

Нагима. Ладно, Садрый, ладно, так и сделаешь.

Исмай. А я у вас буду кучером.

Садрый. Будешь. Запряжём трёх рыжих коней, договорились? Исмагил, здорово ведь будет, да?

Айрат. Замечательный будет экипаж. Пожалуйста, запрягайте их и мчитесь скорей.

Исмай. А ты будешь гармонистом. Сядешь рядом со мной и будешь играть на гармонии.

Айрат. Нет уж, на гармони играйте сами. Я ещё слишком молод, чтобы играть на гармонии рядом с вами, едучи на конях. Вон, возьмите Кадыра.

Садрый. В наших краях девушку так увозят, здорово ведь, Нагима-эби? Как здорово!

Нагима. Да, конечно...

Садрый. А ты к моему возвращению с войны сошьёшь свадебное платье, хорошо?

Нагима. Платье у меня готово. Только не довелось его надеть. Пожелтело оно в сундуке, ожидая дня свадьбы. Любила я его, эх, любила. И до сих пор люблю. И до сих пор тоскую. Произошло невесть что. Меня не только в сердце ранило, навеки сделало несчастной то утро, когда мы расстались, и та ночь с затмением луны. И некому мне поведать тайну своей души. Вот только вы и есть, если выслушаете. Кроме вас, нет у меня никого. В восемнадцать лет я осталась сиротой, и Аллах не дал мне возможности испытать мужской ласки. А я ждала. Считала минуты, часы... Годами ждала. Ждала. И до сих пор жду. Знаю, что его больше не увижу. А всё равно жду. Он сейчас, если жив, наверно, дед, внуки есть. И, наверно, счастлив, и меня забыл. А я всё равно его жду. В тот вечер, когда мы с ним поклялись быть вместе, когда было сшито свадебное платье, в тот вечер у вяза, где мы встречались, со мной случился первый приступ. С той минуты вся моя юность, вся моя жизнь разбилась вдребезги. С того дня он решил ко мне не приходить. Мы друг друга так любили, так любили. А тропинки наши разошлись. Нас разлучила безжалостная судьба, а я всё равно его жду. Каждый день беру в руки свадебное платье и возвращаюсь в молодость. Тоскую по тем дорогам, по которым мы с ним вместе ходили. Судьба меня прокляла, дорогие, эх, прокляла. Никого не обижала, никому зла не причиняла, работала на заводе, жила в общежитии. А когда приступы участились и я получила группу по инвалидности, вещи мои были сданы в камеру хранения. Это когда я отсюда вышла в последний раз. Взяла я свадебное платье и ещё кое-что из одежды и вернулась сюда. Спасибо Ривалю Якубовичу, не оставил на улице. А говорят, доброты и совести не осталось. Есть, есть такие люди, как Риваль Якубович! Справедливость есть и никогда не исчезнет. Как Бог создал человека, так Он создал и справедливость. Только не надо всё это разъединять. Честь и совесть должны жить вместе с тобой!..

Гаснет свет.

Картина шестая

Та же палата. Утро. Больные спят. В палату входят **Риваль**, **Адам** с дубинкой и **Лейсан** с папкой в руках и ручкой.

Адам. Больные, подъём! Сейчас с вами будет говорить Риваль Якубович.

Риваль. Вы, Лейсан, папку отдайте ему (*указывает на Адама*), а сами идите работайте. У вас и так много дел.

Лейсан. Я успею.

Адам. Вам сказали, делайте! (*Вырывает папку.*)

Лейсан уходит.

Риваль (*присаживается к Кадыру*). Как самочувствие?.. Поправляешься?

Кадыр. Я поправился, у меня нигде не болит.

Риваль (*Адаму*). Неделю назад у этого горемыки умерла жена. Дети не хотят забирать его. Надо будет, оформив документы, отправить его на тот свет, к ему подобным.

Адам. Давно пора.

Риваль (*подходит к Садрыю*). Ну, герой, как дела?

Садрый (*вскакивает и встаёт по стойке смирно*). Так точно, товарищ военврач! Жив-здоров! Рядовой, сапёр Гильфанов Садрый всегда готов сражаться за Родину, за Сталина.

Риваль. Садись, несчастный! Кому надо, чтобы ты воевал? Что вы там навоевали? (*Адаму.*) На следующей неделе отправьте его домой помыться, а то от него пахнет тухлыми яйцами.

Адам. Ладно, если кто-нибудь заберёт... Нам не нужен, и своей семье, пожалуй, тоже не нужен...

Риваль (*подзывает к себе Исмая*). Иди-ка сюда, парень! С тобой что делать, а?

Исмай. Вот отец придёт, и я с ним уйду, абый.

Риваль. Вчера отец твой приходил и позвал тебя к себе.

Исмай (*вскакивает*). Приходил, абый, отец приходил? Я ведь говорил вам, что отец придёт! Я сегодня ночью видел его во сне. Он увёз меня на рыжем коне. Я сейчас, врач абый, только возьму у Лейсан-апа одну-две таблетки в подарок отцу и вместе с вами к нему.

Риваль. Сядь на место, вечером тебя заберёт вот этот абый.

Исмай. Вечером? Ладно, абый, я буду ждать. Ура, вечером меня проводят к отцу...

Риваль (*Адаму.*) Вот на этом человеке остановимся. Поняли, о чём речь? Когда врачи уйдут, ты заведёшь его в ту комнату. Может быть, твоему Риваль-абый улыбнётся счастье.

Адам. Дай бог!

Риваль (*присаживается к Айрату*). Ну, как ваши дела?

Айрат. Хорошо.

Риваль. Аппетит?

Айрат. Хорошо.

Риваль (*Адаму*). Пиши! Завтра утром приведёте его ко мне на приём. Скоро мы вас отсюда выпишем. Всё нормализуется, только надо кое у кого взять подпись под последнее заключение. Подпись стоит дорого.

Айрат. Риваль, у меня...

Риваль. Вопросы не задавайте, не место.

Айрат. Спасибо.

Риваль (*гневно*). Своим «спасибо» ублажай жену. (*Адаму.*) Ладно, я ушёл. Проветри комнату! (*Уходит.*)

Адам. Сейчас приберите постели, откройте форточки, сами выйдите в коридор.

Исмай (*радостно*). Дяди, дорогие, мой отец приехал. Я насовсем уйду. Будьте здоровы! Когда выйду отсюда, скажу вашим матерям, они вас тоже заберут.

Айрат. Иди сюда, Исмагил-абзый. Садись рядом! (*Кладёт руку ему на плечо.*) Прощай, Исмагил-абзый, будь счастлив. Если обижал, прости.

Исмай. На что мне обижаться? Ты ведь хороший человек. Ты мне понравился. Я ведь твой друг.

Айрат. Может быть, твой уход отсюда и к лучшему. Эх, Исмагил, Исмай, не вздумай сказать моему отцу, чтобы он пришёл и забрал меня отсюда. Мне ещё рановато отходить к нему. Хочется пожить, Исмагил-абзый.

Исмай. Смотрите-ка, называет меня дядей, хотя вроде бы друзья. Какой же я тебе дядя? Не отец ли?

Айрат. Да нет же, нет, ты мальчонка, мальчонка!

Исмай. Заржавевшая жесь! (*Смётся с надрывом.*)

Айрат (*задумчиво*). Я, может, тоже заржавел? А надо бы ещё пожить, и ещё как...

Кадыр. Прощай, Исмай. Тем, кого увидишь там, ничего обо мне не говори. Боюсь я их. Поэтому и ношу эти полосатые одежды. Сколько ещё предстоит их носить...

Айрат (*глядя на Кадыра*). Да, крепкий орешек.

Кадыр. А как ты думал...

Садрый. А у меня там есть друзья. Скажи им, что скоро рядовой, сапёр Гильфанов Садрый встанет в их ряды. И скажи, что захвачу с собой много-много махорки.

Исмай. Ладно, дяди, всё, о чём вы попросили, я сообщу.

Гаснет свет.

Картина седьмая

Кабинет Риваля Якубовича. Входят **Риваль** и **Зиля**.

Риваль. Да, Зиля Саматовна. Вы похорошели так, что слов нет. Море и сочинский загар вам к лицу.

Зиля. Месяц пролетел как одно мгновение.

Риваль. Видно, ваш юный друг хорошо за вами ухаживал.

Зиля. Юный друг – это юный друг, конечно, Риваль! Без внимания не оставлял. Жила как в раю.

Риваль. Вот скоро выпишем Айрата Харисовича. Я его дело быстренько прикрыл. Ну, Зиля, дорогуша, что делать будем?

Зиля. Вызовем его сюда.

Риваль. Не спешите. Кажется, у нас с вами есть кое-какая предварительная договорённость.

Зиля. О чём, я не помню.

Риваль. Вы меня хорошо знаете. Я вам мигом напомню.

Зиля. Я слушаю, попытайтесь.

Риваль. Не шутите, Зиля Саматовна! Вам это не идёт.

Зиля. Ничего не понимаю.

Риваль. Выпечка...

Зиля. У меня муки нет. И сама я питаюсь только в ресторане.

Риваль. Ах так? Ладно, тогда обижайтесь только на себя! Ресторанная еда тоже может встать поперёк горла.

Зиля. Мы, следуя медицинским советам, приучены тщательно пережёвывать пищу, щадя своё здоровье и свой желудок.

Риваль. А что вы скажете, если я раскрою карты Айрату Харисовичу?

Зиля. Скажу спасибо. Я ради этого и пришла. Вызовите его!

Риваль. Подумайте, как бы конец не был печальным.

Зиля. Всё обдумано, Риваль!

Риваль. Хорошо. Хочешь сказать, в дураках оставила, обманула, не так ли? Не спеши, подумай хорошенько! Нас ведь много. В эту же минуту может не стать и тебя.

Зиля. Думаю, что это не получится.

Риваль. Зиля, умница моя, и сам Айрат Харисович не против того, чтобы мы один вечер провели вместе. Вы ничего не потеряете из-за одного вечера. Сдержите своё слово!

Зиля. Нет! Сказала, нет! Слишком старый вы для меня!

Риваль. Поговори ещё, негодяйка!

Зиля. Вы, вонючая поганка, выбирайте выражения!

Риваль. Стерва! Я покажу тебе! (*Нажимает кнопку селектора и кричит.*) Эй, дежурный! Приведи ко мне придурка по фамилии Галин! (*Зиля.*) Тебе крышка, сладкая пташка! Я тебе не дурак Айрат, меня зовут Риваль. Я тебе покажу!

Зиля. Попробуйте!

В комнату входят **Адам** и **Айрат**.

Риваль (*Адаму*). В комнату никого не впускай, сам стой возле двери.

Адам. Хорошо! (*Выходит.*)

Айрат. Зиля! Зиля, дорогая моя, вернулась? (*Подходит к Зиле.*)

Зиля. Не подходи ко мне!!!

Айрат. Что с тобой?

Риваль. Что, что? Перегрелась в Сочи, мозги пересохли!

Зиля. За какую цену ты меня продал?

Айрат. Ты что, Зиля? О чём говоришь? Зачем я тебя продавать буду? Кто сказал?

Зиля. Твой самый близкий друг. Вон, стоит смотрит.

Айрат. Ах ты, паразит, мало того, что ты здесь играешь роль Смерти, ты ещё хочешь мою жизнь разбить?!

Риваль. Разбивать нечего, она уже давно у вас разбита. Дурак!

Айрат. Мало тебе дураков для проведения своих опытов? Теперь я нужен? Убью!
(*Направляется к Ривалю.*)

Риваль нажимает на кнопку. Входит **Адам**.

Риваль. Возьми этого больного и вмажь его вон в тот угол. Совсем крыша поехала.
(*Берёт Айрата за подбородок.*) Хочешь, я на глазах у тебя поставлю опыт на твоей жене? Своим личным уколом!

Адам. Можно уйти?

Риваль. Нет! Стой на месте! Здесь – банда! Риваля, который дал клятву Гиппократа, собираются купить!..

Зиля. Сейчас я раскрою, какой вы на самом деле. Если вы не хотите, чтобы другие узнали об этом, выпустите этого человека!

Риваль. У меня от него секретов нет!

Айрат. Зиля, ты что? Зачем мне тебя продавать?! Видеть его не могу. Вот выйду отсюда, все его делишки раскрою и выставлю напоказ. Он... он, это фашист, наркоман, который ставит над людьми опыты! Да, да, ты – убийца!

Риваль. Не угрожай! Ты мышшь в зубах у кота!

Айрат. Видишь, какой это страшный человек? Да, да, он меня убьёт. Я этому верю. Сегодня они вдвоём пришли к одному старику в образе Азраила.

Риваль. Завтра собираемся к тебе.

Адам. И правда, Риваль, этот тип не в своём уме. Вы собираетесь выпустить его через неделю, какая неделя – на всю жизнь, в палате для «особых»... Если месяц колоть попросту «серу» и аминазин, то как раз превратится в современного человека и останется им.

Айрат. Не оставляй меня здесь, Зиля, пожалей. Хороший я или плохой, но я – твой муж!

Зиля. Ошибаешься, ты не муж мне! Ты продал меня ради своих интересов. А я в Сочи расписалась с твоим личным шофёром Федоренко. Мой муж – Федоренко!

Риваль. Свояк твой – Федоренко... Тот самый нищоброд, который возил тебя, бывший твой кучер...

Айрат. А наш будущий ребёнок?

Зиля. Ты что? В своём уме? С чего это я буду рожать от старика, из которого песок сыпется. Не свихнулась же я...

Айрат. Ах, шлюха! Ты меня променяла на него? Ты от нас не скроешься...

Риваль. Пусть поёт! Она сама у нас в ловушке! Больше из этого дома не выйдет. Своими ножками сюда пришла.

Зиля. Неужели? Не сможете упрятать, сил не хватит.

Адам. Посмотрим, красотка!

Зиля (*Айрату*). Ты меня, когда мне ещё не было и двадцати, изнасиловал в своём кабинете. Ты мою цветущую молодость променял на дорогие шмотки. Восемь лет я тебя, старого дьявола, ублажала в постели. Вернее, ты заставлял ублажать. Терпела, стиснув зубы. Восемь лет ты заставлял меня жить для тебя. А жизнь одна, другой не будет, и нежности тоже. Время настало! Я пришла к тебе, чтобы забрать цену тех восьми моих лет, проведённых в твоих холодных объятиях.

Адам. Что вы, Риваль Якубович, мораль выслушиваете, в какую палату её проводить?

Зиля (*Адаму*). Молчи, ничтожество! Тебя-то за сколько купили? Хочется выйти на волю? Если да, помогу, у меня возможностей достаточно.

Адам. Точно, и эта свихнулась. Красотка, успокойся! Раздавят они тебя, к ногтю прижмут.

Риваль. Пусть говорит. Дура, оказывается, ты. Не оценила безмятежной жизни...

Зиля. Дурак – это ты! Счастье, нежность – в молодых! (*Вынимает из сумки ключи и кладёт на стол.*) Забирай! Квартиру твою я освободила! Имущество твоё продала!

Айрат. Ничего, с этими деньгами далеко не уедешь, они быстро кончатся.

Зиля. И те деньги, которые ты положил на имя пьяницы, тоже у меня в руках!

Айрат. Нашла, сволочь! Ах, как я ошибся. Зачем проговорился об этом пьянице. Ведь тогда уже почувствовал, почувствовал... Ты виноват, во всём ты виноват, Якубович. Если бы ты тогда меня выпустил... Догадываешься, Зиля, что тонешь? Мы ведь тебя отсюда не выпустим!!!

Зиля (*смотрит на часы*). Выпустите! Через три минуты сюда придут мои телохранители. Вот вам кассета. На этой кассете ваши планы, которые вы обговаривали у нас на квартире. Послушайте и подумайте. Одна из этих кассет в надёжных руках. Ту кассету, на которой записан наш с вами разговор, Риваль, я не принесла. А вот сегодняшнюю пора выключить! (*Нажимает на кнопку маленького диктофона, который лежит в сумочке.*) Вот так, братцы, если со мной что-то случится, эта кассета пригодится.

Риваль. Да, ты не простой пташкой оказалась, молодчина!

Зиля. Вот так-то. Я думаю, если некоторые девушки-проститутки продают себя по вечерам за сто – сто пятьдесят рублей, то я имею право продать себя за десятки тысяч рублей. Я ведь тоже красавица. Смотрите (*поднимает юбку*), такая фигура, как у меня, и такие бёдра тянут на тысячи! Прощайте, надеюсь, больше не встретимся.

Айрат. Не выпускайте! Не выпускайте, Риваль, это в ваших силах!

Адам бросается к двери.

Риваль. Не держите! Сколько стоят эти записи?!

Зиля. Стоят дорого. Но не продаются. В этих кассетах – моя жизнь. Вы теперь вынуждены молить у Аллаха для меня долгой жизни. Любая, даже случайная моя смерть вам радости не доставит. Прощайте.

Дверь открывается, в коридоре стоят два крепких парня в милицейской форме.

Пошли, ребята!

Риваль. Сучка, здорово прижала! (*Айрату.*) Из-за тебя, подонок! Заморочил ты мне голову!

Айрат. Что мне делать?

Риваль. Что делать? (*Адаму.*) Вечером дашь ему галстук. Пусть от нас будет доброе дело!

Айрат (*падает перед Ривалем на колени*). Риваль Якубович, я жить хочу! Хочу жить!..

Занавес.

Каменный ларец
(перевод Н. Ишмухаметова)
Сатирическая комедия в двух актах, восьми действиях

Действующие лица:

Мустахим.
Юсуф Исхакович.
Суфия – жена Юсуфа.
Нуркасим Исхакович.
Минлениса – жена Нуркасима Исхаковича.
Касим Сабирханович.
Виль Вильданович.
Сан Санович.
Гали Валиевич.
Вали Галиевич.
Сали Садриевич.
1-й милиционер.
2-й милиционер.
1-й представитель санэпидстанции.
2-й представитель санэпидстанции.
Девушки-танцовщицы.
Женщина в белом халате.
Белобородый посланник.
1-й, 2-й, 3-й посланники.
Парень.
Александр Александрович.

Акт первый

Действие первое

Открывается занавес, и взору зрителей предстаёт бедно обставленная квартира Мустакима. Мустаким смело называет её двухкомнатной из-за наличия отдельной кухни. Посреди комнаты – стол, несколько стульев, невероятным образом «выживший» после многочисленных атак кошачьих когтей старый истрёпанный диван и ещё несколько предметов обстановки. **Мустаким** храпит на диване с похмелья. В комнату стремительно входит **Касим Сабирханович**, за ним **Виль Вильданович**, женщина в белом халате и два милиционера.

Касим Сабирханович (*смотрит на часы*). Даю вам пятнадцать минут. (*Показывает на Мустакима*.) Это похмельное пугало срочно приведите в божеский вид. Побрейте, умойте, переоденьте и заодно приберитесь в этом свинарнике!

1-й милиционер, 2-й милиционер (*стоя по стойке «смирно»*). Есть, товарищ Касим Сабирханович! (*Подхватывают Мустакима с двух сторон и утаскивают в ванную комнату. Вслед за ними туда входит и женщина в белом халате*.)

Виль Вильданович. Двадцать пять лет я работаю в органах, но и мне не понятна заварившаяся каша. Почему арабы решили, что эта квартира им более всего подходит для встречи?

Касим Сабирханович. Сам не пойму. Повнимательнее посмотрите-ка, Виль Вильданович, не перепутали вы адрес-то?

Виль Вильданович (*достает из папки лист бумаги*). Вот, если моим глазам не доверяете, прочтите сами. (*Протягивает листок Касиму Сабирхановичу*.)

Касим Сабирханович (*читает*). Всё верно. Город Казань. Новая слобода, улица Татарская радость, квартира номер семь, в которой проживает господин Мустаким Исакович. Отправитель – Арабские Эмираты.

Виль Вильданович. И зачем этот вониючий хорёк понадобился шейху?

Касим Сабирханович. Проспали вы, товарищ Виль Вильданович, всё на свете проспали. Через полчаса арабский самолёт приземлится в Казани. А вы до сих пор не знаете, для чего они сюда летят. Эх, как же я скучаю по прошлым временам, если бы вы только знали, как я по ним скучаю. (*Набирает номер на мобильном телефоне и говорит в трубку*.) Эй, вы куда запропастились? Торопитесь! Время поджигает. Что?! Что вы там потеряли возле двери?! Поднимайтесь сюда! Что?.. Не впускают?.. Кто?.. Москвичи?.. Пятый отдел?.. (*Виллю Вильдановичу*.) Что, москвичи уже тут?

Виль Вильданович. Ничего не поделаешь. Мы у Москвы на контроле.

Касим Сабирханович (*протягивает телефон Виллю Вильдановичу*). На, растяпа. Передай своим москвичам. Пусть пропустят моих людей.

Виль Вильданович (*в трубку*). Алло, алло... Передай-ка трубку москвичам! Что, что?.. Ты что, тупой?! Передай трубку москвичам, бестолочь! Алло... Алло, это пятый? Это пятый отдел, я вас спрашиваю?.. Что?.. Кто?! Журналист первого телеканала Василий Николаевич?.. (*Отводит трубку*.) Это какой-то Василий Николаевич.

Касим Сабирханович. Плевать я хотел на твоего Василия Николаевича. Пусть быстрее моих пропустят!

Виль Вильданович (*в трубку*). Плевать мне на твоего... (*Опомнившись.*) Не тебе, не тебе... (*Отводит трубку от уха.*) В могилу они меня сведут. (*Прикрыв трубку ладошкой.*) Это, он говорит, первый всероссийский телеканал.

Касим Сабирханович. Мне твой первый канал не нужен. Мне нужны представители санэпидстанции, чтобы они навели порядок в этой собачьей конуре. Прочь с глаз моих! И чтобы одна нога здесь, а другая – на первом этаже.

Виль Вильданович (*вытянувшись в струнку*). Есть! (*Поспешино уходит.*)

Касим Сабирханович (*расхаживая по комнате*). Из-за чего? Кому, кому в Эмиратах понадобилась эта квартира? Какая связь между этим пьяницей Мустахимом и арабами?..

В комнату в защитных костюмах и респираторах, с распылителями в руках входят двое и начинают всё опрыскивать паром. Один из них подходит к Касиму Сабирхановичу и прыскает в него паром.

Касим Сабирханович. Что ты делаешь, растяпа?

1-й представитель санэпидстанции. Стерилизую вас.

Касим Сабирханович. Я тебе постерилизую сейчас! Поди прочь от меня. (*Бубнит себе под нос.*) И кто только додумался до такого?

1-й представитель санэпидстанции. Распылять чесночный настой? Уж, конечно, не мы. Это начальник у нас такой умный, это он придумал.

2-й представитель санэпидстанции. В первом квартале все химикаты распродают и...

1-й представитель санэпидстанции. А на оставшиеся три квартала остаётся только чесночный настой.

2-й представитель санэпидстанции. Вам ещё повезло. Вам настой чистотела не достался.

1-й представитель санэпидстанции. Этот раствор даже за неделю ежедневных помывок в бане не отмоешь.

Касим Сабирханович. Начальнику своему скажете, когда вернётесь к себе, мол, Касим Сабирханович всех троих обещался простерилизовать, прямо в бане. Пусть только арабы уедут...

1-й представитель санэпидстанции, 2-й представитель санэпидстанции (*в один голос*). Хорошо. (*Уходят.*)

В комнату входят Юсуф Исакович, словно покусанный собаками, и **Нуркасим Исакович** в чепане и чалме.

Нуркасим Исакович. Ну, нигде татарам ходу не дают! Даже к своему родственнику пройти и то невозможно. Прямо на куски рвут. (*Осматривая свой внешний вид.*) Ты посмотри-ка, а! Посмотри, как над людьми издеваются.

Касим Сабирханович. Что случилось? Да разве в такой одежде приходят на встречу с арабскими посланниками?

Юсуф Исакович (*приветственно протягивая руки*). О... Здравствуйте, Касим Сабирханович. Я и не заметил Вас, так был переполнен радостью, что жив остался. Прямо на куски рвут ведь. Журналисты окружили подъезд и снуют туда-сюда. Все пуговицы оборвали.

Касим Сабирханович. Кому-кому, но вам не пристало в таком виде ходить, Иосиф Исакович. (*Показывает на комнату.*) Посмотрите, в каких условиях живёт ваш младший брат. Вам не кажется, что помещение больше напоминает свинарник, чем квартиру?!

Юсуф Исакович. И не говорите, Касим Сабирханович, и не говорите. Сам – свинья, и квартира – свинарник. От одной и той же кобылы, говорят, и каурая рождается, и пегая. Вот и мы от одного отца у одной матери родились. Сам себя не может обустроить. Нет, добром он не кончит.

Касим Сабирханович. Значит, не так вы его воспитывали. Не по той системе воспитания.

Юсуф Исакович. Сколько раз мы его на работу устраивали. Три дня проработает и начинает справедливость искать. А на четвёртый его выгоняют.

Касим Сабирханович. Справедливость, говорите, ищет...

Юсуф Исакович. Во всём грязь выискивает...

Нуркасим Исакович. И женить его пытались. Из богатой, культурной семьи нашли невесту. Если богатая – начинает дознаваться, как разбогатела, если нищая – допытывается, почему ничего нет за душой.

Касим Сабирханович. Хорошо. Я сюда пришёл не жалобы ваши выслушивать. Своих проблем – выше крыши. По самое горло! Почему опаздываете?! Почему заставляете ждать?!

Юсуф Исакович. Извините, Касим Сабирханович, но уже два часа прошло с тех пор, как мы приехали. Не пускают же. Не пускают.

Нуркасим Исакович. Прямо на куски рвут.

Касим Сабирханович. Вы знаете, для чего я вас собрал?!

Нуркасим Исакович, Юсуф Исакович (*в один голос*). Нет, не знаем.

Касим Сабирханович. Вот именно, что не знаете. И я не знаю. Говорите, любит за справедливость бороться...

Юсуф Исакович. Не то слово...

Нуркасим Исакович. Упрямый, как ишак!

Касим Сабирханович. Через пять минут к нему приедут посланники из Арабских Эмиратов.

Нуркасим Исакович. Арабские послы?..

Юсуф Исакович. А зачем понадобился арабам наш Мустахим?

Касим Сабирханович. А вот про это нужно не у меня, а у вас спросить.

Виль Вильданович (*входит*). Касим Сабирханович, по разным каналам пробили – ни с какими арабами он в контакт не вступал.

Касим Сабирханович. Вот так вот, Иосиф Исакович, плохи ваши дела.

Виль Вильданович. Вашим семейством заинтересовался пятый отдел города Москвы. Понаехали из разных стран журналисты и репортёры.

Касим Сабирханович. Не теряя понапрасну времени, можете, Иосиф Исакович, начать перетряхивать свой род вплоть до седьмого колена.

Виль Вильданович. Кто вы сами?.. Кем был ваш отец?.. Дед?.. Думайте, давайте, думайте! Времени в обрез.

Касим Сабирханович. На какие средства построили трёхэтажный коттедж?!

Виль Вильданович. Откуда нашли деньги на покупку «Мерседеса» для себя и БМВ для жены? А также советую припомнить все свои доходы на стороне.

Касим Сабирханович. И связи с границей...

Виль Вильданович. И особенно свои контакты с Арабскими Эмиратами...

Касим Сабирханович. Ваше настоящее имя Юсуф, не так ли?

Юсуф Исакович. По документу, выданному мне родной милицией, свято оберегающей мой покой и стоящей на страже правопорядка, я – Иосиф, а не Юсуф. Если захотите, то можете называть меня Осип, или, если сочтёте более лёгким и удобным, – Хосе. Но как гражданин и патриот своей страны со всей ответственностью повторяю – меня зовут Иосиф и никак иначе. А что касается отчества, то я сын Исаака, и не Исхака. И никаких родственных связей с Мустахимом Исаковичем у меня нет.

Виль Вильданович. А может, придуманные вами имя-отчество – лишь ширма? Может, всё-таки Мустахим является связующим звеном между вами и арабами?!

Юсуф Исакович. Повторяю. У меня нет брата по имени Мустахим. Я к арабам не ездил. *(Показывает на Нуркасима Исаковича.)* Вы лучше вот этого товарища в чалме и чепане расспросите. Он очень любит в хадж отправляться. И зовут его подходяще – Нуркасим, и отца его, кажется, звали Исхак. Уж очень любит наш Нуркасим Арабские Эмираты.

Нуркасим Исакович. Перенаправляя вопросы по моему адресу, ты совершаешь большую ошибку, как тебя там, братец Юсуф. Сыновья за отцов не в ответе. Мало, что ли, в Татарстане Исаков. И потом видно же, что мы с Мустахимом совсем не похожи. Он худой, а я... Он пьяный валяется, а я спиртное терпеть не могу.

С улицы доносятся звуки сирены.

Касим Сабирханович. Ну, всё. Всё, хватит! Хватит, говорю! Разберёмся! Кажется, подъехали. Приведите себя в порядок! *(Кричит в направлении ванной комнаты.)* Эй, вы, куда запропастились? Будьте порасторопнее! Быстро выходите все оттуда! Приехали наши гости.

Из ванной комнаты выходит **Мустахим** в рубашке и костюме на два размера больше, чем нужно, на шее – большой галстук. На ногах туфли «с запасом». Справа от Мустахима, держа в одной руке распылитель с одеколоном, а на другую накинув полотенце, идёт **женщина в белом халате**, за ней два милиционера.

Женщина в белом халате. Касим Сабирханович, объект готов! Поменяли всё вплоть до трусов. Только носки забыли привезти. *(Распыляет одеколон по всему телу Мустахима.)*

Мустахим. Ничего страшного. Сойдёт и так, брюки длинные, носков всё равно не видно.

Касим Сабирханович. Что это?!

Мустахим. Это не что, а кто. Я это, я, Мустахим!

Касим Сабирханович. Что это такое?! Что ещё за чучело, что за пугало огородное?!

Мустахим. Не ругайте уж. Это всё, что у меня есть. Раз уж папа с мамой произвели меня на свет с лошадиной мордой, то ничего с этим не поделаешь. Красоту не выпросишь. Живу с тем, что есть, благодаря их и за это.

Касим Сабирханович. Речь не о твоей лошадиной морде, а о той одежде, что на тебя надели.

Женщина в белом халате. Извините, Касим Сабирханович, одежда подбиралась строго по тем размерам, которые дали ваши помощники. Я в этом не виновата.

Касим Сабирханович *(Виллю Вильдановичу)*. А ты куда смотрел?!

Виль Вильданович. Мы размер узнали по присланной вами фотографии, на компьютере одев изображение.

Касим Сабирханович. На компьютере... А глаза тебе на что? На четыре размера больше костюм привезли!

Виль Вильданович. Извините, конечно, но взгляните, пожалуйста, на снимок, который был прислан вами.

Касим Сабирханович *(разглядывает снимок)*. Так это же не Мустахим. *(Протягивает фотографию Юсуфу Исаковичу.)*

Юсуф Исакович *(разглядывая снимок)*. Нет, конечно, это не он, Касим Сабирханович.

Нуркасим Исакович. Ну-ка, дай-ка, я тоже взгляну! *(Разглядывает снимок.)* Нет, это точно не он, Касим Сабирханович.

Мустахим *(берёт фото)*. Дай-ка, я сам посмотрю. Это я, конечно, кто же ещё-то, если не я. Просто опухший я тогда был, когда снимался. А на самом деле я маленький и худенький.

Касим Сабирханович *(достает из кармана звонивший мобильный телефон и прикладывает к уху)*. Да. Слушаю. Поднимаются?.. Хорошо. *(Убирает телефон в карман. Обращаясь к Виллю Вильдановичу.)* Иди. Встречай. Поднимаются уже.

Виль Вильданович (*отдаёт честь и собирается на выход*). Пойдите-ка. (*Нуркаси́му Исхакови́чу и Юсу́фу Исхакови́чу.*) А где ваши жёны?

Нуркасим Исхакович, Юсуф Исхакович. На улице ждут.

Касим Сабирханович. На улице?.. Они здесь должны быть! (*Виллю Вильдановичу.*) Быстрее найди внизу жён этих братьев и направь сюда.

Виль Вильданович. Обоих братьев?

Касим Сабирханович. Нет, всех троих. Тупица.

Виль Вильданович. Хорошо.

Касим Сабирханович. Если через три минуты их здесь не будет, можешь принести свои погоны мне на стол.

Виль Вильданович (*вытянувшись по стойке «смирно»*). Есть! (*Уходит.*)

Касим Сабирханович (*обращаясь к Нуркаси́му Исхакови́чу и Юсу́фу Исхакови́чу*). Приведите себя в порядок и постройтесь в ряд! И подверните, наконец, рукава и штанины у этого пугала!

Мустахим. Не нужно, товарищ, не стоит беспокоиться. Два часа я смогу потерпеть. А через два часа вы с меня всё равно снимете эту одежду.

Касим Сабирханович. Если только жив-здоров останусь, после того как уедут арабы, я с тебя не то что костюм, кожу в придачу сдеру. Все готовы к приёму гостей?!

Юсуф Исхакович. Готовы.

Нуркасим Исхакович. Готовы, Касим Сабирханович.

В комнату входят одетая с иголки жена Юсуфа **Суфия** и жена Нуркаси́ма Минлениса, которой на вид давно за шестьдесят.

Касим Сабирханович. Вы где ходите?!

Минлениса. По улице бродили.

Касим Сабирханович. Что ещё за развлечение ты нашла себе в таком почтенном возрасте?

Суфия (*игриво виляя бёдрами, подходит к Касиму Сабирхановичу и протягивает ему руку для поцелуя*). Здравствуйте, Касим Сабирханович. Как ваши дела?

Касим Сабирханович (*грубо*). Хорошо. Становись в строй!

Все выстраиваются на левом портале. Звучит Марш Советской Армии Салиха Сайдашева. Открывается дверь. В комнату входят трое мужчин в арабских одеждах. В руках у одного из них каменная шкатулка, другой держит свёрнутое в рулон завещание. Между ними – высокий **белобородый посланник**. Все трое входят и встают на правом портале. Исполняется гимн Арабских Эмиратов. Посланники гордо поднимают головы. По окончании гимна Арабских Эмиратов звучит гимн Татарстана. Стоящие на левом портале гордо скидывают головы. По окончании гимна посланники прижимают руки к груди и кланяются.

1, 2, 3-й посланники. Ассалям алейкум.

Стоящие на левом портале. Вагалейкум ассалям.

Белобородый посланник. Здесь живёт Мустахим сын Исхака?

Стоящие на левом портале. Здесь живёт, здесь. Вот он.

Белобородый посланник протягивает руку, намекая подать ему свиток с завещанием.

2-й посланник (*вкладывает свиток с завещанием в руку белобородого*). Пожалуйста! (*Держа правую руку на груди, кланяется и делает несколько шагов назад.*)

Белобородый посланник. Глубокоуважаемый Мустаким, сын почтенного Исхакетина.

Мустаким. Не такой уж я и уважаемый, конечно, но про то, что отец мой Исхак нарёк меня Мустакимом, это вы совершенно правильно подметили, уважаемый.

Белобородый посланник (*начинает читать завещание*). Здравствуй, мой далёкий родственник, мой младшенький сыночек, самый молодой побег нашего родового дерева. Сумеешь ли ты через сотни лет прочесть написанные мной заветы и воплотить их в жизнь, сумеешь ли ты правильно распорядиться наследством, которое хранится в этой каменной шкатулке? Если сможешь, то хочу узнать, кто ты? Татарин ты или... или называешь теперь себя как-то иначе? Продолжаешь ли ты идти дорогой твоих предков? Есть ли у тебя своя страна или ты живёшь в чужой? Сумеешь ли ты порадовать меня, приняв этот сундучок с моим наследством? Это завещание выбито мной на камне тысячу лет назад при ярком свете полной луны там, где твои предки вбили на пустом месте колышек, на который прежде подвешивали казан, заложив город для своих потомков. Я не знаю ни твоего имени, ни имени твоего отца. Поэтому я решил, что это наследство получит самый младший мужчина моего рода – ты, сынок. Кроме тебя никому нельзя даже прикасаться к этой шкатулке! И открыть её дозволено только тебе. Если с тобой что-то случится до той поры, пока не открыта шкатулка, то хранимое в ней завещание потеряет силу. Я, хан, забивший первый колышек на месте будущей Казани, завещаю тебе открыть этот сундучок в тот год, когда городу исполнится тысяча лет, в последний день лета, во время ночных народных гуляний, в тот миг, когда полная луна сядет на тот самый, вбитый мной первый кол. Если в тот момент, когда ты будешь открывать шкатулку, луна на одну фалангу мизинца не дойдёт до острия колышка или же перейдёт за него, то наследство потеряет свою силу.

2-й посланник. Может потерять.

1-й посланник. Всего на одну фалангу мизинца...

2-й посланник. Не дойдёт...

1-й посланник. Или проскочит...

2-й посланник. Только когда луна сядет на остриё...

Белобородый посланник. И только ты.

1-й посланник. Самый молодой наследник-мужчина в ханском роду.

Юсуф Исхакович (*перешёптываясь с близстоящими*). Что они сказали, самый молодой наследник-мужчина?..

2-й посланник. В последний день лета того года, в котором к тебе попадёт эта шкатулка.

Белобородый посланник. Только ты, последний наследник хана.

Юсуф Исхакович. Только последний наследник, говорите...

Белобородый посланник (*берёт шкатулку у того, кто её держит, и передаёт Мустакиму*). Вот, возьмите, пожалуйста. Наследная шкатулка вашего древнего предка, казанского хана!

Мустаким (*протягивает руки*). Спасибо вам!

Юсуф Исхакович. Чу, не трожь! Трясущимися руками своими обесчестишь наследство хана, нашего знатного предка. Сам возьму.

Нуркасим Исхакович. Подожди. Не спеши, братишка Иосиф.

Мустаким (*берёт сундучок. Не в силах отвести от него глаз*). Каменный сундук... Всем сундукам сундук... Сундук самого хана... Наследный сундучок!.. Сундук моего деда!..

Звучит музыка. Гаснет свет.

Действие второе

Нуркасим Исакович, Юсуф Исакович, Минлениса, Суфия, Касим Сабирханович не на шутку разбушевались и дерутся. Юсуф Исакович сидит верхом на Нуркасима Исаковиче, Минлениса верхом на Суфии, Касим Сабирханович завалился за диван, наружу торчат только его ноги.

Касим Сабирханович (*размахивая ногами*). Помогите, спасите, сейчас умру ведь... Шею у меня зажало.

Минлениса (*Суфии*). Ну что, допрыгалась, метёлка! Разорву тебя на мелкие кусочки!

Суфия. Слезь, слезь с меня, ведьма! А то врежу тебе, мало не покажется.

Нуркасим Исакович (*сидящему на нём Юсуфу Исаковичу*). Что, допрыгался?! Получил то, чего добивался, говнюк?!

Минлениса. Нуркасим, Нуркасим, добить, что ли, эту падаль?

Нуркасим Исакович. Дай ей жару! Покажи ей, где раки зимуют.

Касим Сабирханович. Помогите, спасите, задыхаюсь.

Минлениса (*слезает с Суфии и вытягивает за ноги Касима Сабирхановича*). Вставай, слабак. Диваном его, видите ли, зажало. Не надо было такое пузо отращивать. (*Тянет Касима за ворот и, подняв его, бьёт по щекам. Касим заваливается на диван.*) Иди, пузатый предводитель воробьёв, подыхай себе с комфортом на диване.

Юсуф Исакович (*Нуркасиму Исаковичу*). Хочешь, братан, зажму тебе нос и подохнешь?!

Минлениса (*воинственно подбоченившись, говорит Юсуфу Исаковичу*). Ах, вот ты как... (*Подтыкает подол платья под рейтузы и плюёт на ладони.*) Я тебя сейчас раздавлю. (*Оттаскивает Юсуфа Исаковича от Нуркасима Исаковича и взбирается на Юсуфа Исаковича верхом. Пальцем указывает Нуркасиму Исаковичу на Суфию.*) Иди, займись-ка лучше той ошипанной воробыхой. На неё у тебя сил хватит. Сделай так, чтобы глаза у неё на лоб повылезали, чтобы дух у неё от тела отлетел и в дымоходе застрял.

Суфия (*вскакивает с пола*). Ах, вот вы как... (*Бьёт Нуркасима Исаковича.*) На, получай, гад!

Нуркасим Исакович вместе с дверью отлетает в коридор.

Не путайся под ногами!

В дверях показываются **два милиционера**. 1-й милиционер свистит в свисток.

2-й милиционер. Прекратите!

Касим Сабирханович (*плача и причитая, подходит к милиционерам*). Где вы ходите?! Завтра же уволю обоих. Ваш начальник помирует, зажатый диваном, словно мышь в мышеловке, а вам хоть бы хны. Сейчас же арестуйте всех и проводите в камеру!

1-й милиционер, 2-й милиционер (*одновременно*). Есть, Касим Сабирханович! (*Подойдя с двух сторон, вцепляются в Минленису.*)

Минлениса. Ах, вот вы как! (*Сводит милиционеров лбами. Милиционеры стучаются друг о друга и падают на пол.*)

Касим Сабирханович. Прикончила, она их прикончила, убила моих милиционеров при исполнении!

1-й милиционер (*лёжа на полу*). Не беспокойтесь, Касим Сабирханович, не переживайте. Ей так быстро нас не прикончить.

2-й милиционер. Сейчас мы немного передохнём, Касим Сабирханович, и наведём здесь полный порядок!

Касим Сабирханович (*приближается к Минленисе*). Я тебя, да я тебя... Под суд отдам!

Минлениса (*сунув кулак под нос Касиму Сабирхановичу*). Не дёргайся! Сейчас в лоб как заеду – последние мозги повыскакивают. Полюбуйтесь-ка на него. Привык там у себя по столу кулаком стучать.

Касим Сабирханович. Всё. Молчу. Что хотите, то и делайте. Больше я между вами встревать не буду. Только знайте, ханский сундук, ханское наследство не только ваше. Это достояние государства, наследство всех татар!

Милиционеры, пошатываясь, поднимаются с пола и направляются к Касиму Сабирхановичу.

1-й милиционер. Касим Сабирханович, всех, что ли, закрывать будем?

Касим Сабирханович. Стойте и помалкивайте, радуйтесь, что живы остались.

1-й милиционер. Хорошо, Касим Сабирханович, будем молчать, ради счастья детишек наших ни слова больше не пророним.

Юсуф Исакович. Договоримся так. Наследство, что в сундуке хранится, – моё. А пустая шкатулка – твоя, Нуркасим, родственничек, брат ты мой старшой!

Нуркасим Исакович. Боюсь, нас неправильно поймут.

Суфия. Правильно, наше наследство! Мать с отцом мы похоронили. Ограду и камни на могилу мы купили и поставили. Одни только мы и заботились о нашем роде.

Юсуф Исакович. Вот именно поэтому родовое наследство – наше.

Касим Сабирханович. Постоите-ка, погодите. Наследство принадлежит и не вам, и не Нуркасиму Исаковичу, оно – всенародное!

Нуркасим Исакович. Правильно! Я поддерживаю эти слова. Наследие принадлежит государству! А наш Юсуф – манкурт. Он добровольно переименовал себя в Иосифа. Посмотрите его паспорт.

Юсуф Исакович. Паспорт!.. Что такое – паспорт? Паспорт – это бумажка. Я татарин не по записи в какой-нибудь жалкой бумажонке, а вот здесь – в душе!

Касим Сабирханович. Погодите-ка, граждане, постоите. Вы же дети одних родителей.

Нуркасим Исакович. Что вы такое говорите? Каких ещё одних и тех же родителей? Его отца зовут Исаак, а моего – Исхак.

Касим Сабирханович. Успокойтесь, товарищи, не надо нервничать. На сегодняшний день за нашей республикой следит весь мир. Город наводнён журналистами и репортёрами со всех концов света. И нам, татарам, нужно быть едиными, как никогда. А вы даже между собой не можете разобраться. Нам нужно прийти, наконец, к общему знаменателю. Давайте будем благоразумными и сосредоточимся на главном... Ну, хорошо. Если мы оставим шкатулку Мустакиму, где гарантии, что с ней ничего плохого не случится?

Суфия. Верно. Он её пропьёт.

Касим Сабирханович. Ну, я думаю, до этого не дойдёт. Сундук за семью замками, за семью печатями находится.

Юсуф Исакович. Ну не пропьёт, так откроет раньше времени, и наследство потеряет силу.

Касим Сабирханович. Давайте глубже копать, товарищи, глубже. В наших руках судьба страны. А действительно ли самый младший мужчина в вашей семье – Мустаким? Может быть, кто-то другой должен унаследовать ханский ларец?

Нуркасим Исакович. То есть?..

Касим Сабирханович. А вот то и есть... Я говорю, не обернётся ли какой-нибудь тайный грешок благом для нашей республики? Вспомните-ка, что выявилось в ходе последней переписи населения.

Юсуф Исакович. Постой, постой... Тут есть над чем подумать. Если хорошенько поразмышлять, то может оказаться, что ханский ларец должен принадлежать одному из моих неизвестно где болтающихся сыновей...

Суфия. Что?! Одному из сыновей, говоришь?! Ах ты, бабник, сволочь ты такая! Ты, значит, на стороне развлекался?! *(Начинает наседавать на мужа.)*

Юсуф Исакович. Чу, чу, Софочка, ты чего? Я же пошутил. Не дай Аллах такому случиться. Нет, кроме Мустакима, других подходящих кандидатур на наследство у нас в роду нет.

Суфия. Опять вывернулся.

Нуркасим Исакович. Не спешите-ка. За меня не отвечайте. Может, с моей стороны отыщется наследник.

Минлениса. Правильно, папочка. Подумай-ка хорошенько, может, вспомнишь чего.

Нуркасим Исакович. Я за последнее время где побывал, мамочка?

Минлениса. Где ты шлялся в последнее время, не помню, но всю жизнь я промаялась оттого, что тебе всего лишь через месяц после нашей свадьбы сделали операцию в урологическом отделении клиники на Волкова.

Нуркасим Исакович. Нет, нет. Кроме Мустакима других наследников в нашей семье не найти.

Касим Сабирханович. Хорошенько подумали?

Суфия. А можно стать наследником с нашей стороны, с женской?

Юсуф Исакович. Нет, с женской стороны нельзя. Вы не из ханского рода.

Касим Сабирханович. Значит, получается, что главный наследник – Мустаким.

Юсуф Исакович. Постойте-ка. В голову мне пришла одна мысль. От этой напасти только мы сумеем всех спасти. Так ведь, Софочка?

Суфия. Как это?

Юсуф Исакович. А так – сына родим.

Минлениса. За два месяца?

Юсуф Исакович. Почему же за два-то...

Нуркасим Исакович. Потому что через два месяца нужно будет сундук открывать.

Юсуф Исакович. Вот незадача. Хотели ещё одного татарина подарить родной стране, и не получилось.

Касим Сабирханович. Товарищи! Если мы всерьёз обеспокоены судьбой нашей страны, то должны беречь господина Мустакима как зеницу ока!

Юсуф Исакович. Что? Вы хотите сказать, что я должен бросить все свои дела ради того, чтобы стеречь этого алкаша?

Нуркасим Исакович. Нет, уважаемые, я вам в этом не помощник. Мне нужно пять раз в день намаз читать, а тут, в этом свинарнике, даже молельный коврик некуда постелить, не хочу я грехами обростать ради этого босяка.

Виль Вильданович. А я говорю, будете охранять, ещё как будете! А если не желаете, то я сам буду сторожить!

Касим Сабирханович. Такие настоящие татарские джигиты, как наш уважаемый Мустаким, на дороге не валяются. Мы должны следить за тем, чтобы ни одна муха не села на господина Мустакима. Чтобы даже лёгкий ветерок его не потревожил.

Суфия. Правильно, Касим Сабирханович. Сама, я сама буду его оберегать от всяких напастей. Ни на секунду не оставлю его, даже ночью. Так ведь, папочка?

Минлениса. Не получится у тебя. Уж очень ты любишь чужой сон нарушать. Сама буду стеречь. Я привыкла возле покойников ночи высиживать.

Юсуф Исакович. Погоди-ка. Почему это ты моего родного брата Мустакима с покойниками сравниваешь? Хочешь, чтобы ханский род прервался, что ли, называешь наследника мертвецом?! Касим Сабирханович, вы слышали? Мол, брат мой – покойник. Это же большая ошибка.

Суфия. Политическая ошибка.

Нуркасим Исакович. Ну ладно, хватит. Не раздувайте скандал. Не уводите разговор в сторону.

Юсуф Исакович. Вы слышали? Они заодно действуют. Они топором рубят татарские корни. (*Стучит себя в грудь.*) Я всё сделаю ради памяти моего деда, ради своего рода, ради нашей страны. Нужно будет, пожертвую и собой, и своей законной женой!

Касим Сабирханович, Виль Вильданович (*в один голос*). Правильно, Иосиф Исакович! Правильно!

Юсуф Исакович (*чуть не плача*). Ведь знал же, чувствовал, догадывался, что во мне течёт не простая кровь, а кровь самого хана.

Звучит музыка. Гаснет свет.

Действие третье

Просторный зал. Несколько дверей, ведущих в разные комнаты. Посреди зала в стеклянном аквариуме стоит каменный ларец, с четырёх сторон подсвечиваемый прожекторами. Вдоль стен расставлены стулья. С одной стороны ларца на стуле сидит **Нуркасим Исакович**, с другой, кляня носом, с ружьём в руках – **Юсуф Исакович**.

Юсуф Исакович (*широко зевая*). Что-то ночь сегодня какая-то длинная.

Нуркасим Исакович. И не говори.

Юсуф Исакович. Дай Аллах терпения тем старушкам, которые высидивают ночь возле покойника.

Нуркасим Исакович. Да в этом для них нет ничего трудного. Они же всю ночь судачат в своё удовольствие.

Юсуф Исакович. Тебе виднее. Что ни говори, уже двадцать лет как ты в верующие подался.

Нуркасим Исакович. И не говори. Проведя двадцать лет на моленном коврике, я вынужден сторожить этого алкаша Мустакима.

Юсуф Исакович. А не надо было влезать на коврик, не совершив омовения.

Нуркасим Исакович. А вот это не твоё дело, как там тебя... Осип.

Юсуф Исакович. Я не Осип. Понятно тебе, не Осип. Меня отец при рождении назвал Юсуфом. Я – Юсуф!

Нуркасим Исакович. Это почему же? Ты ведь добровольно свой паспорт поменял. Это раньше ты был Юсуфом, а теперь – Иосиф. Был Юсуфом Исаковичем, стал Иосифом Исаковичем.

Юсуф Исакович. Повторяю. Я не Осип и не Иосиф, я – Юсуф!

Нуркасим Исакович. Беру свои слова обратно. А что же ты ещё месяц назад кидался на того, кто называл тебя Юсуфом?

Юсуф Исакович. Тогда другие времена были.

Нуркасим Исакович (*интенсивно почёсывая тело*). Эх, сейчас бы в баньке помыться.

Юсуф Исакович. И не говори.

Нуркасим Исакович. Уже больше месяца сидим, да?

Юсуф Исакович. Сегодня месяц и семнадцать дней. Не завшиветь бы тут.

Нуркасим Исакович. А сколько дней осталось до тридцатого августа?

Юсуф Исакович. Не хватит пальцев рук и ног, чтобы сосчитать.

Нуркасим Исакович. Уже больше месяца прошло с тех пор, как я последний раз молился.

Юсуф Исакович. И не вздумай молиться. Всё равно твои молитвы не дойдут до Бога.

Нуркасим Исакович. Почему ты так думаешь?

Юсуф Исакович. Не думаю, а знаю.

Нуркасим Исакович. Откуда знаешь-то?!

Юсуф Исакович. Вон, наш Мустахим никогда не молился, а его Бог мягкой периной одарил. А тебя на жёсткий стул посадил.

Нуркасим Исакович. Значит, ты так считаешь?

Юсуф Исакович. Именно так.

Нуркасим Исакович. И не говори. Валяется на диване дни и ночи напролёт, да ещё и жену твою в ногах пристроил. А ведь раньше-то как хорошо мы жили, горя не ведали.

Юсуф Исакович. Ничего. За месяцем поста всё равно наступит разговение.

Нуркасим Исакович. Так-то оно так, да только обидно будет, если Мустахим наследством с нами не поделится.

Юсуф Исакович. Ну ты подумай, а. Имея три диплома о высшем образовании, сiju и караулю этого пьянчужку. Курам на смех.

Нуркасим Исакович. Да ещё и непрерывно почёсывая немытое тело.

Юсуф Исакович. Ничего. Только бы тридцатого августа дожждаться.

Нуркасим Исакович. И что ты собираешься делать тридцатого?

Юсуф Исакович. Мне бы только свою долю получить. Сразу о вас двоих забуду, раз и навсегда, понял?

Нуркасим Исакович. Так ты ещё и долю свою рассчитываешь получить?!

Юсуф Исакович. А почему бы и нет? Я ведь тоже потомок хана.

Нуркасим Исакович. Осип Исакович, что ли?

Юсуф Исакович. Я не Осип. Понимаешь ты это или нет, тупица? Я не Осип, я – Юсуф. Ведущий свой род от самого Бога, означает моё имя. Воплощение красоты и изящества. Легендарный Юсуф.

Нуркасим Исакович. Ну, не знаю, не знаю. Вот мне интересно, положил ли Великий хан хоть какую-нибудь завалящую карамельку в этот сундук для того, кто вопреки воле и желаниям своих родителей переименовал себя в Иосифа?

Юсуф Исакович. А ты об этом не переживай. Ты лучше о себе думай, понял? О себе.

Нуркасим Исакович. А что тут думать-то, о чём переживать? Я иду божьей дорогой. А Бог, как ты знаешь, всё видит, за всем следит.

Юсуф Исакович. Так-так, значит, ты по божьей воле, а не по своей ноци напролёт сидишь с деревянным ружьём в обнимку и сторожишь под лучами прожекторов пьяного Мустахима.

Нуркасим Исакович. Так вот, как там тебя, Джузеппе? А, ну да, Хосе, то есть Осип Исакович, я Мустахима не охраняю. Если хочешь, сам его сторожи. Я стерегу каменный ларец. С наследия нашего глаз не спускаю. А тебе по завещанию нашего предка хана полагается ноль. Одну половину – Мустахиму, а другую – нам, мы так думаем.

Юсуф Исакович. Жирно не покажется вам? Подавишься ведь. Хотя вряд ли, ты же и у родителей всё, вплоть до бельевой верёвки, себе отобрал.

Нуркасим Исакович. Кто? Я?!

Юсуф Исакович. А разве не так... а кто тогда сто раз приходил в отцовский дом бельевые прищепки выклянчивать?

Нуркасим Исхакович. Ты эти сказки жене своей будешь рассказывать. Это ты их со свету сжил. Ты, брат Осип. Ты заставил их продать дом в деревне, чтобы на эти деньги купить себе квартиру побольше. Увёз их к себе в Казань и вынудил собирать пустые бутылки по улицам и вокзалам.

Юсуф Исхакович. Ты говори, да не заговаривайся. А то ведь я не посмотрю на то, что ты мой старший брат, по хлеборезке так врежу, что зубы в разные стороны полетят.

Нуркасим Исхакович (*вскакивает со стула*). Попробуй только. Я тебе не Мустаким. Враз твоё брюхо проткну.

Юсуф Исхакович (*наседая на Нуркасима Исхаковича, как драчливый петух*). Давай, рискни здоровьем! Хапуга! Петух бесхвостый. Обмылок грязного муллы! А то про тебя народ ничего не знает. Про то, как ты людей обманываешь, на их пожертвования каждый год на море едешь, молодух покупаешь и развлекаешься с ними.

Нуркасим Исхакович. Докажи!

Юсуф Исхакович. Надо будет – докажем!

Нуркасим Исхакович. Что?! Кто докажет? Уж не ты ли, ставший начальником после того, как купил себе фальшивый диплом?.. Знаю я твоё образование. Ты же черенок от рукоятки отличить не можешь, тупой баран, дундук!

Юсуф Исхакович. Ах, вот ты как... (*Хватает Нуркасима за ворот.*) На, получай, гад! На, паразит! На, выродок фараона! Получи свою долю!

Начинается драка.

Нуркасим Исхакович. И всё равно, половина наследства – Мустакима, а половина – наша!

Юсуф Исхакович. Да что ты говоришь? (*Бьёт головой в лицо Нуркасима.*) Вот тебе половина наследства! (*Опять прикладывается головой.*) Вот тебе причитающаяся часть! (*Снова бьёт.*) Вот тебе всё наследство. Ну что, доволен?! (*Опять бьёт.*) На, получай, гад!

Нуркасим Исхакович. Убивают!.. Спасите!.. Караул!..

Сверху доносится голос.

Голос из микрофона. Эй вы, отпрыски фараона! (*Юсуф Исхакович и Нуркасим Исхакович замолкают.*) Молчать! (*Юсуф Исхакович и Нуркасим Исхакович замирают в оцепенении.*) Хозяину спать мешаете своими криками! Тише вы, быдло.

Нуркасим Исхакович (*шепчет Юсуфу Исхаковичу*). Что он сказал?

Юсуф Исхакович. Вшивые, говорит, «бетле»!

Нуркасим Исхакович. За две недели без бани запросто могли и завшиветь.

Голос из микрофона. Разговорчики!

Юсуф Исхакович, Нуркасим Исхакович (*отдают честь*). Есть!

Голос из микрофона. Завтра же уволю обоих!

Юсуф Исхакович, Нуркасим Исхакович (*падают на колени и, глядя в разные стороны, обращаются к голосу, умоляюще сложив руки под подбородком*). Не надо! Не надо! Мы больше так не будем...

Голос из микрофона. Вольно!

Юсуф Исхакович, Нуркасим Исхакович (*отдают честь, не вставая с коленей*). Есть!

Голос из микрофона. По местам!

Юсуф Исхакович, Нуркасим Исхакович (*вскакивают и отдают честь, замерев по стойке «смирно»*). Есть!

Юсуф Исхакович (*бубнит себе под нос*). Тому инженеру, который придумал глазок в стене, глаза бы выколоть!

Нуркасим Исхакович. Хорошо ещё, что наблюдают за нами. А то ведь убьёшь ты меня. Как пить дать – убьёшь. Завтра же напишу жалобу в аппарат.

Юсуф Исхакович (*бубнит себе под нос*). Царапаешься. По лицу бьёшь. Словно боевой петух, которому отрубили голову. (*Нуркасиму Исхаковичу.*) Пиши! Ты всю жизнь жалобы строчил, анонимщик!

Нуркасим Исхакович. Кто бы говорил. Безголовый. Чтобы жалобу написать, грамотным нужно быть. Тебе, делающему в слове из трёх букв четыре ошибки, такое не по силам.

Юсуф Исхакович. Это кто делает четыре ошибки?! Я, что ли?..

Нуркасим Исхакович. И, З, Ч, О... Вот как ты пишешь слово «ещё»!

Голос из микрофона. Вы прекратите шуметь в конце-то концов или нет? Завтра же уволю обоих. Нет чтобы отблагодарить за то, что поставили в почётный караул, так они ещё ругаться вздумали. Радоваться должны! Вы же охраняете наследие всего нашего народа. Вот и возрадуйтесь!

Нуркасим Исхакович (*подобострастно*). Спасибо Вам! Большое Вам спасибо! Дай Вам Бог здоровья и счастья!

Юсуф Исхакович. Разобью я этот глазок! Взорву его к чёртовой матери! (*Целится из ружья в угол.*)

Нуркасим Исхакович (*падает в ноги Юсуфу Исхаковичу, протягивает руки к ружью*). Чу, братишка, чу, не нужно этого делать... Погубишь нас обоих... Без наследия оставишь. Не сходи с ума.

Юсуф Исхакович (*опускает ружьё*). Давным-давно нажив огромное богатство, сижу и месяцами караулю этот паршивый сундук, не зная ни сна, ни отдыха. Кто бы мог такое представить, а?

Нуркасим Исхакович. Не сиди здесь. Кто тебя заставляет-то? Иди домой и спи, сколько душе твоей угодно!

Юсуф Исхакович (*подражая Нуркасиму Исхаковичу*). Кто тебя заставляет... (*После паузы. Указывает пальцем на дверь.*) Ты и он. Нет уж. Год буду сидеть, но не дам вам поделить всё наследство на двоих.

Из комнаты доносится звонкий хохот Суфии.

Нуркасим Исхакович (*широко зевает, принохивается*). Проснулись, похоже.

Юсуф Исхакович (*широко зевает, принохивается*). Наконец-то светает. (*Снова слышится хохот из спальни. Юсуф Исхакович вздрагивает.*) Пойди-ка, посмотри, чем они там занимаются?..

Нуркасим Исхакович. Тебе надо, ты и смотри. Твоя законная жена Софочка там верещит, а не моя.

Юсуф Исхакович. Так он же девок попросил.

Нуркасим Исхакович. Ну и что. Мало ли что он может попросить. Не надо было быть таким добреньким. Не стоило приводить ему свою жену. Решил, наверное, что для лучшего брата, для Мустакима, ничего не жалко, да?

Юсуф Исхакович. Не издевайся. А что было делать-то? Он же просил молодых девок. А чужих молодух к нему как допустишь-то? Знаю я их. Им не Мустаким нужен, а наш каменный ларец с наследством, ханским наследством, наследством всего нашего рода. Они же братца нашего за одну только ночь десять раз успеют на себе женить, причём все десять раз официально, через ЗАГС. А ты тут сиди, значит, и жди свою долю уведённого из-под носа наследства. Так-то оно наверняка будет.

Нуркасим Исхакович. С Софочкой-то твоей?

Юсуф Исхакович. А куда деваться. Терплю вот. *(Снова раздаётся хохот из спальни. Юсуф Исхакович не выдерживает и начинает нервно вышагивать по комнате. Нуркасиму Исхаковичу.)* Дай верёвку. Повешусь. Иди уж, посмотри, что они там делают?

Нуркасим Исхакович *(подкрадывается к двери, из-за которой доносится хохот, и, слегка приоткрыв её, наблюдает в образовавшуюся щель).* О-о-о, молодец, братишка Мустаким, достойно справляется.

Юсуф Исхакович. Что он там делает?!

Нуркасим Исхакович. Что делает, что делает... Подойди и сам посмотри!

Юсуф Исхакович. Ну, не мучай меня, скажи...

Нуркасим Исхакович. Да ничего особенного. Мустаким заставил её делать массаж спины.

Юсуф Исхакович. Всё-таки есть Бог на свете. А ты хорошенько разглядел, она только массаж ему делает?

Нуркасим Исхакович. Ну, а что же ещё-то? Ты как будто Мустакима нашего не знаешь.

Юсуф Исхакович. Как же не знаю-то. И не посмотрит, что это жена старшего брата.

Нуркасим Исхакович. А я Мустакиму верю. Но в твоей Софочке очень даже сомневаюсь.

Юсуф Исхакович. Никакая она тебе не Софочка, а Суфия. Понимаешь – Су-фи-я!

Нуркасим Исхакович. Понимаю, братишка, понимаю. Сегодня она Суфия, завтра – Софочка, а послезавтра – Сонечка.

Из комнаты выходит растрёпанная **Суфия.**

Суфия *(грубо).* Всё, хватит с меня! Не могу больше терпеть такое издевательство ни минуты.

Юсуф Исхакович *(подходит к Суфии и шепчет ей с подозрением в голосе).* Что? Издевался он над тобой, да?..

Суфия. Спрашиваешь. всю ночь глаз не давал сомкнуть.

Юсуф Исхакович. Сволочь! Потерпи, дорогая, только бы дождаться своей доли наследства. Уж тогда я ему задам! Не рад будет, что на свет родился. Значит, говоришь, всю ночь не давал спать?

Суфия. Какое там всю ночь – всю неделю!

Юсуф Исхакович. Ну что тут поделаешь. Нужно потерпеть, радость моя. Ну не отказываться же нам от ханского наследства, в конце-то концов.

Суфия. Нет. Я больше не могу терпеть. Хоть вешай меня, хоть режь, но я больше к нему не пойду. Человек без сна может сутки продержаться, ну, двое, ну, на худой конец, трое. А я уже...

Юсуф Исхакович. Потерпи, душа моя, потерпи. Немного осталось. Скоро станешь ханбикой, владычицей татарской!

Суфия. Прежде чем я стану ханбикой, твой брат убьёт меня.

Юсуф Исхакович. Вот маньяк!

Суфия. Ладно бы маньяк, он же – зверь! Я ведь всего лишь в ногах его пристроилась, не больно где. Так он меня и оттуда выталкивает. Только задремлю, тут же пинает.

Юсуф Исхакович. Пинает?..

Суфия. Да. Ты что, говорит, ты что тут обо мне подумала? Чтобы я спал с женой своего брата, ты за кого меня принимаешь? Да как ты посмела бросить тень на весь наш ханский род? Всё, с меня хватит! Сегодня же возвращаюсь домой! Пусть меня жена Нуркасима Минлениса сменил. *(С решительным видом уходит.)*

Юсуф Исхакович *(кричит вслед удаляющейся Суфии).* Суфия, Суфия, Софочка, что ты делаешь?

Нуркасим Исхакович (*громко смеясь*). Ну что, капитуляция?

Юсуф Исхакович. Хватит ржать, тупица. Ты и рот закрыть не успеешь, как прохлопаешь своё наследство. Иди лучше позови на смену свою мастерицу.

Из спальни выходит **Мустахим**.

Как дела, братишка?

Мустахим. Как у бабки!

Нуркасим Исхакович. Что случилось, братишка?

Мустахим. Что случилось, что случилось... Как будто не знаешь. Если сегодня какая-нибудь из ваших жён ко мне в спальню ночевать придёт, так и знайте – или повешусь, или из окна выброшусь. Только начнёшь засыпать, а они, словно кошки, так и норовят залезть в объятия. А если я и вправду стану настоящим ханом, даже представить страшно, что они начнут вытворять.

Юсуф Исхакович. Так ведь это, братишка, нам так было сверху приказано. А вдруг с тобой что-нибудь случится? Приказано, чтобы всегда было кому прийти на помощь.

Мустахим. Мало ли что приказано. Мы же родные братья. Почему бы нам, всем троим, не лечь спать на полу?

Нуркасим Исхакович. Так мы же ларец сторожим.

Мустахим. А жёны ваши, значит, меня охраняют, да?

Юсуф Исхакович. Что поделаешь. Сверху было так приказано.

Мустахим. Плевать я хотел на их приказы!

Нуркасим Исхакович, Юсуф Исхакович (*одновременно шепчут*). Чу, братишка... (*Кивая на глазок в углу.*) Там всё видят и слышат.

Мустахим. Вам хорошо, вам никто не мешает.

Нуркасим Исхакович. Не говори так, брат. Думаешь, это легко, не спать ночи напролёт?

Юсуф Исхакович. А мне нравится.

Нуркасим Исхакович. А чего же, если тебе так нравится, ты уснул на посту и три раза со стула навернулся? Пока в микрофон не крикнули, ты даже не проснулся.

Мустахим. А я потом всю ночь жалел дядюшку Осипа.

Юсуф Исхакович. Я не Осип, братишка, я не Осип...

Мустахим. А, ну да, конечно, Иосиф-абый.

Юсуф Исхакович. Я и не Иосиф.

Нуркасим Исхакович. Ну ладно, как там тебя, Мустахим... Не дразни дядюшку Джузеппе.

Юсуф Исхакович. Откуда вы берёте эти имена? Как они вообще попали в ваши пустые головы?

Нуркасим Исхакович. А что тут удивительного?.. Ты же сам хвастался перед нами. Мол, у меня восемь имён.

Юсуф Исхакович. Когда это?

Нуркасим Исхакович. Когда, отрёкшись от имени, данного тебе отцом, ты поменял имя и паспорт. Помнишь, как ты хвастался, мол, отец назвал меня Юсуфом, по-русски это будет Иосиф, Осип, по-английски – Джозеф, по-французски – Жозеф, по-испански – Хосе, по-итальянски – Джузеппе, по-польски – Юзеф? Вон, Мустахим тоже при этом присутствовал, он не даст мне соврать.

Юсуф Исхакович. Чёрт бы вас побрал со всеми татарами вместе... Ну это надо же быть такими недалёкими, а? Даже своего самого близкого родственника умудрились приревновать к имени.

Нуркасим Исхакович. Тебе даже продажа собственной жены не помогла.

Юсуф Исакович. Не продавал я свою жену. Я за судьбу рода нашего переживал. Если я не буду об этом беспокоиться, ты не будешь, он не будет, кто же тогда? Скажи мне, братишка, что будем делать?.. С ларцом нашим что будем делать?

Мустахим. Что скажете, то и сделаю.

Юсуф Исакович, Нуркасим Исакович. Отрекись от ларца.

Мустахим. От наследства?!

Юсуф Исакович, Нуркасим Исакович. Да, от наследства!

Мустахим. Как это?..

Юсуф Исакович. В завещании старого хана ничего не сказано о передоверении. Напиши на моё имя доверенность!

Нуркасим Исакович. Нет уж. Тогда напиши на меня!

Мустахим. Это можно. Где бумага и ручка?

Звучит музыка. Гаснет свет.

Занавес.

Акт второй

Действие четвёртое

Открывается занавес. **Мустахим** и **Нуркасим Исхакович** сидят на полу, **Юсуф Исхакович** – за столом. Перед каждым – по листку бумаги, собираются что-то писать.

Мустахим. Ну что, приступим?

Юсуф Исхакович, Нуркасим Исхакович. Приступим!

Юсуф Исхакович (*Мустахиму*). Ну что, братишка, неужели сам на себя будешь доверенность составлять?

Мустахим. Да. А что, разве так нельзя?

Юсуф Исхакович. Почему же нельзя? Можно. (*Зрителям.*) Дуракам всё можно.

Нуркасим Исхакович. Ну ты голова, Мустахим, ничего не скажешь.

Юсуф Исхакович. И не говори, брат, и не говори. Столько лет живу на свете, но впервые вижу человека, который сам на себя выписывает доверенность.

Мустахим. Напрасно ты так говоришь. Посмотри, как многие начальники, открыв на одного себя два предприятия, изготовив две печати, сами на себя потом выписывают доверенности, или я не прав?..

Юсуф Исхакович. Не стоит так глубоко копать, братишка. Не вылезешь потом из этих глубин.

Мустахим. Ну, как говорится, с богом, в добрый путь, начну, пожалуй.

Юсуф Исхакович. Ну начни.

Мустахим. А вы мне подсказывайте. Я же малограмотный. Доверенности составлять не обучен.

Юсуф Исхакович. Я буду тебе помогать.

Нуркасим Исхакович. А почему ты?..

Юсуф Исхакович. Потому что я больше знаю. Я три института окончил.

Нуркасим Исхакович. Я согласен. Даю тебе «изчо» один шанс.

Юсуф Исхакович. Ну-ну, поиздевайся ещё у меня, дундук! Вы готовы?

Мустахим, Нуркасим Исхакович. Готовы!

Юсуф Исхакович. Пиши, Мустахим, – «я».

Мустахим. Написал.

Юсуф Исхакович. Молодец! Справился. Я сейчас тоже «я» напишу. (*Пишет, диктуя себе вслух по слогам.*) Ий-а. Написал. Сейчас продолжим дальше. Вторым словом должно стоять имя. Мустахим, пиши своё имя. Мус-та-ким.

Мустахим. Всё понятно, брат. Значит, каждый пишет своё имя. Тогда я уже коротко написал своё имя – «я».

Нуркасим Исхакович (*Мустахиму*). Чего подсматриваешь-то? Сам пиши. У меня не списывай.

Мустахим. Да, смотрю вот, правильно ли ты напишешь своё имя.

Нуркасим Исхакович. Ты уж не держи меня за тупого. Как это можно – не суметь написать своего имени. Вот, смотри. Нур-ка-сим. Здорово, а?

Юсуф Исхакович. Изумительно! Пишем третье слово – «моим».

Мустахим. Написал.

Юсуф Исхакович (*Нуркасиму Исхаковичу*). Ты написал?

Нуркасим Исхакович. Написал, конечно, давно написал. Не ори в ухо. Глухих нет.

Юсуф Исхакович. Теперь я напишу. (*Пишет.*) Мо-им. Так, готово. А сейчас пишем – «древним».

Нуркасим Исхакович. А почему древним?

Юсуф Исхакович. Древним, потому что древним! Потому что первым. Ну, какой же ты всё-таки тупой.

Нуркасим Исхакович. Ладно, не придирайся к словам. Написал. Пусть будет по-твоему. И дураку понятно – хан, значит – древний. Можно было и не писать об этом.

Юсуф Исхакович. Пишите дальше – «ханом»!

Нуркасим Исхакович (*пишет, проговаривая вслух*). Ха-ном.

Юсуф Исхакович (*Нуркасиму Исхаковичу*). Предложение из четырёх букв и то по слогам пишешь. Ты написал, Мустахим?

Нуркасим Исхакович. Не предложение, а слово. Тупой и «изчо» тупее!

Мустахим. Написал. Я уже давным-давно написал, брат.

Юсуф Исхакович. Молодец! А теперь и я напишу-ка. (*Пишет.*) Ханом! С большой буквы написали?

Нуркасим Исхакович. А почему с большой буквы нужно было писать?

Юсуф Исхакович. Потому что Хан, потому и с большой. Дурачок ты наш, куриные мозги, и недоучка в придачу!

Нуркасим Исхакович. Чего разорался-то, не ори на меня! Исправить же можно. (*Исправляет.*) Вот, исправил. И даже не заметно получилось.

Мустахим. А я не буду исправлять. Я – неуч. Мне и так сойдёт.

Юсуф Исхакович. Идём дальше.

Нуркасим Исхакович. Куда?

Юсуф Исхакович. В Бугульму!

Нуркасим Исхакович. Для чего?

Юсуф Исхакович. Слушай, не вынуждай меня отвечать. Наговорю ведь чёрт знает что.

Нуркасим Исхакович. Ну и скажи, чего в себе-то носить.

Юсуф Исхакович. Всё. Ничего больше не буду говорить. Издевается ещё надо мной. Вот пусть сам и составляет доверенность.

Мустахим. Ну ладно, будет тебе, брат, обижаться-то. Всем же известно, что самый грамотный среди нас – ты.

Нуркасим Исхакович. О чём разговор, никто с этим и не спорит. Не обижайся на меня. Я уже старый. Память тоже теперь не та, как раньше.

Юсуф Исхакович. И для чего, скажи мне, тебе с такой дырявой памятью понадобился ханский ларец? На саван-то уже накопил, наверное. Если нет, тогда могу одолжить.

Нуркасим Исхакович. Если ты так торопишься на тот свет, то могу пропустить тебя вперёд. Занять у тебя – как же, как же – ты потом мне и в могиле покоя не дашь.

Юсуф Исхакович. Переходим к четвёртому предложению.

Нуркасим Исхакович. Сказал бы лучше – напишем четвёртое предложение, тоже мне словцо откопал – переходим!

Юсуф Исхакович. Де-душ-кой.

Мустахим. Де-душ-кой.

Юсуф Исхакович. Следующее слово – «мне».

Мустахим. Мне. Написал.

Юсуф Исхакович. Далее – «лично».

Нуркасим Исхакович, Мустахим (*по слогам*). Лич-но.

Юсуф Исхакович. За-ве-щан-но-е.

Нуркасим Исхакович. Кто завещанное?!

Юсуф Исакович. Ты!

Мустахим. Сундук... Сундук завещанный, брат.

Юсуф Исакович. В могилу он меня сведёт, как пить дать.

Нуркасим Исакович. Сам виноват, придумываешь всякие слова, вот мне и подумалось бог знает что.

Нуркасим Исакович, Мустахим. За-ве-щан-но-е.

Юсуф Исакович. Подождите-ка. Мне ведь тоже нужно написать. За-ве-щан-но-е. Точка.

Нуркасим Исакович. Что, уже всё?

Юсуф Исакович. Почему?

Нуркасим Исакович. Сам же говоришь – точка.

Юсуф Исакович. С чего ты взял, что всё уже закончилось, тупица? Пиши, что тебе говорят!

Нуркасим Исакович (*пишет*). Написал – точ-ка.

Юсуф Исакович. Что ты делаешь?! Почему ты слово точка целиком написал?!

Нуркасим Исакович. Сам говорит – пиши точка, а теперь ещё и ругает меня за это.

Юсуф Исакович. Пишите – «наследство»! Да смотрите, ошибок не наделайте. (*Нуркасиму Исаковичу.*) Особенно это тебя касается.

Нуркасим Исакович. Не учи меня! Молод ещё учить-то! Сам знаю, как нужно правильно писать.

Юсуф Исакович. Пишите дальше – «до-ве-ря-ю».

Нуркасим Исакович, Мустахим. До-ве-ря-ю.

Юсуф Исакович. Так кому доверяет-то?..

Нуркасим Исакович. Мне!

Юсуф Исакович (*подражая Нуркасиму Исаковичу*). Мне... Не только тебе, всем нам.

Нуркасим Исакович. Да понял я, понял. Нам доверяет. (*Пишет.*) Нам. Готово.

Юсуф Исакович. Не торопитесь, дайте и мне написать. (*Пишет.*) Вот так.

Мустахим. А сейчас нужно наши имена вписать, так ведь, брат? (*Пишет, проговаривая по слогам.*) Мус-та-ки-му.

Нуркасим Исакович (*вслед за Мустахимом*). Мус-та-ки-му. Готово.

Мустахим. Нуркасим, посмотри, пожалуйста, правильно ли я написал своё имя?

Нуркасим Исакович. Слушай, не доставай меня каждую секунду своими дурацкими вопросами. Вот, возьми и спиши у меня, если сам не знаешь, как правильно.

Юсуф Исакович. Не забудьте указать сегодняшнее число и месяц.

Нуркасим Исакович. Не учи. Это только сообразим.

Мустахим (*подглядывает в листок Нуркасима Исаковича*). Правильно.

Нуркасим Исакович. Что правильно?

Мустахим. Ты своё имя правильно написал.

Нуркасим Исакович. Я ведь, братишка, в армии писарем служил. Я тебе не Юсуф Исакович – три диплома покупать, чтобы только от остальных не отстать. Хвала Аллаху. В слове из трёх букв четыре ошибки не делаю. (*Юсуфу Исаковичу.*) Ну, что призадумался, велеречивый ты наш? Не знаешь, каким именем подписаться, что ли? Выбирай самое короткое. Ошибок меньше будет. Подпишись Хосе или Осип. Только Юзеф не пиши. А то запутаешься ещё, как правильно писать, через «Е» или через «И». А я вот, не задумываясь, подпишусь тем именем, которым меня отец нарёк. (*Пишет.*) Нур-ка-сим! Вот, готово. Вот теперь можно самую настоящую точку поставить. Точка!

Юсуф Исакович. Что это ты вздумал меня учить со своими куриными мозгами? (*Смотрит в свою бумагу.*) Вот, готово, осталось только Мустахиму расписаться. (*Протягивает листок Мустахиму.*) Возьми, братишка.

Нуркасим Исхакович. Не торопись, Осип. Не лезь вне очереди. Не забывай, кто тут старший. *(Протягивает свой листок Мустакиму.)* На, братишка. Сначала на своём листке распишись, а потом и мой подпишешь.

Мустаким. Давай. *(Расписывается на листке Нуркасима.)*

Нуркасим Исхакович. Ну наконец-то.

Мустаким. Давай, Юсуф Исхакович, и на твоём листке распишусь.

Юсуф Исхакович. На, возьми, братишка.

Мустаким *(берёт бумагу и расписывается)*. Ну вот, готово.

Нуркасим Исхакович. Получается, Мустаким – первый, я – второй, а ты, Хосе, – третий!

Юсуф Исхакович. Да разве дело в очередности...

Мустаким. Зато теперь у всех троих есть доверенность. Ну-ка, старший брат, прочти-ка, что там у нас получилось.

Нуркасим Исхакович. Запросто, братишка. *(Читает.)* Я, Нуркасим, моим древним ханом дедушкой мне лично завещанное наследство доверяю Мустакиму. Первое число, месяц, год. Нуркасим.

Юсуф Исхакович. Можешь тогда и фамилию свою поставить – Нуркасим Февральский.

Нуркасим Исхакович. Что?

Юсуф Исхакович. Дурачок ты наш! Ты ведь сам себе доверенность выписал. Вот, послушай, как нужно грамотно составлять доверенность. Я, Мустаким, моим древним ханом дедушкой мне лично завещанное наследство доверяю Юсуфу Исхаковичу. Первое число, месяц, год. *(После долгого и удивлённого разглядывания бумаги.)* Подожди-ка. Как же это так получилось-то? Себе... Юсуфу Исхаковичу... Написано Юсуфу Исхаковичу. А расписался Мустаким.

Звучит музыка. Гаснет свет.

Действие пятое

В комнате находятся **Мустаким, Касим Сабирханович, Виль Вильданович, Нуркасим Исхакович, Минлениса, Юсуф Исхакович, Суфия.**

Виль Вильданович. Дорогие товарищи, дорогой господин Мустаким!

Мустаким *(зрителям)*. Как всё-таки интересно складывается жизнь. Ещё вчера я был никому не нужным отбросом, а теперь... *(Обращаясь к Виллю Вильдановичу.)* Лучше – просто Мустаким. Слово «господин» ко мне как-то не подходит.

Касим Сабирханович. Не говорите так, товарищ Мустаким. Вы теперь – лицо нашей нации!

Виль Вильданович. Товарищи, я должен рассказать вам о важном открытии. Вчера наши сотрудники ещё раз перечитали завещание хана и обратили внимание на следующие строки.

Нуркасим Исхакович. То есть?..

Виль Вильданович. То и есть... Вот, послушайте. В завещании сказано: «Приветствую тебя, продолжатель моего рода, мой далёкий потомок, мой младший сын».

Касим Сабирханович. И что вы этим хотите сказать?

Виль Вильданович. Дослушайте до конца. «Я не знаю ни твоего имени, ни имени твоих родителей. Поэтому завещаю этот ларец продолжателю моего рода» – слышите, продолжателю рода, а теперь, будьте внимательны, – «самому младшему потомку из мужчин».

Касим Сабирханович. Продолжателю моего рода... Виль Вильданович, прочтите-ка ещё раз это место.

Виль Вильданович. «Продолжателю моего рода, самому младшему потомку из мужчин...»

Касим Сабирханович. Не зря, однако, я выделил вам миллион рублей на то, чтобы вы до последней запятой изучили завещание. Видите, какие подводные камни обнаружены в тексте?

Юсуф Исакович. Ничего не понимаю.

Нуркасим Исакович. И я тоже.

Суфия. Мы же сто раз читали эти строки.

Минлениса. Не говорите так. Здесь заложена очень глубокая мысль.

Юсуф Исакович. Ха, ха, ха... Очень важная мысль, говоришь...

Мустахим. Ну уж нет, родственнички мои дорогие, этот номер у вас не пройдёт. Я не буду жениться. Я себя-то не могу прокормить как следует, а тут ещё за чью-то дочь придётся отвечать. Она же со мной несчастливой станет, да и детям нашим ничего хорошего в этой жизни не будет светить.

Виль Вильданович. Не ошибитесь, господин Мустахим, Мустахим Исакович.

Касим Сабирханович. Что значит – не женюсь?! Ваш благородный предок, заботясь о продолжении своего рода, оставил вам, именно вам, такую богатую страну, а вы, значит, заставляете его краснеть... Нехорошо это.

Виль Вильданович. Не ваш, а наш благородный предок, Касим Сабирханович.

Касим Сабирханович. Раз уж вам суждено стать наследником хана, то будьте так добры – женитесь, пожалуйста. Вы же сами видите, что написано в завещании – «продолжателю рода». (Обращаясь к Мустакиму.) А вы продолжили его род? Нет. До сегодняшнего дня так и не женились. А возраст-то ваш – предельный для женитьбы.

Юсуф Исакович (шепчет Суфии). Ты тяжёлая. Ты тяжёлая.

Суфия (шепчет Юсуфу Исаковичу). Как это – тяжёлая?..

Юсуф Исакович. Ты брюхатая!

Суфия. Как это – брюхатая?

Юсуф Исакович (шепчет). Тупица! Ты – беременная. Поддакивай тому, что я буду говорить. Извините, товарищи. Но он уже женился!

Касим Сабирханович (удивлённо). Как женился?

Виль Вильданович. Женился?..

Юсуф Исакович. Да, женился.

Нуркасим Исакович, Минлениса. Когда женился?..

Юсуф Исакович (шепчет Нуркасиму Исаковичу и Минленисе). Помалкивайте, придурки. Не видите, что ли, как они ханское наследство хотят вырвать из наших рук? Стойте и поддакивайте моим словам. Уважаемое собрание, хочу сообщить вам новость – Мустахим же-нил-ся!

Касим Сабирханович. На ком?

Юсуф Исакович. На Суфии!

Виль Вильданович. Как это – на Суфии?

Касим Сабирханович. Но ведь Суфия твоя жена.

Юсуф Исакович. Раньше была моя, а теперь – моего братишки.

Касим Сабирханович (обращаясь к Мустакиму). Значит, на невестке женился, Мустахим?

Мустахим. Даже не знаю, что и ответить-то. Сказал бы, что по пьянке это случилось, так ведь забыл уже, когда пил в последний раз...

Виль Вильданович. Значит, собственную невестку взял в невесты?..

Юсуф Исакович. Получается, что так.

Касим Сабирханович. А когда ты успел развестись-то с Суфией?

Виль Вильданович. Да. Когда у вас был суд?

Юсуф Исакович. А мы не в суде развелись, так ведь, брат Нуркасим?

Нуркасим Исакович. Даже не знаю, что и сказать.

Юсуф Исакович. Мы сейчас живём по законам шариата. Мы – наследники хана. Мы живём по древним ханским законам. Когда я увидел, что Мустахим и Суфия остались в спальне наедине, крикнул своей жене три раза – «талак, талак, талак». Так ведь, Минлениса?

Минлениса. Да, да, ровно три раза ты крикнул «талак».

Юсуф Исакович. Говорил ли я так, Нуркасим?

Нуркасим Исакович. Говорил, братишка, говорил. А я ещё тебе тогда сказал, что ты даже свою жену не пожалел ради святого дела. Ты, сказал я тебе, само воплощение доброты.

Касим Сабирханович (*обращаясь к Суфии*). А ты слышала, как он тебе сказал «талак»?

Суфия. Конечно, слышала.

Виль Вильданович. Даже через запертую дверь?

Суфия. Когда он кричал, я дверь успела пинком открыть.

Виль Вильданович. Почему пинком?

Нуркасим Исакович, Минлениса, Юсуф Исакович. От радости.

Касим Сабирханович. Радовалась разводу, что ли?

Нуркасим Исакович, Минлениса, Юсуф Исакович. Новому замужеству.

Касим Сабирханович. Ничего не понимаю. (*Обращаясь к Виллю Вильдановичу.*) Ты что-нибудь понимаешь во всём этом или нет?

Виль Вильданович. Нет.

Нуркасим Исакович. Да что тут понимать-то. Как только братишка Юсуф крикнул три раза «талак», я на правах законного муллы прочитал Мустахиму и Суфии никах, обвенчал их перед Аллахом. Так ведь?

Минлениса. Так, так.

Виль Вильданович. А ты, Мустахим, дал своё согласие?

Мустахим. Ну вы даёте. С чего бы вдруг мне давать своё согласие? Вы за кого меня считаете, чтобы я на жене своего брата женился?

Юсуф Исакович. Ты, братишка, давай не паникуй. Не отказывайся от своих слов. Не забывай, что ты – потомок хана.

Касим Сабирханович. Правильно, господин Мустахим! Стойте на своём, вы же – потомок хана! Завтра же устроим конкурс за право называться вашей женой. Самые красивые, самые известные девушки нашего города будут состязаться за место в вашем сердце. Так что будьте готовы, уважаемый Мустахим.

Мустахим. Тогда побольше приглашайте красавиц. Я сам хоть и неказистый с виду, да и ростом не вышел, но в женщинах толк знаю.

Касим Сабирханович (*зрителям*). Вонючий хорёк! Не зря говорят: татарин, разбогатев, женится, а русский – церковь строит.

Играет музыка. Гаснет свет.

Действие шестое

Та же комната, но украшенная словно перед праздником. В левом портале низенькие нары, устланные коврами, как в узбекской чайхане, на нарах – различные блюда. В центре, скрестив по-турецки ноги, сидит Мустахим, справа от него – **Нуркасим Исакович** и **Юсуф Исакович**, слева – **Касим**

Сабирханович и Виль Вильданович. Напротив них в расшитом халате и парчовой чалме молодой **парень** играет на курае. Перед парнем стоит большой пёстрый кувшин. Парень прекращает играть.

Парень. Дорогой господин Мустахим, дорогие гости нашего города. К сожалению, у меня не получилось выманить змею из кувшина. Но мы сегодня собрались совсем не для этого. Сегодня главный повод для радости – выбрать для нашего господина, для нашего единственного наследника ханского рода Мустакима Исхакетдиновича невесту, самую достойную из самых достойнейших татарских девушек. (*Вытянув правую руку.*) Потомок великого хана, высокочтимый господин Мустахим вызывает сюда красавицу под первым номером. Музыка.

Восточная музыка звучит всё громче. В комнату, держа в правой руке табличку с первым номером, входит полуобнажённая, как положено восточным красавицам, девушка и начинает танцевать. Танцуя, она несколько раз успевает прильнуть к Мустакиму.

Юсуф Исхакович (*шепчет Нуркасиму Исхаковичу*). Старайся любыми способами сделать так, чтобы её не выбрали. Это всего лишь хитрая уловка, чтобы отнять у нас ханское наследство.

Нуркасим Исхакович (*хлопает в ладоши*). Всё, хватит, достаточно!

Музыка стихает, девушка прекращает танцевать и, мило улыбнувшись, выходит из комнаты.

Мустахим. Что случилось, почему прервали выступление? Я, забыв обо всём на свете, любовался красавицей, а вы своими резкими хлопками прервали моё наслаждение.

Юсуф Исхакович (*шепчет на ухо Мустакиму*). Не стоит так обольщаться. Не видишь, что ли, какие у неё кривые ноги?

Мустахим. Ну и что же. Я что-то не пойму, тебе жену выбирают или мне?!

Юсуф Исхакович (*Нуркасиму Исхаковичу*). Скажи ты ему хоть пару слов.

Нуркасим Исхакович. Надеюсь, ты не ослеп, братишка. Посмотри на её пупок.

Юсуф Исхакович, Мустахим. А что у неё с пупком?

Нуркасим Исхакович. Что, что? Он же не больше горошины.

Касим Сабирханович (*на ухо Мустакиму*). Твой брат прав. Не переживай. Самые лучшие девушки после выйдут.

Парень. Дорогой господин Мустахим, дорогие гости! Несколько слов о выступившей перед вами красавице под номером один. Её зовут Декабрина! Родилась в прошлом веке, из знатной семьи. Ещё вчера она считала себя русской, а сегодня – татарка. Рост – один метр сорок девять сантиметров. Волосы светлые, брови чёрные, глаза зелёные. Из рода пони. (*Вытягивает правую руку.*) А сейчас вашему вниманию предлагаем девушку под номером два. Добро пожаловать, второй номер! Маэстро, музыку.

Музыка усиливается.

Касим Сабирханович (*Мустакиму*). Мне больше всех именно второй номер нравится.

Танцуя, появляется девушка под номером два. Мустахим громко смеётся.

Почему смеётесь?

Мустахим. Так смешно же.

Касим Сабирханович. И что же в ней такого смешного?

Мустахим. В такт музыке никак попасть не может.

Касим Сабирханович. Да ерунда это – в такт попасть. Зато она прямо в сердце попадает. Посмотрите на её фигуру. Хороша фигурка-то?

Мустахим. Тяжеловес!

Касим Сабирханович. Ну, не воробышек, конечно, согласен.

Мустахим. Такой спьяну попадётся под горячую руку, одним ударом в нокаут отправит.

Касим Сабирханович (*Вилью Вильдановичу*). А тебе нравится?

Виль Вильданович. Хороша. Похожа на лошадь, поперёк спины которой положили чемодан с камнями.

Касим Сабирханович. У кого я спрашиваю, дурак. Говорит так, словно в женщинах разбирается. Мустахим, родной мой, не обманись, отвергая эту девушку. У меня огромный опыт в этом деле. Я семь раз разводился и правильную женщину могу распознать, даже если она по пояс в печь залезет.

Мустахим (*хлопая в ладоши, останавливает выступление*). Хватит, достаточно. Не мучайте ребёнка. Иди, девочка, ступай домой. Ничего нет тяжелее танца для не умеющего танцевать.

Касим Сабирханович. Что, неужели ничем не понравилась тебе эта девушка?

Мустахим. Ну, сказать ничем было бы неправильно... Грудь мне понравилась, но ведь одной только грудью сыт не будешь. В жизни ведь и длинная шея, и стройные бёдра, и тонкая талия тоже немаловажны.

Парень. Дорогие гости. Короткая справка о втором номере. Имя – Нуркаси́ма... Рост – два метра и...

Нуркасим Исхакович. Хватит, достаточно. Не нужна нам справка. Зови третий номер.

Парень. Дорогие господа, многоуважаемый господин Мустахим, сейчас вашему вниманию предстанет одна из самых прекрасных драгоценностей нашей нации, участница под третьим номером, плод совместных усилий татарского и русского народов красавица Элеонора!

В комнату, танцуя, входит участница под третьим номером.

Виль Вильданович (*аплодирует*). Bravo, bravo! (*Мустахиму*.) Вот это, я понимаю, красавица. Посмотри-ка на её ножки. Из ушей растут. А эта шея, а грудь... На вашем месте, господин Мустахим, я бы безо всяких раздумий остановил свой выбор на этой девушке.

Мустахим. Да... Правильно говоришь. И мне тоже нравится эта красавица.

Касим Сабирханович. Bravo, bravo! (*Хлопает в ладоши, останавливая танец*.) Спасибо, красавица. Не знаю, понравились ли вы господину Мустахиму, но отец ваш, Виль Вильданович, вне всяких сомнений – в полном восторге. Спасибо вам ещё раз.

Девушка уходит, пританцовывая.

Парень. Дорогие гости, дорогие господа, мы приглашаем сюда девушку под номером четыре.

Касим Сабирханович. Постой, постой, паренёк. Мы же ещё справочку про третий номер не выслушали.

Парень. Извините меня, дорогой господин Мустахим. Извините, господа. Только что перед вами выступала восхитительная Элеонора Вильевна. Родившаяся в конце двадцатого века, а уже в самом начале двадцать первого сводившая с ума многих мужчин, Элеонора – один из прекраснейших символов дружбы татарского и русского народов.

Касим Сабирханович. Спасибо. Достаточно. Далее нам уже не интересно.

Виль Вильданович. Зачем останавливаете? Пусть продолжает.

Нуркасим Исхакович. Незачем дальше продолжать. Нам нужна чистокровная татарка. Так ведь, брат Мустахим?

Мустахим. Так, брат, так.

Юсуф Исхакович. Пусть поскорее вызывают номер четыре.

Парень. Дорогие гости, дорогой господин Мустаким. Сейчас по вашим просьбам я приглашаю участницу под четвёртым номером – Магруфкамаль. Пусть она доставит вам наслаждение своими восточными танцами под восточную музыку. Поприветствуем участницу бурными аплодисментами.

Музыка звучит всё громче и громче, в комнату, танцую, входит полуобнажённая **Суфия**.

Нуркасим Исхакович (*громко смеётся*). Ну надо же, как бывают похожи люди. Смот... ри...и-и-ка, смот...ри-и-и-и. Эта с нашей невесткой Суфией – просто одно лицо.

Юсуф Исхакович. Да где уж похожа-то? Эта – просто куклолка по сравнению с Суфией. Да и по возрасту их не сравнить – в дочери моей Суфии годится.

Нуркасим Исхакович. Ха... ха... ха... Смотри-ка, смотри. Как подпрыгивает, а!.. Ох, бедняжка. Что с людьми жажда богатства делает. Ха... ха... ха... Давай, наклонись, покажи нам свои ножки.

Мустаким. Ха... ха... ха... Bravo! Bravo! Молодец, здорово у тебя получается!

Юсуф Исхакович (*Мустакиму*). Понравилась, что ли, братишка?

Мустаким. Класс! Во, брат! Вот это номер! Bravo! Bravo! Бис!

Юсуф Исхакович. Bravo! Bravo! (*Забывшись*.) Давай, давай, Суфия!

Нуркасим Исхакович. Кто, говоришь?! Суфия?

Юсуф Исхакович. Сам ты – Суфия. Уши прочисть. Я сказал Магруфкамаль!

Мустаким. Уф, убила она меня. Ой, давай, давай, давай, давай, давай наяривай!

Все начинают дружно смеяться и аплодировать. Суфия, пританцовывая, уходит из комнаты.

Спасибо тебе, брат. (*Протягивает руку Юсуфу Исхаковичу*.) Молодец, брат. Только ты мог такой юмор придумать. Вот это я понимаю, вот это номер. А то я уже заскучал было. Уважаемые! Я так жену выбирать не могу.

Касим Сабирханович. Почему?

Мустаким. Почему, почему – потому что я уже успел забыть, как выглядит девушка под первым номером. Если вы не против, давайте всех позовём сюда. Ну как, согласны?

Виль Вильданович. Я согласен.

Касим Сабирханович. Я тоже не против.

Юсуф Исхакович. А я – против.

Касим Сабирханович. Это почему же?

Юсуф Исхакович. Потому, что наш брат Мустаким устал. И он может ошибиться и выбрать себе не ту невесту. Что ни говори – мы ведь будущую жену для наследника хана выбираем.

Нуркасим Исхакович. Я тоже не согласен.

Мустаким. Ну нет, так не пойдёт. Что я должен сто дней себе жену выбирать? Закончим это дело сегодня же.

Касим Сабирханович (*обращаясь к парню*). Зови всех сюда.

Парень. Дорогой господин Мустаким! Призываю пред ваши светлые очи всех наших красавиц, наших жгучих девушек. Музыка! Дорогие девушки, прошу вас! Потомок великого хана ждёт вашего появления с нетерпением!

В комнату входят семь девушек и начинают танцевать. К ним присоединяется Мустаким.

Мустаким (*наплясавшись*). Дорогие мои, с вашего позволения хочу сказать несколько слов. С этой минуты все семь прекрасных девушек достаются мне одному и становятся моими жёнами.

Нуркасим Исхакович, Касим Сабирханович, Юсуф Исхакович, Виль Вильданович. Все?!

Мустахим. Да, все!

Нуркасим Исхакович, Касим Сабирханович, Юсуф Исхакович, Виль Вильданович. Тебе одному?

Мустахим. Да, мне одному. У моих древних предков были целые табуны жён, а я чем хуже? Семь законных жён, семьдесят детей, семьдесят новых татар!

Играет музыка. Гаснет свет.

Действие седьмое

Звонок в дверь.

Мустахим. Иду, иду. Сейчас открою. Одну минуточку. *(Подходит к двери. Открыв её, выпускает четырёх учёных мужей: Гали Валиевича, Вали Галиевича, Сали Садриевича, Александра Александровича и Нуркасима Исхаковича.)*

Гали Валиевич, Вали Галиевич, Сали Садриевич. Салям алейкум.

Александр Александрович. Здравствуйте.

Юсуф Исхакович. Добрый день.

Гали Валиевич, Вали Галиевич, Сали Садриевич. О... Иосиф Исаакович! *(Здороваются.)*

Александр Александрович. Здравствуйте, Осип Исаакович.

Юсуф Исхакович. Сан Саныч, извините, пожалуйста. Я не Осип и не Иосиф. Мой отец Исхак назвал меня Юсуфом. Так что я – Юсуф Исхакович. И попрошу вас впредь не коверкать моё имя.

Александр Александрович. Извините, пожалуйста. Вы всегда представлялись Осипом Исааковичем.

Юсуф Исхакович. Ну и что, а теперь я – Юсуф.

Александр Александрович. Извините.

Вали Галиевич. А разве вы по паспорту не Иосиф Исаакович?

Юсуф Исхакович. Что такое паспорт? Это всего лишь кем-то выданная бумажка. Вы лучше в моё свидетельство о рождении загляните.

Нуркасим Исхакович. Да, да, уважаемые гости. Я как человек, оставшийся в этой семье за отца, могу вам сказать – у него в метрике написано Юсуф. Человек из рода самого Аллаха, означает это имя.

Юсуф Исхакович. Непревзойдённый по красоте. А ещё это имя легендарного пророка Юсуфа.

Сали Садриевич. Товарищи, мы пришли сюда не имена проверять. Сколько ни говори про лису «волк», всё равно лиса останется лисой. Дело не в имени, нам нужно найти первый колышек нашего города, первый колышек Казани. Я, председатель научной комиссии по поиску первого колышка, преобразованной недавно в институт колышковедения, Сали Садриевич. Эту высокую должность я себе не выпрашивал. Как вам, наверное, известно, этот пост мне доверило государство. Хочу представить вашему вниманию моего кандидата на должность секретаря комиссии доктора археологии, профессора, академика Гали Валиевича. Кто согласен с предложенной мной кандидатурой на должность секретаря комиссии и всего института, прошу голосовать.

Гали Валиевич *(поднимает руку).* Я – за!

Вали Галиевич *(поднимает руку).* Вынужден присоединиться.

Александр Александрович. Я воздерживаюсь.

Сали Садриевич. У меня, как у председателя, два голоса. Я – за. *(Поднимает руку.)*

Кто против?

Нуркасим Исхакович. Я – против.

Юсуф Исхакович. Я – за.

Сали Садриевич. А вы – не члены коллегии. Значит, большинством голосом Гали Валиевич утверждён на должность главного секретаря института. Занесите это в протокол.

Вали Галиевич. А кто будет составлять протокол?

Сали Садриевич. Понятно кто – секретарь Гали Валиевич. *(Достаёт большой лист чистой бумаги и кладёт на стол.)* Как вы все знаете, до момента торжественного открытия ханского ларца остались считанные дни. Государство поручило нам ответственную работу. До вскрытия ларца, в очень сжатые сроки, мы должны найти первый колышек города Казани. У кого какие соображения на этот счёт? *(Гали Валиевич тянет руку.)* Пожалуйста, Гали Валиевич.

Гали Валиевич. Прежде чем начать доклад, мне хотелось бы выразить вам свою огромную благодарность. *(Расчувствовавшись.)* За то, что вы поверили в меня и выбрали главным секретарём научно-исследовательского института колышковедения. *(Вытирает увлажнившиеся глаза носовым платком.)* Сразу после того как меня вчера в Кабинете Министров утвердили членом комиссии, я приступил к работе.

Вали Галиевич. Да будет вам...

Сали Садриевич. Говорите по существу вопроса. Товарищи, попрошу не перебивать выступающего.

Гали Валиевич. Колышка нет!

Мустахим. Нет?..

Юсуф Исхакович. Как это нет?

Мустахим *(перестав перебирать чётки).* Колышек есть!

Гали Валиевич *(Мустахиму).* Извините меня, но колышка нет!

Мустахим. Колышек есть!

Сали Садриевич. Уважаемый господин Мустахим, извините меня, но я должен вам сказать, как бы это ни было тяжело для вас, что вы пока очень слабо осведомлены в этом вопросе.

Александр Александрович. Вам, чтобы спорить с нами на равных, нужно пуд соли съесть.

Мустахим. Колышек есть!

Гали Валиевич. Колышка нет!

Сали Садриевич. На какой источник информации вы опираетесь, говоря, что колышка нет?

Гали Валиевич. Допустим, что некий хан тысячу лет назад вбил где-то в этом районе колышек как основание города Казани.

Нуркасим Исхакович. Да, даже более тысячи лет назад.

Гали Валиевич. Как вы думаете, из какого материала был сделан этот кол?

Вали Галиевич. Известно из чего – из металла.

Александр Александрович. Конечно, из металла.

Гали Валиевич. А вот и нет – колышек был деревянный. Тысячу лет назад татары ещё не умели производить металл. Хан пришёл на берег Казанки, достал из-за пояса топор, срубил прибрежную иву, заострил с одного конца и вбил в землю.

Вали Галиевич. Ну уж нет, разрешите не согласиться с вами, коллега. Железо применялось ещё при строительстве древних Булгар. Так что колышек был металлический.

Гали Валиевич. Нет, деревянный!

Александр Александрович. Правильно. Тысячу лет назад вашему народу железо даже и не снилось. Казань была заложена не тысячу лет тому назад, как думаете вы, а примерно семьсот пятьдесят. Семьсот пятьдесят лет тому назад русские научились выплавлять из руды чугуны. А значит, первый колышек Казани был железным.

Мустахим. Так что мне теперь ещё двести пятьдесят лет ждать, что ли?

Александр Александрович. А что делать, другого выхода нет, с историей не поспоришь.

Нуркасим Исхакович. Так что, по-вашему, ошиблись арабские гонцы, поторопились?

Александр Александрович. Получается, что ошиблись. Товарищи, а вы обратите внимание на сам ларец. Есть на нём хоть одна металлическая деталь? На нём нет ни петель, ни замка, ни отверстия под ключ. Так поймите же вы, наконец, – тысячу лет назад у татар не было ни железа, ни Казани. Я ещё раз вам повторяю – Казань была заложена семьсот пятьдесят лет назад.

Сали Садриевич. Хорошо. Вы мне тогда вот что объясните, раз, по-вашему, хан забил железный колышек, то почему же тогда он не сделал железный замок для ларца?

Александр Александрович. Вот в этом-то и есть главная проблема. Возникает резонный вопрос – почему хан не сделал железный замок на ларец?

Мустахим. Хан верил в своих потомков, в то, что они будут правоверными и никогда не уронят чести и достоинства. Он посчитал излишним запирать священный сундук.

Юсуф Исхакович. Раз хан счёл ненужным применение металла в ларце, то, скорее всего, ему было безразлично, будет первый колышек железным или деревянным.

Сали Садриевич. Хорошо. Предположим, что первый колышек был деревянным. Но может ли кто из вас сказать, где находится то место, куда он был вбит?

Александр Александрович. Кол – деревянный, Казани – тысяча лет. И вы ещё спрашиваете, где первый колышек? Нет его. За тысячу лет любое дерево сгниёт, в пыль превратится.

Юсуф Исхакович. За тысячу лет и железо прахом станет.

Нуркасим Исхакович. Получается, что месяц не сядет на первый колышек. Получается, что мы не сможем открыть ханский ларец. Получается, что наследие нашего народа пропадёт, а вместе с ним и наше будущее.

Александр Александрович. Уважаемые татарские учёные. Вам нужно опираться на выводы наших, русских учёных. Поверьте мне, Казани не больше семисот пятидесяти лет. Вам, чтобы отыскать первый колышек и обрести наследие хана, нужно ждать ещё двести пятьдесят лет. Только тогда вы обретёте свою государственность!

Вали Галиевич. Нет уж, Александр Александрович, извините. Уважаемые коллеги, я вас внимательно выслушал, в очередной раз убедился в вашей компетентности и решил подбросить вам ещё одну версию. Колышек был не железный и не деревянный. Он, как и ларец, был каменным. Не зря же говорят, Казань – белокаменная столица, камень – самый прочный материал во все времена!

Юсуф Исхакович, Нуркасим Исхакович. Вот это учёный! Bravo! Bravo! (*Аплодируют.*)

Нуркасим Исхакович. Вы – самый главный учёный, Вали Галиевич.

Юсуф Исхакович. Вам нужно Нобелевскую премию присвоить за это открытие.

Александр Александрович. Подождите-ка, стойте. Рано ещё аплодировать. Нобелевскую премию не так-то легко получить. (*Вали Галиевичу.*) Жду от вас более обстоятельных разъяснений, коллега. На чём основана ваша версия?

Вали Галиевич. Моя версия такова. Никто из нас достоверно не знает, умели ли татары получать железо тысячу лет назад или не умели. Никто из нас этого своими глазами не видел. Но я точно знаю, что за тысячу лет и дерево, и железо превратятся в труху. А камень?! Камень – вечен!

Юсуф Исакович, Нуркасим Исакович. Bravo, bravo, Вали Галиевич!

Нуркасим Исакович. Значит, мы сможем открыть ларец!

Юсуф Исакович. Значит, наш народ будет жить!

Юсуф Исакович, Нуркасим Исакович. Bravo, bravo, Вали Галиевич! (*Аплодируют.*)

Гали Валиевич. Хорошо. Пусть будет по-вашему. Допустим, первый колышек – каменный. Тогда я попросил бы вас ответить на один вопрос. Если, по вашей версии, железа ещё не было, то чем же наши предки обрабатывали камень?

Александр Александрович. Да. Как они его заостряли?

Вали Галиевич. От любого ожидал я такого вопроса, но только не от вас, Александр Александрович. Для Гали Валиевича такое в порядке вещей. Он и зайца без ружья может добыть – догонит и руками поймает. Только он мог додуматься до такого: хан, не знавший о железе, достаёт из-за пояса железный топор и, заострив срубленную топором ветку, вбивает первый деревянный колышек на месте будущей Казани. А ты... Ты же большой учёный. Тебе не пристало задавать такие вопросы. Ваш народ вперёд нашего узнал, как обрабатывать камни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.